

БЕСѢДЫ.

БЕСѢДЫ

ВЪ ОБЩЕСТВѢ ЛЮБИТЕЛЕЙ

РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ПРИ ЦАРЕВЪСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

МОСКВА.

**Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.**

1868.

Второй выпускъ «Бесѣдъ» издаваемыхъ Обществомъ Любителей Россійской Словесности въ исполненіе его протокола 19 января 1866 года, составленъ по той же программѣ какъ и первый. Но въ число статей, помѣщенныхъ въ этомъ выпускѣ, вошли двѣ, о которыхъ редакция считаетъ не излишнимъ сдѣлать оговорку, такъ какъ онѣ принадлежатъ литераторамъ, не имѣющимъ званія Членовъ Общества. Одна изъ нихъ доставлена, чрезъ посредство Д. Ч. А. А. Котляревскаго, сыномъ покойнаго Д. В. Дашкова — Д. Д. Дашковымъ и по интересу ея содержания, хотя и написана еще въ 1863 году, признана Обществомъ исполнѣею соответствующей цѣли его занятій. Другая — о Грибоѣдовѣ, есть посмертный трудъ Д. А. Смирнова, который въ теченіе цѣлыхъ двадцати пяти лѣтъ собиралъ матеріалы какъ о жизни самого Александра Сергѣевича, доводившагося ему родственникомъ по матери, такъ и о знаменитой его комедіи «Горе отъ ума». Матеріалы, относящіеся къ послѣдней, также доставлены супругой покойнаго автора въ Общество и будутъ напечатаны въ слѣдующемъ выпускѣ Бесѣдъ.

Редакціей настоящаго выпуска завѣдывалъ предсѣдатель Общества дѣйствительный членъ Н. В. Калачовъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣленіе I.

Стр.

1. Филаретъ, митрополитъ Московскій, отрывокъ изъ записокъ
Д. Ч. Н. В. Сушкова 1—16
2. Львовскія Евангелія XVII вѣка. Д. Ч. М. П. Полуденскаго. . 17—19
3. Стихи и сказанія про Алексія Божія челоуѣка. Д. Д. Дашкова. 20—52
4. Нѣсколько словъ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ и о суе-
вѣріяхъ. Д. Ч. В. М. Ундольскаго. 53—56

Отдѣленіе II.

1. Біографическія извѣстія о Грибоѣдовѣ. Д. А. Смирнова. . . 3—30
2. Грозный царь Иванъ Васильевичъ. Народная пѣсня въ лицахъ.
Д. Ч. Н. А. Чаева 31—65
3. Добрыя товарищѣ. Д. Ч. Ѳ. В. Миллера. 66
4. Семела. Вольный переводъ драматической поэмы Шиллера. Д.
Ч. Б. Н. Алмазова 67—90
5. Толковый Словарь живаго великорусскаго языка В. И. Даля.
Д. Ч. А. А. Котляревскаго 91—94
6. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, соч. академи-
ка Пекарскаго. Д. Ч. П. К. Щебальскаго 95—99

Приложенія.

1. Рѣчи и стихотворенія, читанныя въ публичномъ засѣданіи Об-
щества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ
Университетѣ 20 мая 1867 г. въ честь гостей-Славянъ:
Вступительное слово. Предсѣдателя Д. Ч. Н. В. Калачова. . 3— 8
Славянамъ. Д. Ч. князя Н. А. Цертелева 9
Братьямъ-Славянамъ. Д. Ч. Ѳ. В. Миллера 10
О Славяновѣдѣніи въ Россіи. Д. Ч. А. А. Майкова 11—19
Съ залогомъ славы... Д. Ч. К. С. Аксакова 20—21
О Славянскомъ народномъ пѣснотворествѣ. Д. Ч. П. А. Без-
сонова 22—29
Нашимъ заграничнымъ братьямъ. Д. Ч. Б. Н. Алмазова . . 30—31
2. Списокъ Славянъ, избранныхъ въ члены Общества Любителей
Россійской Словесности въ засѣданіи 22 декабря 1867 г. . . 32
3. Отчетъ Общества Любителей Россійской Словесности за 1867 г. 33—39

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ФИЛАРЕТЪ,

МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ.

(Отрывокъ изъ записокъ Н. В. Сущкова.)

1863 — 1867 г.

Коломна — благословенная родина Василя Михайловича Дроздова. Нѣкогда — житница Москвы, вотъ она — *неистребляемое* зерно собираетъ на пищу жителей столицы: блюдетъ духовное сѣмя въ своемъ уроженцѣ, грядущемъ пастырѣ-проповѣдникѣ, сѣмя вѣры, любви, чистоты, мудрости, заванія, краснорѣчія — на питаніе православной паствы плодами духовными.

Духовное происхожденіе Дроздовыхъ ведется издалека; но мастиный потомокъ ихъ вспомнилъ имена своихъ праотцевъ только до прапрадѣда, Игнатія, о которомъ впрочемъ ничего не дошло до него изъ семейныхъ преданій. Онъ служилъ гдѣ-то причетникомъ и однакожъ, по всей вѣроятности, былъ человекъ начитанный и разумный, потому что заботился о приуготовленіи своихъ сыновей на служеніе пресвитерское — и они достигли пресвитерства. Изъ нихъ Ѳеодоръ Игнатьевичъ (отецъ Михаила Ѳеодоровича и дѣдъ Василя Михайловича) былъ протоіереемъ Богоявленской въ Коломнѣ церкви. Другой его дѣдъ, по матери, Никита Афанасьевичъ также былъ священникомъ. Первый, будучи еще не старъ и пользуясь добрымъ здоровьемъ, сдалъ свой приходъ своему старшему сыну, съ благимъ намѣреніемъ въ мірѣ отдѣлиться отъ міра. Онъ удалился отъ всѣхъ знакомыхъ и родныхъ, повелъ жизнь уединенную, отшельническую, въ постѣ и молитвѣ, рѣдко выходилъ изъ своего домика; видали его только въ церкви. Не имѣя, по скудости, часовъ, онъ опредѣлялъ время келейной молитвы своей (3 раза въ день) горѣніемъ церковной восковой свѣчи.

Мать владыки (дочь Никиты Афанасьевича) Евдокія Никитична, помѣстясь на старости въ близкомъ сосѣдствѣ съ своимъ сыномъ, почти противъ воротъ Троицкаго (Сухаревскаго) подворья, также вела жизнь, по возможности, уединенную. Она часто говѣла и всегда приобщалась въ его домовоі церкви. Трогательная картина: дряхлая старушка мать предъ старцемъ сыномъ! Съ какою любовію приобщаетъ

сынъ! Съ какою вѣрою приобщается мать! Какою благодарностью къ Богу горять въ нихъ сердца! Какъ легко несется молитва ихъ къ купителю Христу!.. Нерѣдко видали его, по частымъ недугамъ своей матери, торопливо идущимъ къ ея домику черезъ пространный дворъ, въ глухую ночь и въ зимнюю стужу, съ пособіемъ пастырской молитвы и сыновней любви. Крѣпкій духомъ, онъ забывалъ немощи своей дряхлѣющей плоти. Мирно покорный судьбамъ Божиимъ, онъ, не смущаясь кончиной ея, безъ рыданій принялъ послѣдній вздохъ усопшей, безъ рыданій отдалъ послѣдній долгъ отшедшей изъ времени въ вѣчность. Твердо бодрствуя на молитвѣ поминовений и погребенія, обрѣлъ въ душѣ своей силы встрѣтить гробъ на кладбищѣ, проводить до могилы, посыпать перстію персть, и кротко-сиротливо возвратиться въ свою келлію къ обычнымъ трудамъ и подвигамъ. Въ урочные дни поминовений онъ ежегодно посѣщалъ Пятницкое кладбище, гдѣ сложена земная одежда взятой изъ житейскаго міра души.

Первоначальное воспитаніе получилъ отрокъ Дроздовъ въ Коломенской семинаріи, въ послѣдствіи переведенной въ Тулу, за упраздненіемъ Коломенской епархіи.

Вспоминая о послѣднихъ архіереяхъ въ ней, владыка особенно любилъ говорить, при снисходительныхъ бесѣдахъ со мною, о Мееодіи (Смирновѣ), какъ о человѣкѣ ученомъ, большой начитанности и (при хорошемъ знаніи еврейскаго языка) отличномъ латинщикѣ. По-латинѣ написалъ онъ и церковную исторію трехъ первыхъ вѣковъ. Лучше всего въ этомъ трудѣ (говорилъ митрополитъ), по объему и обработкѣ, *введеніе*. Собственно же исторія, по бѣглости и краткости изложенія, представляетъ какъ бы конспекты ученой диссертации. Такое пространное введеніе въ непространную исторію: „большая голова на маломъ туловищѣ“ — проявляетъ въ писателѣ и усидчивость и торопливость, и обширныя свѣдѣнія и неполноту соображеній. По-русски онъ немного писалъ; а предпочтительно владелъ и, можно сказать, особенно щеголялъ латинью, зная впрочемъ и греческій языкъ.

Переводимый изъ епархіи въ епархію, изъ Коломны въ Тулу, изъ Тулы въ Тверь, изъ Твери въ Ярославль, Мееодій совершилъ свое святительское служеніе въ Псковѣ, въ санѣ архіепископа и въ званіи синодальнаго члена. Въ его время Тверь была, по пребыванію въ ней В. К. Екатерины Павловны (герцогини Ольденбургской, въ послѣдствіи королевы Виртембергской), какъ бы столицей небольшого германскаго Двора. Отсюда онъ легко могъ бы попасть на кресло первоприсутствующаго въ Св. Синодѣ. Но латынь и еврейскій языкъ хороши въ университетахъ и академіяхъ; а суровая ученость, при необходимости строгаго и нѣсколько угловатаго пастыря, непріятно дѣйствовала на среду, съ которой онъ соприкасался по своему положенію. Его, какъ говорится, „спустили по холоду.“

Родители „Василія Дроздова,“ — черезъ 27 лѣтъ „днюка Филарета,“ были любимы и уважаемы въ Коломнѣ. Прихожане усердно заботи-

лись о ихъ благосостояніи. Однако доброе расположеніе къ своему приходскому священнику не скоро открылось въ нихъ. Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ посвященъ не по желанію прихожанъ, а по выбору епархіальнаго начальника (до того онъ былъ дьякономъ кафедральнаго собора); они имѣли въ виду другаго и долго хлопотали о его назначеніи. Дѣло сдѣлалось не такъ, какъ имъ хотѣлось. Отсюда недоброжелательство прихожанъ къ своему смиренному пастырю. Въ намѣренія заставить его удалиться, они умалили до крайней степени свои ему приношенія на хлѣбъ насущный, при исполненіи духовныхъ требъ. Такъ, ни радостное рожденіе младенца, ни благоговѣйное напутствованіе умирающаго, ни свадьба, ни похороны, ни крестины, ни молебствія въ храмовые и семейные праздники, даже посвященные дни Богоматери, даже свѣтлый день Воскресенія не сопровождались тѣми, по силѣ каждаго, приношеніями, безъ которыхъ трудъ и лишенія усугубляются въ безпомощной семьѣ. Михаилъ Ѳеодоровичъ не ропталъ; жена его Евдокія Никитишна не упадала духомъ; они переносили нужду, какъ испытаніе, Богомъ имъ посланное — и истинно по Евангелію „всякой день брали свой крестъ.“ Наконецъ терпѣніе побѣдило жестокосердіе. Прихожане и прихожанки образумились, очувствовались и сознались въ своей несправедливости къ отцу Михаилу. Они видѣли, что онъ заботится о благолѣпії и чистотѣ Божьяго дома; что онъ благоговѣйно, по чиноположенію, всегда усердно совершаетъ каждое служеніе Господу; что во всякое время, и днемъ и ночью, кака бы ни была погода, какое бы ни было разстояніе отъ его дома до призывающихъ священника (приходскій ввѣренный ему храмъ во имя св. Троицы былъ на концѣ города, въ Ямской слободѣ), онъ, прерывая сонъ и отлагая свои дѣла, даже пищу, неудержимо спѣшитъ къ нимъ съ духовнымъ пособіемъ и утѣшеніемъ; что жизнь его и матушки Евдокіи Никитишны проходитъ въ постѣ и молитвѣ, въ трудахъ и лишеніяхъ. И обратились гонители къ невинно-гонимымъ. И удалилась отъ нихъ злая нужда.

Между тѣмъ благочестивая чета обрѣла благословеніе Божіе: подъ кровомъ дѣдушки, когда еще Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ соборнымъ дьякономъ, родился ей сынъ на утѣху и опору подъ старость лѣтъ. Крещеніе младенца совершилось въ Богоявленской церкви 1-го января 1783 г. Восприемникомъ былъ соборный ключарь Петръ Васильевъ, восприемницей жена іерея Никиты Афанасьева Домника Прокофьева *).

26-го декабря 1782 г. Коломна не разумѣла еще какого младенца даровалъ ей Богъ?... въ 1822, черезъ сорокъ лѣтъ, 28-го мая, она спѣшитъ въ срѣтеніе своему архипастырю—помолиться съ нимъ въ домѣ Божіемъ, принять его благословеніе, прослушать его проповѣдь „о любви,“ какъ 40-же почти лѣтъ позже, въ день празднованія премудрости Божіей, 17-го сентября 1861 г., слушала ученіе о молитвѣ.

*) Приложение I.

Первое слово сказано въ Успенскомъ соборѣ въ недѣлю всѣхъ святыхъ; второе прочитано викаріемъ епископомъ Леонидомъ въ Тихвинскомъ (Сл. и Р. ч. I стр. 84 и ч. III стр. 370).

Увидѣвъ впервые послѣ столькихъ лѣтъ свою милую родину, проповѣдникъ исполнился мирною радостью, сладостными воспоминаніями о дѣтскихъ дняхъ, о близкихъ его сердцу.

„По неисповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ, видя себя вновь посреди сего града, въ которомъ суждено было мнѣ въ первый разъ увидѣть свѣтъ, и отъ котораго теченіемъ происшествій увлеченъ я былъ таѣ, что никогда уже видѣть его не чаялъ,—сверхъ чаянія, вновь находясь посреди братій и ближнихъ, въ сообществѣ которыхъ получилъ первыя пріятныя ощущенія жизни, желалъ бы я совершенно предаться сильному влеченію любви къ отчизнѣ, — любви, по которой, какъ изъясняется нѣкто изъ Іерусалимлянъ, дѣти Іерусалима *благоволѣша каменею ею, и персть ею ущедрятъ* (Псал. CI, 15), то-есть самыя камни отечественнаго града имъ любезны, милъ даже прахъ путей его. Сердце мое готово теперь воспѣвать сему граду пѣснь, которую они воспѣвали своему Іерусалиму...“

Но вотъ онъ слышитъ слова Христовы: *Иже любитъ отца или мать паче Мене, несть Мене достоинъ!* и возглашаетъ въ храмѣ родномъ среди ближнихъ и братій: „Покорю любовь къ ближнимъ и братіямъ,—покорю любви къ Богу и Христу; забуду люди моя и домъ отца моего, и потщуся помянуть токмо людей Господнихъ и домъ Отца небеснаго?“...

И вотъ онъ учитъ любви къ Богу и Христу: „Если нѣтъ любви, то вѣра не имѣетъ силы и успѣха и не достигаетъ спасенія. Вѣра безъ любви есть образъ безъ жизни: любовь, какъ дыханіе Св. Духа, одушевляетъ вѣру и творитъ ее дѣятельною и спасительною. Если желаешь спасенъ быть вѣрою: возлюби Того, въ Кого вѣруешь“...

„Любовь къ Богу все обращаетъ въ средство къ нашему спасенію и блаженству; безъ нея всѣ средства не достигаютъ сей цѣли. Не будетъ свѣтитъ свѣтильникъ безъ елѣя: и молитва не озаритъ духа безъ любви. Не взыдетъ безъ огня куреніе кадила и молитва безъ любви не взыдетъ къ Богу“...

Коломна молилась и радовалась на своего роднаго учителя. Тогда миновала четверть почти вѣка той порѣ, какъ миловидный, любознательный и благонравный юноша (за перемѣщеніемъ въ 1799 г. семинаріи изъ Коломны въ Калугу), на 17-мъ году своего мирнаго существованія, покинулъ родительскій домъ, чтобы пріютиться подъ кровомъ Троице-Сергіевской Лавры и въ ней довершить свое образованіе.

Когда онъ прибылъ въ Лавру, съ нѣсколькими изъ своихъ коломенскихъ товарищей, всѣмъ имъ было объявлено, что они будутъ понижены однимъ классомъ. Отецъ его потребовалъ для своего сына экзамена. На испытаніи предложена коломенскому студенту задача изъ философіи: „о врожденныхъ идеяхъ.“ Дали юношѣ листъ бумаги

и онъ, окруженный преподавателями, на глазахъ ректора и намѣстника, долженъ былъ писать по-латынѣ на заданную тему. Вопросъ имъ скоро разрѣшенъ—и пришелецъ коломенскій принять на философскій курсъ.

Молитвою къ Св. Сергію и молитвами Св. Сергія онъ обрѣлъ глубокомысленный, страхомъ Божиимъ, вѣрою во Христа и любовію къ ближнимъ проникнутый взглядъ на міръ, на жизнь, на людей. По минованіи короткаго времени учебнаго курса, ученикъ Лаврской семинаріи сталъ въ ней учителемъ (съ 27-го ноября 1803 г.) Въ началѣ онъ преподавалъ еврейскій и греческій языки, а потомъ высшее краснорѣчіе и риторикѣ. Ректоръ архимандритъ Евграфъ (Музалевскій-Платоновъ) прочилъ его на философскую кафедру; но онъ всячески уклонялся отъ такой чести, не признавая себя достаточно свѣдущимъ въ науки вообще и въ премудрїи преимущественно. Вотъ первая черта смиренія въ юношѣ, развившагося до младенческой простоты смиреномудрїи въ старцѣ.

Объ отроческой, ученической, а потомъ учительской и иноческой жизни его сохранилось такое преданіе: онъ любилъ музыку, занимался шахматной игрой и потѣшался ловлею рыбы: смѣло, съ рыбацкѣй сѣтью, впереди своихъ товарищей, на заводи, или, какъ говорится у рыбаковъ, на крылѣ носился юноша по виванскимъ глубокимъ прудамъ. Какъ кстати это занятіе рыбной ловлей, это содружество съ любезной благословеннымъ рыбалямъ-апостоламъ стихіей въ преемникѣ ихъ по рукоположенію святительства!.. Позже покинувъ отроческія забавы и устраняя праздность отъ головы и сердца, даже въ краткіе часы отдыха отъ молитвъ и уроковъ, онъ употреблялъ ихъ обыкновенно то на головоломную игру въ шахматы—это для упражненія ума, то на извлеченіе стройныхъ звуковъ изъ дѣдовскихъ гуслей—это для занятія души. Съ дѣтства прислушивался внукъ къ игрѣ на нихъ своего дѣда и перенималъ отъ него искусство бряцать по струнамъ царя-пророка. Жаль, что въ нашихъ обителяхъ и духовныхъ училищахъ забыты псалтырь и гусли Давида. Я помню еще бойкихъ гуслиаровъ въ народѣ; теперь рѣдко-рѣдко гдѣ найдется этотъ древній кивотъ священныхъ псалмопѣнїй.

Вспоминая о счастливой порѣ дѣтства, онъ съ любовію вспоминаетъ и о своихъ товарищахъ, начальникахъ, учителяхъ и ученикахъ. Въ числѣ ихъ ректоръ Евграфъ оставался съ нимъ въ дружбѣ до конца своей жизни. Только однажды они было поразладили; но остуда между ними вскорѣ согрѣлась взаимностью чувствъ прїязни и уваженія другъ къ другу. Ректоръ, по давнему обычаю въ Лаврѣ, устраивая подобающую встрѣчу митрополиту Платону, въ день его явленья, предложилъ Василью Михайловичу написать въ честь ему стихи и съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей выдти передъ гостей въ сочиненіи на заданную тему разговорѣ. Стихи по-латынѣ были имъ написаны; а отъ разговора онъ отказался: „это театральное представле-

ніе! я не желаю быть актеромъ.“ Отсюда кратковременная между ними остана.

Любовь питомца къ своему духовному, тайнонаставнику Св. Сергію, къ мѣсту своего окончательнаго воспитанія и къ освященнымъ окрестностямъ Лавры, къ Виваніи и къ Геесиманіи чувствуется въ очень многихъ изъ словъ и рѣчей его. Онъ любитъ вспоминать время своего дѣтства въ родной ему Коломнѣ и время сиротства въ обители, изъ которой въ вакаціонную пору воспитанники перебирались на отдыхъ и прогулки за 3 — 4 версты подъ тѣнь дремучихъ лѣсовъ, гдѣ теперь геесиманскій скитъ, и вотъ черезъ 60 лѣтъ, при освященіи тамъ храма Св. Праведнаго Филарета Милостиваго, 27-го сентября 1860 г., воспоминанія въ душѣ его пробудились — и рисуетъ онъ въ 32-й проповѣди бывшее (стр. 199 ч. III). „Мѣсто, гдѣ мы теперь находимся, въ продолженіи шестидесяти лѣтъ знаю какъ очевидецъ и сверхъ того, когда пришелъ я сюда въ первый годъ текущаго столѣтія, встрѣтилъ здѣсь ясные слѣды и воспоминанія прошедшаго столѣтія. Да не покажется то празднымъ словомъ, если возобновлю теперь нѣкоторыя изъ сихъ воспоминаній. Это будетъ не мимо нынѣшняго праздника.“

„Здѣсь былъ домъ изящнаго зодчества, который устроеніемъ своимъ показывалъ, что онъ назначенъ былъ не для постояннаго жительства, а только для лѣтнихъ увеселительныхъ посѣщеній. Здѣсь былъ садъ, въ которомъ растительная природа слишкомъ много страдала отъ искусства, ухищрявшагося дать ей образы, ей несродные. Для чего это сдѣлала обитель монашествующихъ? Какъ взиралъ на сіе преподобный Сергій, любитель простоты, и никакъ не любитель роскоши и чувственныхъ удовольствій? Какъ допустилъ онъ сіе въ своей области, такъ близко къ нему?“

„Во первыхъ, думаю, онъ снисходительно смотрѣлъ на дѣло, потому что имѣлъ въ виду намѣреніе, которымъ или оправдывалось или извинялось дѣло. Урочище сіе было украшено для царскихъ посѣщеній. Тогда какъ высота царская смирялась предъ смиреніемъ святаго; тогда какъ благоговѣніе меньшихъ сыновъ преп. Сергія соединялось съ благоговѣніемъ державныхъ въ молитвѣ о спасеніи душъ ихъ и о благѣ царства ихъ: вѣрноподданническая любовь желала проявить себя и въ томъ, чтобы представить царскимъ взорамъ нѣкія черты обычнаго для нихъ благолѣпія и великолѣпія.“

„Во вторыхъ, преподобный Сергій безъ прещенія допускалъ, чтобы въ области его являлись нѣкоторые виды мірскаго великолѣпія, думаю, потому, что смотрѣлъ на нихъ какъ на пробѣгающую тѣнь; и, какъ таинникъ Провидѣнія Божія, предоставлялъ себѣ въ послѣдствіи времени открыть здѣсь иные, духу его свойственные виды.“

„Внѣшнія обстоятельства Сергіевой Лавры измѣняются. Ея древнее достоинство возьмется отъ нея, и чрезъ то снимаются съ нея многія мірскія обязанности и заботы. Пржнее великолѣпіе становится

не нужнымъ такъ какъ и невозможнымъ. Здѣшній царскій домъ и садъ дѣлаются мѣстомъ скромнаго отдохновенія наставниковъ и учениковъ духовнаго училища, которое Лавра основала въ своихъ стѣнахъ, на своемъ изживеніи, во дни своего изобилія. По времени увеселительнаго дома не стало: садъ, уступленный искусствомъ природѣ, обратился въ лѣсъ. Такимъ образомъ преп. Сергій достигъ того, что упразднилось здѣсь мірское, допущенное на время; и, какъ бы желая вознаградить себя за сіе допущеніе, благоизволилъ, чтобы здѣсь водворилось духовное.“

Еще нѣсколько строкъ изъ 20-го слова въ ч. II, стр. 67 — 68.

„Кто покажетъ мнѣ малый деревянный храмъ, на которомъ въ первый разъ наречено здѣсь имя Пресвятыя Троицы? Вошелъ бы я въ него на всенощное бдѣніе, когда въ немъ съ трескомъ и дымомъ горящая лучина свѣтитъ чтенію и пѣнію, но сердца молящихся горятъ тише и яснѣе свѣщи, и пламень ихъ достигаетъ до неба, и ангелы восходятъ и нисходятъ въ пламени ихъ жертвы духовной. Отворите мнѣ дверь тѣсной келліи, чтобы я могъ вздохнуть ея воздухомъ, который трепеталъ отъ гласа молитвъ и воздыханій преподобнаго Сергія, который орошенъ дождемъ слезъ его, въ которомъ впечатлѣно столько глаголовъ духовныхъ, пророчесственныхъ, чудодѣйственныхъ. Дайте мнѣ облобызать прагъ ея сѣней, который истертъ ногами святыхъ, и чрезъ который однажды переступили стопы Царицы Небесной. Уложите мнѣ еще другія сѣни другой келліи, которую въ одинъ день своими руками построилъ преподобный Сергій и въ награду за трудъ дня и за гладъ нѣсколькихъ дней получилъ укругъ согнивающего хлѣба.“

Далѣе. „Вѣдь это все здѣсь: только закрыто временемъ, или заключено въ сихъ величественныхъ зданіяхъ, какъ высокой цѣны сокровище въ великолѣпномъ ковчегѣ. Откройте мнѣ ковчегъ; покажите сокровище; оно непохитимо и нестоимо; изъ него, безъ ущерба его, можно заимствовать благопотребное, на примѣръ, безмолвіе молитвы, простоту жизни, смиреніе мудрованія.“

Въ 1808 г. ноября 16-го, послѣ вечерни, повергся у священной раки 'удотворца новопризванный инокъ его древней обители. Василій Дроздовъ нареченъ Филаретомъ. Въ день празднованія преподобному Никону, 17-го числа, впервые облекся онъ въ монашескую ризу и сталъ въ ряды воиновъ Христовыхъ; а черезъ пять дней отъ пострвженія посвященъ въ іеродіакона. Онъ былъ тогда на 27 году. Правило не постригать въ монашество до установленнаго возраста не всегда строго соблюдалось. Бывали исключенія по обстоятельствамъ и видамъ духовнаго начальства. Такъ было и съ нимъ. Митрополитъ Платонъ, какъ бы предвидя въ немъ одного изъ своихъ преемниковъ, ревниво сберегалъ его для Лавры и когда въ Синодѣ возникъ вопросъ о лѣтахъ Василя Дроздова, онъ объявилъ, что срочный годъ не далеко — и Синодъ предоставилъ архимандриту Свято-Троице-Сергіевой Лавры совершить постриженіе, когда наступитъ срочное время. Такъ прежде

этой рѣшительной поры въ жизни любимца Платонова два раза Коломенскіе жители просили поставить къ нимъ студента Дроздова священникомъ, но въ оба раза имъ было отказано. Объ одной изъ двухъ неудачъ просителей М. П. Погодинъ доставилъ мнѣ рассказъ И. И. Лажечникова. Листокъ даровитаго писателя содержитъ два анекдота о М. М. Платонѣ. Ни того ни другаго однако нѣтъ въ двухъ изданіяхъ книги его біографа И. М. Снегирева: „Жизнь М. М. Платона.“ По рассказу Лажечникова купецъ Евстратій Лахтинъ явился въ Внѣзанію съ заручной отъ прихожанъ „церкви Воскресенія, что въ крѣпости.“ Митрополитъ сказалъ ему: „избери самъ посреди воспитанниковъ Академіи.“—Если такова милость *твоя* къ паствѣ Коломенской — проговорилъ Евстратій — то дай намъ въ пастыря Василя Дроздова“.... На это онъ получилъ въ отвѣтъ *пророчество*, что — (какъ объяснялъ будто-бы ему митрополитъ) — „такой же бѣлый клобукъ, какой ты на мнѣ видишь, ожидаетъ его (Дроздова) со временемъ.“

Сказаніе это сомнительно: 1) не углубляясь въ древность, что до времени Платона, то едва ли тогда, какъ и теперь, гдѣ либо и кому бы то ни было дозволялось выбирать священника или діакона изъ духовныхъ воспитанниковъ до выпуска ихъ изъ училищъ; епархіальное начальство само удостоиваетъ посвященія въ то или другое званіе лучшихъ изъ нихъ по успѣхамъ и поведенію. 2) Академіи тогда еще не было въ Лаврѣ. 3) Предсказаніе о бѣломъ клобукѣ было бы преждевременно, потому что знаменитый ученикъ Лавры не поступалъ и не извѣстно тогда было даже поступитъ ли въ монашество. Впрочемъ самъ владыка рѣшительно отвергъ такое о себѣ пророчаніе. 4) Едва ли Коломенскій купецъ разговаривалъ съ архипастыремъ такъ за просто: *твоя* милость, дай и т. д. Дѣло было такъ: приходили, какъ выше сказано, съ заручной просьбой изъ Коломны; не уклонялся отъ поступленія въ священство и приглашаемый; но митрополитъ не отпустилъ своего *проповѣдника* на родину. Онъ всегда любовался его проповѣдями — и издавъ „исторію церкви,“ подарилъ ему одинъ оттискъ съ такою надписью: „Господину Дроздову — отличному проповѣднику.“—Проповѣдникъ-старецъ еще не давно (въ концѣ 1863 г.) вспоминалъ объ этомъ подаркѣ и объ этой одобрителной надписи.

Конечно, вниманіе такого лица, какъ Платонъ, могло не позабыться. Но нашъ любвеобильный пастырь сохранилъ въ сердцѣ своемъ память и о такихъ мелкихъ людяхъ, о которыхъ другіе никогда бы и не подумали. Онъ съ чувствомъ признательности вспоминалъ какъ-то о своихъ *первыхъ службахъ* въ древней столицѣ. Когда его назначили въ Московскую епархію, онъ былъ въ Петербургѣ. Ему нужно было дождаться своего предшественника. Митрополитъ Серафимъ привезъ съ собою двухъ служекъ, двухъ братьевъ Утениныхъ, взятыхъ имъ изъ Чудова. Новый пастырь Москвы оставилъ ихъ при себѣ. Оба они, какъ и всѣ, которыхъ я знавалъ понѣмѣ, были преданы своему владетелю. Одинъ изъ нихъ, по истеченіи 25 лѣтъ пребыванія владыки

на Московской паствѣ, поджидалъ до утренней службы минуты, когда можно было войти въ его спальню, чтобъ первому поздравить дорогаго святителя съ юбилеемъ — и тронуло митрополита такое усердіе къ нему и не забылъ онъ простое слово привѣтствія своего давняго прислужника. — Другой, избѣгая рекрутской повинности, записался въ купеческое сословіе и все-таки не покинулъ своей должности и стоически трясся на высокихъ запяткахъ владычной кареты — и владыка помнилъ его службу и преданность.

Инокъ-преподаватель и наставникъ въ средѣ своихъ товарищей, при разныхъ трудахъ и занятіяхъ, подвизался въ постѣ и молитвѣ, запасался духовными силами на совершеніе предлежавшаго ему поприща.

Въ 1809 г. онъ былъ вызванъ въ Петербургъ.

Въ свѣтлый день Богоявленія, на зарѣ, въѣзжаетъ въ заставу рожная кибитка; изъ нея съ любопытствомъ оглядываетъ по пути молодой, въ цвѣтѣ лѣтъ іеродіаконъ высокія, нерѣдко сплошныя зданія по обѣ стороны длинныхъ, широкихъ, стройныхъ улицъ, любитъ красотою сѣверной Пальмиры, дивится малочисленности храмовъ Божіихъ, и въ раздумьи достигаетъ Александро-Невской Лавры, гдѣ черезъ четыре не вступно мѣсяца отъ посвященія въ іеродіакона — 28-го марта, въ Пасху, онъ былъ посвященъ въ санъ іеромонаха и усердно отслужилъ двѣ литургіи: одну еще дьякономъ, другую уже возносителемъ безкровной жертвы.

Знавшій и оцѣнившій его ректоръ Лаврской семинаріи Евграфъ былъ тогда ректоромъ С.-Петерб. Духовной Академіи. Три раза ходатайствовалъ онъ о назначеніи своего воспитанника бакалавромъ, три раза — неудачи. Его назначили (1-го марта 1809 г.) въ Петербургскую семинарію инспекторомъ „въ званіи академическаго бакалавра“ и профессоромъ философскихъ наукъ, отъ преподаванія которыхъ онъ такъ усиленно отбивался въ Сергіевской Лаврѣ, гдѣ, какъ говорятъ, любимой его мечтой было желаніе удостоиться по времени стать „гробовымъ“ у раки преподобнаго Сергія. Наконецъ въ 1810 г. (8-го февраля) юный инспекторъ семинаріи и ректоръ Александровскаго уѣзднаго училища перемѣщенъ бакалавромъ богословскихъ наукъ въ академию, гдѣ преподавалъ „догматическое богословіе, церковную исторію и древности церковныя.“ — 30-го іюня 1811 г. онъ, въ смиренномъ званіи іеромонаха (чуть ли это не первый былъ примѣръ), Всемилоостивѣйше пожалованъ за отличіе въ проповѣданіи слова Божія наперснымъ крестомъ съ драгоценными камнями, а черезъ нѣсколько дней послѣ этой награды возведенъ въ санъ архимандрита (8-го іюля).

До полученія постоянной должности иннокъ, заброшенный судьбой на берега Невы, пріютился у своего прежняго наставника, добраго, почтеннаго ректора Евграфа. Тутъ сошлись скудость съ нуждою. И хозяинъ и гость небольшія имѣли средства къ жизни. И помѣщеніе то ихъ было до того тѣсно, что негдѣ было поставить кровати для гостя, который и клалъ свою постель на полу.

Въ началѣ 1812 г. (11 марта) архимандритъ Филаретъ опредѣленъ ректоромъ Духовной академіи и въ тоже время настоятелемъ Юрьева монастыря. Настоятельство продолжалось (Чт. въ Общ. И. и Др. Рос. 1858 кн. II „Описаніе Новгородскаго Юрьева монастыря“ о. Макарія, стр. 108) съ 27-го, а по послужному списку съ 29 марта 1812 г. по 7 марта 1816 г., когда онъ былъ назначенъ настоятелемъ Московскаго Ставропигіальнаго Новоспасскаго монастыря (число взято изъ статьи о. Макарія).

Пять лѣтъ пробылъ онъ въ трудной должности ректора до 1817 г., когда былъ посвященъ въ санъ архіерейскій, назначенъ викарнымъ С. П. Б. Митрополита, наименованъ епископомъ Ревельскимъ и членомъ главнаго правленія училищъ.

Между тѣмъ прибылъ изъ Германіи на берега Невы одинъ изъ послѣдователей Канта, нѣкто Фесслеръ. Сильно поддерживаемый Сперанскимъ, онъ скоро сталъ замѣчательнымъ лицомъ. Вотъ какъ дошла до него рѣчь. Въ книгѣ II Чтеній въ Общ. Ист. и Др. Рос. 1859 редакторъ О. М. Бодянской помѣстилъ замѣчанія на его „конспектъ философскихъ наукъ“ рязанскаго архіепископа Теофилакта. Разсуждая о статьяхъ въ этой книгѣ напечатанныхъ, митрополитъ московскій вспомнилъ и о лично извѣстномъ ему Фесслерѣ.

„Критицизмъ“ Канта (род. въ 1724 г., ум. въ 1804) произвелъ сильное вліяніе на современныхъ ему мыслителей. Ученіе его господствовало въ Германіи въ продолженіи четверти столѣтія. Когда впослѣдствіи закрыты были въ ней кѣедры Кантовой философіи, многіе изъ учениковъ и послѣдователей Канта удалились въ чужіе края и къ намъ въ Россію. Въ числѣ ихъ профессора университетовъ: Московскаго—Мельманъ (исключенъ изъ университета въ 1795 г.) и Буле, Дерптскаго—Паротъ, Харьковскаго—Якобъ и С.-Петербургской духовной академіи—Фесслеръ.

Какъ конспектъ во многомъ расходился съ ученіемъ православной церкви, то замѣчанія рязанскаго архіепископа Теофилакта (члена комиссіи духовныхъ училищъ) отстранили Фесслера отъ кѣедры въ петербургской духовной академіи, и тѣмъ легче, что въ „ученыхъ вѣдомостяхъ“ 1810 г. (№№ 38, 39, 57 и 58) про него сказано, что будто бы онъ „прошелъ всѣ степени вѣры, сомнѣнія и познаній, и что потерявши первую и не удовольствовавшись послѣдними, погрузился въ совершенный идеализмъ.“ А по мнѣнію строгаго Теофилакта онъ и иллюминатъ, и пантеистъ—все что угодно.. Въ сущности же Фесслеръ былъ жалкой игрушкой слѣпой судьбы, гонявшей его изъ края въ край, изъ церкви въ церковь и по жизни своей всего скорѣе могъ бы назваться фаталистомъ. Въ началѣ онъ принадлежалъ къ римскому духовенству. Не поладивъ съ братіей Капуцинскаго ордена, и будучи вынужденъ покинуть монастырь, въ которомъ занимался богословіемъ и философіей, онъ отказался отъ латинскаго вѣроисповѣданія и сталъ лютераниномъ. Изыскивая средства къ пропитанію, бѣднякъ скитался

изъ страны въ страну, изъ города въ городъ и дошелъ до такой нищеты, что когда приходилось ему смѣнять бѣлье, несчастный въ продолженіе мытья и сушки, т.-е. часа два сидѣлъ запершись въ своей горенкѣ, окутанный въ одѣяло. Перебравшись въ Берлинъ, онъ вынужденъ былъ, чтобъ не умереть съ голоду, писать журнальныя статьи и романы, за которые получалъ умѣренную плату съ листа. Пытался онъ заняться и адвокатствомъ. Наконецъ графъ Сперанскій вызвалъ его въ Россію. Тогда (въ 1810 г.) наше правительство заботилось о возможно лучшемъ устройствѣ с.-петербургской духовной академіи и повсюду отыскивало ученѣйшихъ преподавателей. Такимъ образомъ экс-католикъ и на ту пору лютеранинъ сталъ учителемъ въ православной академіи. На первый разъ ему досталась каведра еврейскаго языка (при предсѣдательствѣ въ одной изъ масонскихъ ложъ въ Петербургѣ). Потомъ предполагалось возвести его на каведру философіи, что, какъ мы видѣли, не состоялось. Конспектъ написанъ имъ полатынѣ. Какъ въ комиссіи духовныхъ училищъ, долженствовавшей обсудить предначертаніе профессора, были и такіе члены, которые не разумѣли латинскаго языка, то его нужно было перевести на русскій и этотъ переводъ составленъ бакалавромъ духовной академіи Филаретомъ. Замѣчательно, что ему же (архимандриту уже и ректору, тогда пылкому, восторженному, молодому человѣку, нынѣ смиренно-мудрому старцу первосвятителю) довелось и позже перевести другую тетрадь Фесслера „о философіи древней и новой или восточной и западной“, иначе о переходѣ или такъ сказать о переливѣ первой во вторую. Эта тетрадь была найдена въ числѣ бумагъ Сперанскаго, при опалѣ и высылкѣ его изъ Петербурга.

Послѣ всѣхъ неудачъ наконецъ Фесслеръ попалъ въ Саратовъ суперинтендантомъ и охотно проповѣдывалъ свои мнѣнія сарептскимъ гернгутерамъ. Посвященъ онъ былъ въ Финляндіи. Умеръ въ томъ же году (1839), какъ и покровитель его Сперанскій.

Изъ Ревеля Владыко переведенъ въ Тверь архіепископомъ и наименованъ членомъ св. синода въ 1819 г. (15 марта). Черезъ полтора года, въ сентябрѣ 1820, перемѣщенъ въ Ярославль и на слѣдующій 1821 г. въ матушку Москву златоглавую.

Пастырская дѣятельность его впервые проявилась въ тверской епархіи. Въ прибалтійской сторонѣ и въ предѣлахъ святительства Св. Дмитрія Ростовскаго ему не удалось побывать. Въ Ревель не пустили его занятія по обязанностямъ викарнаго при ветхомъ лѣтѣ Амвросіи; въ Ярославль—дѣла Синода, въ которомъ онъ былъ на очереди; а между тѣмъ его перемѣстили подъ сѣнь московскихъ чудотворцевъ. Душа его рвалась однако въ Ростовъ поклониться св. Дмитрію и прочимъ св. мужамъ „такъ давно святой земли.“ Не скоро исполнилось его желаніе. Въ 1836 г. онъ посѣтилъ ставропигіальный іаковлевскій монастырь и 14 іюня излилъ свои смиренныя чувства предъ лицомъ давнихъ служителей слова:

„Говорить ли мнѣ здѣсь? Тратить ли для сосѣдней нивы сѣмя слова, котораго запасъ въ моей малой кошницѣ слишкомъ скуденъ для насѣянія участка земли, собственно мнѣ указанного небеснымъ земледѣльцемъ? Не дерзновенно ли отвергаю мои уста здѣсь, гдѣ, кажется, еще не совсѣмъ замолкло духовное вмѣстѣ и витійственное слово святителя Дмитрія, гдѣ сильнѣе всякаго слова говорятъ дѣла его и единочестныхъ предшественниковъ его Іакова, Игнатія, Исаи, Леонтія, не только учительныя дѣла святой и святительской жизни, но еще болѣе чудныя дѣла, совершаемыя среди гробоваго покоя? Не лучше ли въ благоговѣйномъ безмолвіи смотрѣть на сію, такъ давно святую землю, на сей древній вертоградъ и разсадникъ святыни и преподобія, гдѣ рано процвѣлъ Авраамій, откуда пересаженъ многоплодный добродѣтелями и дарованіями, многовѣтвистый учениками, Сергій, откуда Іовъ возросъ до неизвѣстной прежде на сѣверѣ высоты патриаршества, гдѣ родоначальникъ царей святительствоваѣ и готовился поддержать потрясенный первосвятительскій въ Россіи престолъ? И такъ умолкнуть?“

„Но не само ли слово Божіе изрекло законъ слова человѣческаго: *„отъ избытка сердца уста изыщутъ.“* „Нѣтъ, не возбраняйте устамъ моимъ немощнымъ, сильные Богомъ служители и творцы слова, но паче, данную вамъ благодатію, уврачуйте мою немощь, восполните мое оскуднѣніе, какъ на немногія минуты настоящаго слова, такъ и на весь остатокъ моего недостойнаго служенія слову, если какой сохраняется еще мнѣ долготерпѣніемъ и благодатію небеснаго пастыреначальника“.

Древняя столица радовалась перемѣщенію архіепископа ярославскаго. Московская Консисторія поспѣшила передать ему и свою личную радость, вмѣстѣ съ изъясненіемъ благихъ желаній и надеждъ. Не замедлилъ и онъ отвѣтомъ на привѣтъ, „символъ котораго уразумѣлъ и вѣкии себѣ совѣтъ.“

Почтенный архимандритъ Даниловскаго монастыря Іаковъ, узнавъ, что я веду настоящія записки и желая пособить мнѣ въ моемъ стараніи собрать всевозможныя о нашемъ архипастырѣ свѣдѣнія, доставилъ мнѣ списки съ отзываютъ ему Консисторіи и съ его отвѣта ей, на имя одного изъ членовъ ея, архимандрита Спасо-Андроніевскаго монастыря Гермогена (Приложенія II и III).

14 августа 1821 г. новый пастырь, при вступленіи въ управленіе московскою паствою, привѣтствовалъ церковь престольнаго града привѣтствіемъ апостола Павла церкви въ Римѣ: „благодать вамъ и миръ отъ Бога, Отца Нашего и Господа Іисуса Христа.“

Смирненно ставъ „среди столь великія церкви“,—умалаясь и благоговѣя предъ своими предмѣстниками, исповѣдавъ свое опасеніе пріять доставшійся ему жребій служенія: *избери мѡуща инокъ, еѡ же послѣши* (Исх. IV, 13), намекнувъ, что принялъ высокое служеніе по послу-

шанію волѣ Господней: *азъ же кто есмь, мойй возбранити Бога* (Дѣян. XI, 17), новый пастырь преподалъ назидательное поученіе своей новой паствѣ, молилъ молитвъ о себѣ сопастырей и заключилъ свое первое въ Москвѣ слово молитвою *о мирѣ всѣмъ и каждому*: „Миръ пасущимъ стадо Божіе—въ христіанскомъ послушаніи пасомыхъ; миръ пасомымъ — въ отеческомъ и братскомъ попеченіи пасущихъ. Миръ начальствующимъ — въ вѣрности подчиненныхъ. Миръ подчиненнымъ — въ мудрости и кротости начальствующихъ. Миръ судящимъ — въ непритворной искренности судимыхъ; миръ судимымъ—въ прозорливости и безпристрастіи судящихъ. Миръ продающимъ и покупающимъ — во взаимномъ отвращеніи отъ лукавства и обмана. Миръ дѣлающимъ и трудящимся—въ благословенномъ успѣхѣ полезнаго дѣянія и въ обильномъ плодѣ труда праведнаго. Миръ всѣмъ! Аминь.“

ПРИЛОЖЕНІЯ.

*Получено лично отъ Владыки *).*

I.

Въ Архивѣ Московской Духовной Консисторіи по справкѣ.

По метрикамъ г. Коломны Богоявленской церкви за 1782 г. въ 1-й части о рождающихся въ декабрѣ подъ № 19-мъ число 26-е записано:

„У соборнаго діакона Михаила Ѳедорова родился сынъ Василій. Крещенъ генваря 1-го числа. Восприемникомъ былъ соборный ключарь Петръ Васильевъ, восприемница Домника Прокопіева жена іерея Никиты Аеонасьева.“

Съ подлинною записью вѣрно:

Исправляющій должность Секретарь Консисторіи
Розановъ.

4-го февраля, 1864.

*) Записка Н. В. Сушкова.

II.

**Письмо Членовъ Московской Духовной Консисторіи
къ Преосвященному Архіепископу Филарету**

**Высокопреосвященнѣйшій Владыко,
Милостивѣйшій отецъ и Архипастырь!**

Восхищаясь вождѣннымъ событіемъ, увѣнчавшимъ желаніи паствы, верховнымъ промысломъ вѣренной управленію Вашему, — въ лицѣ оной осмѣливаемся открыть предъ Вами сличовніи чувства. Имѣя предметомъ распространеніе живыхъ истинъ, почерпнутыхъ Вами изъ источника жизни, Вы всегда были украшеніемъ церкви истинно вѣрующихъ. Просвѣщеніе, распространяемое Вами, какъ примѣромъ назидательной жизни, такъ и образованными произведеніями озареннаго свыше ума Вашего; кротость, свойственная Вашему духу, и мудрыя распоряженія, принимаемая Вами къ утвержденію порядка, одушевляють и насъ надеждою отвѣтствовать благимъ начинаніямъ Вашимъ. Сладостно хотя нѣсколько содѣйствовать намѣреніямъ такого Архипастыря, который поставляетъ существенною для себя обязанностію назидать и дѣйствовать по правиламъ любви христіанской.

Простите, Милостивѣйшій Архипастырь, выраженіямъ, вытекающимъ изъ сердецъ, всегда съ удивленіемъ почитающихъ украшающія Васъ совершенства. Устойте принять простое сіе привѣтствіе, сопровождаемое усерднымъ моленіемъ къ Пастыреначальнику, чтобы онъ сохранилъ жизнь Вашу подъ кровомъ Своей благодати, ко благу церкви и всей паствы Вашей.

**Вашего Высокопреосвященства
Милостивѣйшаго отца и Архипастыря
нижайшіе послушники
Московской Духовной Консисторіи присутствующіе.**

Іюля 14-го числа,
1821 года.
Москва.

III.

**Отвѣтъ на имя Андроніевскаго Архимандрита
Гермогена.**

Преподобный отецъ Архимандритъ,
возлюбленный о Господѣ братъ!

Въ лицѣ вашемъ да будетъ мнѣ позволено отвѣтствовать вамъ, вмѣстѣ съ сотрудниками вашими по Консистоіи, на общее письмо ваше.

Письмо сіе я принялъ — какъ начатокъ общенія Московской церкви съ моимъ недостойнствомъ.

Господь да благословитъ сей начатокъ и да совершитъ насъ всѣхъ въ общеніе истинное, чистое и полное.

Доброе мнѣніе и надежды, коими вы безъ заслуги предваряете, признаю я со стороны вашей за дѣйствіе благого ока, которое ищетъ добраго и не примѣчаетъ недостатковъ; а въ отношеніи ко мнѣ — за наставленіе и побужденіе къ тому, къ чему я стремиться долженъ. Споспѣшествуйте мнѣ, отцы и братья, молитвами вашими и сотрудничествомъ вашимъ — да будетъ служеніе мое не осуждено предъ Богомъ и угодно великой церкви Московской.

Каждый день помышляю о пути къ вамъ; но, кромѣ другихъ препятствій къ сему пути, мнѣ нужно прежде благословеніе достопочитаемаго предшественника.

Съ надеждою и любовію духа есмь
вашъ усердный

Филаретъ, Архіепископъ Московскій.

С.-Петербургъ.

Іюля 19-го числа.

P. S. Есть ли время и у васъ такъ дождливо, какъ и здѣсь; то, думаю, совершаются моленія.

ЛЬВОВСКІЯ ЕВАНГЕЛІЯ XVII ВѢКА.

Во Львовѣ, при церкви Успенія Божіей Матери, съ давнихъ временъ существовало Братство, цѣль котораго была заботиться объ обезпеченіи церкви и состоявшаго при ней монастыря. Оно пользовалось особеннымъ покровительствомъ князей Острожскихъ и во второй половинѣ XVI вѣка Братство достигло мало-по-малу высшей степени благосостоянія. Посланный во Львовъ константинопольскимъ патріархомъ Іеремією для укрѣпленія православныхъ въ вѣрѣ, антиохійскій патріархъ Іоакимъ преобразовалъ львовское Братство, исходатайствовалъ ему званіе ставропигіи, уговорилъ завести типографію и школу для обученія греческому и русскому языкамъ. Изъ этой школы вышло много достойныхъ, ученыхъ мужей, такъ напримѣръ: *Стефанъ Зизаній, Кирилъ Транквиліонъ Ставровецкій, Іовъ Борецкій, Памва Беренда, Гавріилъ Доросевичъ* и другіе. Съ самаго своего основанія, типографія Братства постоянно занималась изданіемъ славяно-русскихъ книгъ преимущественно духовнаго содержанія и составляла одну изъ главнѣйшихъ статей доходовъ Братства. Послѣ основанія въ Москвѣ типографіи, Иванъ Ѳедоровъ, вслѣдствіе возникшихъ на него преслѣдованій за введеніе книгопечатанія, бѣжалъ въ Польшу, гдѣ, принятый радушно, работалъ въ типографіи гетмана Хоткевича въ Заблудовѣ, откуда переселился во Львовъ, разлучившись съ своимъ московскимъ товарищемъ Петромъ Тимофеевымъ.

Первая напечатанная во Львовѣ Иваномъ Ѳедоровымъ книга была *Апостолъ*: она начата печатаніемъ въ 1573 году и окончена въ 1574 году ⁽¹⁾ и можетъ считаться вторымъ изданіемъ Апостола, напечатаннаго имъ же въ Москвѣ. Послѣ смерти Ивана Ѳедорова въ 1583 году, заложенные имъ Еврею Израилю Якубовичу книги вмѣстѣ съ литерами и прочими типографскими принадлежностями присуждены были рѣшеніемъ львовскаго еврейскаго суда 1584 года въ собственность Еврею Якубовичу, который все продалъ львовскому ставропигіальному Братству за 1500 злотыхъ.

Такимъ образомъ типографія Ивана Ѳедорова послужила основаніемъ типографіи львовскаго Братства, которая множествомъ своихъ изданій такъ дѣятельно содѣйствовала распространенію просвѣщенія.

Списки книгъ напечатанныхъ во Львовѣ, въ Братской типографіи, содержатъ довольно много заглавій; въ этихъ спискахъ значатся *Евангелія*: 1636

⁽¹⁾ Описаніе бібліотеки графа Толстаго, № 18.

года ⁽¹⁾, 1644 года ⁽²⁾, 1670 года ⁽³⁾, около 1683 года ⁽⁴⁾, 1690 года ⁽⁵⁾. Въ заглавіи перваго изданія сказано: *Евангеліонъ сирѣчь благовѣстіе боюдухновенныхъ Евангелиствъ. Благословеніемъ святѣйшихъ патріархъ и преосвященнаго киръ Петра Мошлы, мѣтрополиты православною, тицаніемъ братства ставроп. храма Успенія Пресвятыя Богородица, въ Лвовѣ, въ лѣто отъ созданія міра 7144, а отъ Рождества Христова 1636, августа 20.* Это изданіе напечатано Михаиломъ Слезкой, который, родомъ изъ Литвы, поступилъ въ типографію Братства при ея возобновленіи послѣ пожара 1628 года. Какъ человѣкъ дѣятельный, Слезка получилъ званіе члена Братства и управлялъ типографіей до 1638 года; впоследствии онъ отдѣлился отъ Братства и содержалъ собственную типографію.

Заглавіе изданія 1644 года разнится нѣсколько отъ перваго: *Евангеліонъ, сирѣчь Благовѣстіе боюдухновенныхъ Евангелиствъ. Благословеніемъ святѣйшихъ четверопрестолныхъ патріархъ, тицаніемъ же и иждивеніемъ братства ставропѣліонъ храма Успенія Пресвятыя Богородица, опасно вторицею издадеся: въ Лвовѣ, въ лѣто отъ созданія міра 7152, а отъ Рождества Христова 1644, мая 21.* Въ заглавіи изданія 1670 года сказано: *«опасно третицею издадеся».*

Эти Евангелія напечатаны въ листъ (12 и 412 листовъ). Помѣта и по листамъ и по тетрадямъ, конхъ 71, внизу. Изображенія Господа Вседержителя и Евангелистовъ и картинки въ текстъ (числомъ до 50 въ первомъ изданіи и до 70 въ двухъ послѣдующихъ) рѣзаны на деревѣ. На оборотѣ заглавія втораго изданія находится изображеніе Воскресенія Христова и стихи:

«Тѣмъ Боже даждь крестоноспу братству сѣлѣти,
Въ заповѣдехъ тѣ непорочнымъ пребыти,
Мирно безмателну жизнь здѣ препроводити,
И пакы грядуща тѣ въ славу видѣти.

Въ изданіи 1690 года находятся изображенія Евангелистовъ и картинки въ текстъ (числомъ до 50), рѣзаны на деревѣ *Евстафіемъ Завадовымъ*, 1681—1683 г. и Георгіемъ іеродіакономъ. Заглавіе сходное съ предыдущими изданіями окружено изображеніями апостоловъ, пророковъ и Успенія Божіей Матери, внизу написано: *Року Божьяго 1636. Георгій іеродіаконъ.* На оборотѣ изображеніе Распятія и стихъ изъ Ев. Іоанна зач. 61, и подпись: *«Симеонъ друкарь».* Подпись 1636 года показываетъ, что для заглавнаго листа изданія 1690 года послужила доска перваго изданія.

Кромѣ упомянутыхъ четырехъ изданій въ библиотекѣ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ есть еще одно, которое, къ сожалѣнію, безъ заглавнаго и послѣдняго листа (411 листовъ). Изображенія Евангелистовъ, рѣзаны на деревѣ, *Евстафіемъ Завадовымъ* 1681—1683 г., тѣже, ко-

⁽¹⁾ Опис. библ. гр. Толстаго, № 84. Въ Москв. муз. № 104, экземпляръ не полный.

⁽²⁾ Опис. библ. Царскаго, № 132. Въ Москв. муз. № 417.

⁽³⁾ Дополн. къ опис. старопечат. книгъ, № 104.

⁽⁴⁾ Карат. № 918, Опис. библ. Царскаго, № 217.

⁽⁵⁾ Карат. № 1007 Въ Москв. муз. № 237.

которыя находятся при изданіи 1690 года и до 50 картинокъ въ текстѣ. Это послѣднее изданіе во многомъ сходно съ изданіемъ 1690 года: молитвы напечатаны буква въ букву, въ нихъ упоминается «Спаси Господи владущаго нами великаго короля нашего Іоанна». Въ обоихъ по 50 картинокъ въ текстѣ, которыя почти всѣ отпечатаны съ одной доски, знаки бумаги также одинаковы и не смотря на такое сходство есть между ними весьма значительныя различія:

Всѣ заставки и украшенія разныя, не всѣ страницы оканчиваются одними и тѣми же словами, что указываетъ на разновременный наборъ. Заглавныя буквы не всѣ отпечатаны киноварью.

Изъ числа 50 картинокъ, находящихся въ текстѣ, 39 совершенно сходны, въ остальныхъ одиннадцати встрѣчаются измѣненія, такъ напримѣръ: на 28 листѣ исцѣленіе прокаженнаго; на 30 листѣ Іисусъ исцѣляетъ нѣмаго, въ описываемомъ изданіи библіотеки московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, Іисусъ Христосъ благословляетъ нѣмаго львою рукой, ошибка эта въ изданіи 1690 года исправлена. На листахъ 236 и 331 изображеніе Богородицы, сидящей съ апостолами, различно въ обоихъ изданіяхъ, какъ по объему самой картинки, такъ и по расположенію лицъ. На оборотѣ 376 листа изображено Распятіе Іисуса Христа; въ изданіи 1690 года находится посерединѣ Распятіе, ошуюю и одесную его два разбойника; у креста стоятъ Матерь Божія, Марія Магдалина, Іоаннъ и другой ученикъ Іисуса; внизу напечатано: *Георгій іеродіаконъ, року Божьяю 1636*. Въ изданіи библіотеки московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ тоже Распятіе окружено множествомъ лицъ, апостоловъ, женъ и воиновъ, внизу оттиснуто: *1636 г. Ілія*. Прочія картинки сходны по содержанію, но въ изданіи 1690 года онѣ обведены узкимъ бордюромъ. Сличая эти два послѣднія изданія, нельзя не придти къ заключенію, что изданіе 1690 года было *пятымъ* и что между 1670 годомъ (третьимъ изданіемъ) и 1690 годомъ было изданіе *четвертое*, экземпляръ котораго вѣроятно находится въ библіотекѣ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и описанъ въ библіотекѣ Царскаго № 217 и у Каратаева № 918. Къ сожалѣнію, всѣ эти три упомянутые экземпляры не полны, и потому нельзя съ точностію опредѣлить годъ изданія, но судя по подписи года, находящагося на изображеніи Евангелиста Іоанна, «1683 года» можно считать годомъ изданія и четвертымъ изданіемъ Евангелія, напечатаннаго львовскимъ Братствомъ.

М. Полудевскій.

СТИХИ И СКАЗАНІЯ

ПРО

АЛЕКСІЯ БОЖІЯ ЧЕЛОВѢКА.

Обращая къ христіанству огнемъ и мечемъ народы Западной и Средней Европы, Римско-Католическая церковь постановляла однимъ изъ догматовъ не допускать перевода Евангелія на языки ихъ. Распространялась христіанская вѣра широко во все стороны, но не глубоко проникала она въ сердца людей, не знакомящихся съ ея божественнымъ источникомъ. Для нихъ живы были языческія преданія—завѣтъ многихъ доблестныхъ поколѣній—освящающія общественную жизнь, благословляющія и утверждающія домашній бытъ; и побѣда на полѣ битвы не изгоняла этихъ вѣрованій изъ тайника души. Борьбу съ ними надо было вести словомъ на языкѣ народномъ, и мѣрная рѣчь поэзіи представлялась въ неграмотной средѣ единственнымъ могущественнымъ орудіемъ не противорѣчающимъ уставамъ Римской церкви. Передать всю повѣсть Евангелія въ эпической поэзіи, которую народъ зналъ бы и полюбилъ бы на мѣсто отцовскихъ сагъ и пѣсней, вотъ подвигъ, за который взялись Латинскіе миссіонеры, благочестивые и восторженные сочинители «Криста» и «Геліанда», вышедшіе можетъ быть сами изъ народа въ ряды католическаго духовенства. Принятіе апокрифическихъ сказаній обогащало рассказы и удовлетворяло народному воображенію. Такъ мало помалу кругъ христіанскаго эпоса расширился жизнеописаніемъ Божьей матери и повѣстью о воспитаніи Христа, въ видѣ вступленія въ Евангеліе, заключеніемъ котораго являлись картины Страшнаго Суда и свѣтопреставленія и исторія христіанской церкви въ лицѣ знаменитѣйшихъ ея подвижниковъ, преимущественно соотечественниковъ новыхъ христіанъ. Поэтическія эти сказанія, принявшія на правомъ берегу Рейна болѣе эпическій, на лѣвомъ болѣе драматическій характеръ, бережно переписывались духовенствомъ для назиданія паствы, и сохранили до тѣхъ поръ свое значеніе, покуда западные народы, протестуя ересями и расколами, не добыли себѣ Евангелія на родномъ языкѣ.

Въ нашемъ отечествѣ борьба была далеко не такъ равна. Бѣднѣе рисовалась языческая мифологія въ воображеніи Славянина, менѣе поэтическихъ сказаній поражало съ колыбели слухъ его. И противъ нихъ возстало во всей своей силѣ Евангеліе, понятное всякому въ родной рѣчи. Нечего было духовнымъ лицамъ и просвѣтителемъ сочинять христіанскія эпопеи блѣдныя передъ игрой языческаго воображенія, ничтожныя передъ высокой простотой

и искренностью Евангелія. За эту бесполезную работу духовенство не принималось. Но что ему казалось излишнимъ для его цѣлей, въ томъ нуждался народъ, и, проникаясь постепенно христіанскими преданіями, онъ основывалъ на нихъ свою поэзію. Можетъ быть съ участіемъ, но не подъ руководствомъ духовенства, издавалъ онъ цѣлый рядъ поэтическихъ произведеній, и въ тоже время пѣвцовъ, чтобы пѣть, хранить и развивать ихъ. Какъ въ древней Греціи рапсоды, пѣвцы эти обходили Славянскую землю изъ края въ край, куда только вели ихъ благочестивое любопытство и случай, куда зывали добрые люди. Недостаетъ у насъ доселѣ данныхъ для самой поверхностной исторіи каленъ переходящихъ и слѣпыхъ старцевъ; знаемъ только, что они были съ тѣхъ поръ какъ Русь себя помнитъ, что они есть и теперь; что лишь все рѣже встрѣчаются они, что всебѣднѣе становится кругъ принимающей, слушающей и любящей ихъ. Самое пробудившееся недавно любопытство къ ихъ пѣснямъ и усердіе собирать оны и передавать печати—признакъ близкой смерти духовнаго общества бродящихъ слѣпцовъ, которыхъ не связало ни крѣпостное право, ни полицейскіе порядки, но которыхъ убьютъ распространіе грамотности и дешевыя книжки.

Слушая по церквамъ Евангельскую повѣсть, народъ не имѣлъ нужды въ пѣсенной обработкѣ ея сполна. Онъ воспѣлъ лишь тѣ эпизоды, которые его глубже поражали, передалъ самую суть ея въ родныхъ, задушевныхъ звукахъ. Что изъ Евангелія, изъ ученія церкви переходило въ его сознаніе, что полюбилось ему въ нихъ, то облекалъ онъ въ свою мѣрную рѣчь и завѣщалъ пѣвцамъ своимъ на вѣчную память. Пѣсни или стихи ихъ дѣлятся сами собой на нѣсколько цикловъ, круговъ, въ которыхъ глубокая мысль связываетъ всегда въ одно цѣлое разнообразныя картины и повѣсти. Три событія, служащая основой Христіанской религіи—паденіе въ Адамъ человѣчества и искупленіе его воплотившимся словомъ Божиимъ, распятымъ за насъ Христомъ—составляютъ свой кругъ стиховъ объ Адамѣ, о Рождествѣ Христовомъ и о распятіи; рѣдкіе стихи о Богородицѣ относятся всегда къ этимъ событіямъ жизни божественнаго ея Сына. Но указывая на таинство искупленія и на пути къ спасенію, христіанство ограничивается той частью жизни человѣка, которую онъ свободной волей можетъ исправить, предоставляя наукѣ и времени отвѣчать на всѣ вопросы о прошломъ и будущемъ, внушаемые человѣчеству любопытствомъ и любознательностью и не ведущіе прямо къ цѣли религіи. Самоуверенное язычество отвѣчало однако на вопросы о началѣ міра, о концѣ его. Неудовлетворенный новымъ ученіемъ народъ перетянулъ свою старую космогонію въ новую жизнь, и смѣшавъ языческія съ христіанскими преданіями создалъ стихи о голубиной книгѣ, о Страшномъ Судѣ и т. п. Тѣсно съ ними сталкивается другой кругъ—о концѣ жизни не міровой, а человѣческой, стихи о смерти, ея могуществѣ и безпощадности, стихи о томъ, что ждетъ душу за гробомъ, что спасаетъ или губитъ ее въ этой жизни. Не у человѣка только была борьба со грѣховнымъ началомъ, была она и у цѣлаго народа: борьба съ отступающимъ лишь шагъ за шагомъ язычествомъ, позднѣе борьба уже христіанскаго общества съ не-христіями востока, на которую обречена была Русь, въ которой она истощила страшный запасъ силъ, въ которой заслуга

ея передъ міровымъ судомъ исторіи; и вотъ новый кругъ стиховъ, воспѣвающихъ борьбу одинокого христіанина, порой слабаго младенца, съ толпою татаръ и чудовищъ, побѣждаемыхъ не оружіемъ, а вѣщимъ словомъ, могучимъ знакомъ таинственной силы.

Но гдѣ же ручательство въ истинѣ, въ глубокомъ значеніи этихъ стиховъ? Въ самихъ пѣвцахъ. И они свидѣтельствуютъ о себѣ, вѣщіе проводники русскаго народа, вѣрные носители ого задушевныхъ мыслей, вѣрованій и воспоминаній, безсознательные часто провозвѣстники неизвѣстной имъ пропаганды, они свидѣтельствуютъ о своей духовной общинѣ, какъ основана она Христомъ Богомъ, оставившимъ имъ земное наслѣдство своего Имени, какъ поддерживается она въ ихъ преданіяхъ, какъ прославлена она многими частными подвижниками и добрыми страдальцами Господа ради. Не на одной Русской землѣ ищутъ они себѣ примѣровъ и не въ ней одной узнаютъ свою братію; широко раскинулась эта святая братія по всѣмъ народамъ и по всѣмъ вѣкамъ, гдѣ только страдали люди, умѣли любить и молиться. Поетъ русскій калика-перехожій и про обиженнаго братьями Іосифа, сына Израилева, и про Іосифа Царовича, возлюбившаго пустыню, и про Евангельскаго Лазаря и про Алексія, сына вельможи Римскаго. Не смыслъ созданнаго народнаго мѣта надо искать и разгадывать въ этихъ простыхъ рассказахъ, заимствованныхъ почти всегда изъ близко знакомыхъ намъ источниковъ; а долженъ занять насъ образецъ, полюбопшіяся народу, картины имъ предпочтенныя чувства, которыя онъ вдохнулъ въ избранный имъ ликъ.

Постараемся въ настоящемъ изслѣдованіи познакомиться съ русскими стихами объ Алексіѣ Божіемъ человѣкѣ, съ источниками откуда это преданіе почерпнуто, съ характеромъ, которое оно имѣло первоначально и которое получило въ устахъ слѣпаго калики.

Въ концѣ IV-го вѣка, менѣе ста лѣтъ послѣ признанія христіанства государственной религіей и прекращенія преслѣдованій за вѣру, когда не охладѣло еще усердіе мучениковъ, но уже нельзя было имъ въ цркѣ свидѣтельствовать о любви своей Богу, пламенные чувства новообращенныхъ искали другаго образа выраженія: Алексій, сынъ богатаго римскаго патриція, посвятилъ всю жизнь добровольному мученію—нищетѣ ради Христа. Едва достигнувъ мужества, онъ бросаетъ отцовскій домъ, живетъ милостыней по папертямъ христіанскихъ церквей и волею Божіею или голосомъ сердца призванный обратно на родину, упряется въ послѣднихъ рядахъ отцовской челяди никѣмъ не признанный, пока наконецъ оставленное имъ завѣщаніе не обячаетъ его происхожденія.

Примѣръ этотъ былъ неодинокій.

Армянинъ Алексій Мосилѣ, мужъ дочери Θεодоры и по ней императоръ Византійскій, бросилъ тайно престолъ и заперся въ Внѣмскомъ монастырѣ. Молодой вельможа Іоаннъ Каливита (Calybita) бросилъ тайкомъ отцовскій домъ въ Константинополь, жилъ нищимъ, потомъ монахомъ въ Внѣнии и наконецъ три года провелъ незнакомымъ подъ кровомъ отца.

Но изъ всѣхъ этихъ типовъ смиренія полюблился болѣе легендѣ и народу самый ранній, сынъ Евфиміана, Алексій, человѣкъ Божій (въ латинской церкви исповѣдникъ—confessor), причисленный къ лику святыхъ. Точно опредѣлить

время его жизни нѣсколько трудно. Профессоръ Массманъ, въ своемъ любопытномъ сочиненіи ⁽¹⁾ по этому предмету, служившемъ намъ источникомъ и руководствомъ, тщетно перебираетъ разныя хронологическія данныя и называемыхъ въ житіяхъ св. Алексія современниковъ. Упоминаемый въ греческихъ редакціяхъ житія архіепископъ римскій Маркіанъ никогда не существовалъ ⁽²⁾. Большинство редакцій называютъ архіепископомъ Римскимъ Иннокентіемъ I при кончинѣ Алексія, нѣкоторые списки—Сирикій при рожденіи его. Хотя Сирикій совпадаетъ съ царствованіемъ Θεодосія Великаго, покровителя отца и дяди Алексіевыхъ, лицъ вполнѣ историческихъ, но между избраніемъ Сирикія (384 г.) и кончиной Иннокентія (417 г.) едва прошло 33 года, между тѣмъ какъ Алексій прожилъ около 50 лѣтъ. Восточный императоръ Аркадія никогда не бывалъ въ Римѣ; очевидно имя его, связанное историческими воспоминаніями съ именемъ брата, вслѣдъ за послѣднимъ вошло въ житіе. Такимъ образомъ изъ являющихся въ житіи историческихъ личностей достовѣрны только императоръ Гонорій и папа Иннокентій I, свидѣтели богопрославленной кончины Алексія, которая падаетъ, слѣдовательно, между 403 и 417 годами.

Точныхъ историческихъ указаній про Алексія мало. Какое-то старое описаніе города Рима упоминаетъ при описаніи церкви св. Алексія о установленномъ въ ней фамилію Sabelli алтарѣ съ надписью: подъ этой ступенью въ отцовскомъ домѣ блаженный Алексій, благороднѣйшій изъ Римлянъ, принятый не какъ сынъ, но какъ бѣдный пришелецъ, провелъ 17 лѣтъ трудную и нуждающуюся жизнь, и здѣсь же со счастьемъ отдалъ чистѣйшую душу Творцу своему въ 414 году при папѣ Иннокентіѣ I и Гонноріѣ и Θεодосіи II императорахъ (Массм. 43). Съ этой надписью связано преданіе (Mathaeus Vecchiazain), что Евфиміанъ (отецъ Алексія) былъ изъ семейства Савелліевъ *potentissimus baro Aventini*, гдѣ стоялъ прежде домъ этого семейства, на мѣстѣ теперешняго монастыря св. Вонифантія и Алексія (Mass., Acta SS. Bolland.).

Разныя латинскія житія святыхъ ставятъ смерть его между 388 и 398 г. Acta Sanctorum, упоминая, что по нѣкоторымъ онъ скончался не ранѣе 450 года, приблизительно указываютъ на конецъ четвертаго вѣка; Histor. u. Geogr. Allg. Lexicon von Beck u. Buxtorff ставитъ его рожденіе въ 350 году (Масс. 44), а наши Четив-Миневъ въ лѣто бытія міра 5919, воплощенія же Бога Слова 411.

Латинская церковь празднуетъ его память 17 іюля, греческая 17 марта (по Μεταφραστῷ и Четивмъ-Миневмъ день его кончины). Замѣчая эту разницу, Acta Sanctorum затрудняются объяснить ее и оставляютъ нерѣшеннымъ вопросъ, скончался ли блаженный 17 марта или 17 іюля (по преданію Сирийской церкви

⁽¹⁾ Sanct Alexius Leben in 8 gereimten mittelhochdeutschen Behandlungen, — nebst geschichtlicher Einleitung, so wie deutschen, griechischen und lateinischen Anhängen, herausgegeben von Hans Ferd. Massmann. Quedlinburg und Leipzig. Druck und Verlag v. Gottfr. Basse, 1843. Въ собраніи: Bibliothek der gesammten deutschen Nationallitteratur von der ersten bis auf die neuere Zeit, neunter Band.

⁽²⁾ Ad funus sancti deducit Pontificem Romanum mere commentitium et ex suo vel ex ejusdem urti ingenii fabulatoris cerebro confictum (Bolland. 249, IV).

3 ноября). Въ концѣ XVII вѣка нѣкоторые писатели выразили сомнѣніе, не жилъ ли Алексій въ Константинополѣ, называемомъ тоже часто Римомъ во времена имперіи (Ῥωμὴ ἱερά) и не былъ ли онъ тотъ же Johannes Calybita, перенесенный въ римскую легенду съ измѣненіемъ только имени святого и мѣста его рожденія. Но предположеніе это основывалось лишь на сходствѣ житій и на греческихъ именахъ родителей Алексіевыхъ и напротивъ опровергается Болландистами тѣмъ обстоятельствомъ, что поклоненіе св. Алексію на востокѣ и самое имя его вѣроятно впервые встрѣчается въ канонѣ ⁽¹⁾, писанномъ въ честь его Іосифомъ Скевофлактомъ великой константинопольской церкви (848—883), по возобновленіи при императрицѣ Θεοδωρῇ поклоненія святымъ. Сомнѣніе разрѣшается самимъ Метафрастомъ: *Чудо старѣйшаго Рима*, пишетъ онъ (Ρωμῆς τῆς πρεσβυτέρας γέννημα). Въ маломъ римскомъ мартироloggѣ VIII вѣка однако нѣтъ имени св. Алексія. Но ни въ Breviarium Romanum, ни въ духовныхъ стихахъ Іосифа Гимнографа, не упоминаются имена родителей Алексія; равно возможно, что они сохранены преданіемъ до XI вѣка, какъ и то, что позднѣйшіе писатели (и именно греческіе) сочинили ихъ полноты ради разсказа. Какое-то латинское житіе называетъ жену Алексія Мариной—по крайней мѣрѣ благозвучиѣ Адриатики.

Съ XI вѣка встрѣчаются слѣды поклоненія Алексію въ средней Европѣ. Св. Майнверкъ, епископъ Падерборнскій, сопровождалъ императора Генриха II въ Римъ въ 1014 году, былъ свидѣтелемъ совершаемыхъ при мощахъ святого чудесъ, и положилъ обѣтъ построить въ Германіи монастырь въ память Алексія, что и исполнилъ въ окрестностяхъ Падерборна. Около того же времени (X или XI в.) монастырь св. Вонифантія въ Римѣ, воздвигнутый при церкви, гдѣ положены были останки св. Алексія, сталъ извѣстенъ подъ именами обонхъ святыхъ. Особенно въ XII вѣкѣ распространилось въ народѣ почитаніе Алексія, но только въ первый годъ понтификата папы Гонорія III (1216) найдены были мощи его и положены вмѣстѣ съ мощами св. Вонифантія въ церкви, носящей ихъ имена, на Авентинской горѣ, подъ главнымъ престоломъ; а въ 1697 году, по домогательству кардинала Памфилія, торжественное богослуженіе въ память этого святого, давно совершавшееся въ Римѣ, было установлено для всей католической церкви. Изъ Страсбурга, Оснабрюка и Праги дошли до насъ отъ XV и XVI в. молитвы и каноны св. Алексію и рѣчи въ прославленіе его ⁽²⁾: въ Парижѣ, Авиньонѣ, Майницѣ и Венеціи стояли часовни ему; во Фландріи (между прочимъ въ Гентѣ) учреждена была братія по его имени (Alexiani или cellebroeders). Ликъ св. Алексія, а также живописное и письменное житіе его приклеивалось въ XV вѣкѣ къ

⁽¹⁾ Этотъ канонъ, самый древній и вѣроятно первый письменный памятникъ про Алексія, приведенъ въ латинскомъ переводѣ въ Acta SS. Bolland Jul. IV p. 247; онъ написанъ акростихами, на стихъ: *Σὺ τὸν Θεὸν ἀνδρώπον ἀνίσω, Νάκα*;

Тебя Божіа человека юю, блаженный!

⁽²⁾ Еще разнѣ, а именно изъ X вѣка дошла до насъ Homilia S. Adalberti Episcopi Pragensis ac martyri, сказанная въ день празднованія рожденія св. Алексія и какъ кажется въ его же монастырѣ на Авентинѣ (Bolland. Acta SS. IV, 257).

домамъ и спасало оныя отъ молніи, грома и наводненія, если при томъ хозини сохранилъ себя чистымъ отъ смертныхъ грѣховъ.

По-гречески, латини, арабски ⁽¹⁾, италіянски, испански, французски, германски, славянски и русски ⁽²⁾, дошло до насъ житіе этого святаго. Немногія легенды были такъ распространены. Но, разумѣется, во всѣхъ этихъ обработкахъ является намъ произведеніе не народное и даже не произведеніе личнаго творчества писателей. Только немногіе характеристическія черты и взгляды могли быть внесены ими въ священную быль, преданіемъ сохраненную.

Житіе св. Алексія принадлежитъ собственно Риму, но по характеру своему столь же близко оно греческому міру, почиталось иными за греческое преданіе, и, какъ кажется, записано было впервые въ Константинополѣ. Болландисты сами допускаютъ, что въ Италіи не было житія св. Алексія ранѣе VIII или IX вѣка, да и то записанное по изустному преданію безимянными монахами, сторожившими его могилу. Достоверно, что и это-то житіе ⁽³⁾ напечатано лишь въ 1636 году. Какъ по этой причинѣ, такъ и по преимущественной важности византійскихъ источниковъ для нашей духовной литературы, мы начнемъ съ разбора греческихъ редакцій.

У насъ передъ глазами только двѣ греческія редакціи, напечатанныя Массманомъ; одна — сочиненіе ⁽⁴⁾ Симеона Метафраста — *magistri et logothetae magnae ecclesiae Constantinopolis* въ XII вѣкѣ ⁽⁵⁾ (откуда и прозвание его Метафраста) — обработавшаго житія святыхъ по старымъ запискамъ и рассказамъ до насъ дошедшимъ и по церковной исторіи Евсевія; сохранилась она въ бумажной рукописи, принесенной изъ Константинополя и находящейся въ Вѣнской бібліотекѣ (Массманъ, 192—200). Другая редакція (напечатанная, кажется, впервые Массманомъ, приложение J, стр. 291—208) хранится въ Мюнхенской бібліотекѣ, въ принесенной также изъ Византіи рукописи, содержащей кромѣ того: Похвальное слово Василия 40 мученикамъ, похвальное слово Θεодора Θεοφάνу Сигріану, жизнь Анѣхорета Герасима, мученичество Василия Анкирскаго, и проповѣди Григорія, Златоустаго и другихъ.

(1) Въ Acta SS. Bolland. помѣщенъ еще латинскій переводъ съ житія св. Алексія, писаннаго по арабски (сирійскими буквами), вѣроятно по сирійскому источнику; святой, называемый здѣсь *Mar-Riscia*, представляется жившимъ и скончавшимся въ Эдессѣ, куда житіе, какъ кажется, и принадлежитъ.

(2) Мы рассмотримъ здѣсь лишь тѣ редакціи, которыя были доступны намъ въ подлинникѣ.

(3) *S. Alexii vita vel nulla antiquitas scripta fuit vel periit: unde solum illa reperitur, quam ex traditione scripserunt monachi, sacri corporis custodes Romae, saeculo fortasse VIII vel IX sicut eam habemus ex ms. eorum impressam Romae, anno MDCXXXVI* (Acta SS. Boll. IV, 250).

(4) Болландисты приводятъ житіе Ламбеція, сомнѣвающагося въ подлинности этого житія, такъ какъ оно несходно съ тѣмъ, которое Сурій — по его же словамъ — перевелъ съ Метафраста. Собственное житіе Болландистовъ рѣзко выражено въ слѣдующихъ словахъ: *cujus nos seographum habemus sed luce publica indignum censuimus* (Acta SS. IV, 251) едва ли не справедливо.

(5) Впрочемъ относить его и къ X вѣку.

Рѣзкое виѣшнее отличіе ихъ отъ латинскихъ и романскихъ житій, принадлежащихъ католическому міру, состоитъ въ величаніи папы только архі-епископомъ римскимъ и въ необыкновенномъ почтеніи лицу императоровъ.

Послѣ краткаго вступленія о томъ, что не по земному надо прославлять презрѣвшаго все земное блаженнаго, и послѣ обращенія къ слушателямъ, дающаго житію совершенно характеръ проповѣди, Метафрастъ называетъ родителей Алексія, представляя отца его Евфиміана вельможей и близкимъ императору и останавливаясь общими мѣстами столько же на его свѣтскихъ преимуществахъ, какъ на добродѣтеляхъ и милосердіи къ нищимъ. Бездѣтная жена его, Аглада, молитвами и добрыми дѣлами надѣется умилоствовать Бога и имѣть когда нибудь сына, чудное рожденіе коего описывается съ яркими риторическими цвѣтами и съ разными ветхозавѣтными сравненіями. Воспитаніе юноши состоитъ въ изученіи грамматики, риторики, философіи и церковной исторіи, какъ вѣща всему. Едва на возрастъ—женится онъ по дружному желанію обоихъ родителей на избранной имъ невѣстѣ отъ царской крови. Не прельщенный бракомъ, Алексій въ глухую полночь покидаетъ домъ и отечество, на кораблѣ переплываетъ въ Сирію, пристаетъ къ богомольцамъ и съ ними приходитъ въ Эдессу, гдѣ поселяется на паперти церкви, построенной во имя Божіей Матери. Раздавъ здѣсь нищимъ взятое на дорогу имущество и одежду, онъ облекается въ рубище, и семнадцать лѣтъ проводитъ въ созерцаніи и молитвѣ, питаясь однимъ хлѣбомъ въ недѣлю и чашей воды, и каждое воскресеніе приобщаясь Св. Таинъ. Голосъ, чудесно исходящій отъ иконы Богородицы, повелѣваетъ церковному приставнику ввести его, какъ угоднаго Богу подвижника, во внутрь храма, и приставникъ узнавъ его по указанной голосомъ черной одеждѣ и по постному виду, приводитъ его къ чудесному образу и разглашаетъ по городу про его святость. Скромный Алексій, боясь человѣческой похвалы и желая скрыть свои добродѣтели, (наперекоръ приводимымъ Метафрастомъ текстамъ о городѣ, стоящемъ на горѣ и о свѣтильникѣ подъ спудомъ) бѣжитъ на кораблѣ изъ Эдессы въ Тарсъ, гдѣ находилась церковь христіанская во имя св. апостола Павла.

Между тѣмъ покинутые родители скорбятъ. Мать особенно оплакиваетъ свѣтъ очей своихъ и утѣху души и клянется не вставать съ сырой земли и съ пепла, пока Господь не явитъ ей судьбы сына. Невѣста-вдовица, не наслаждавшаяся и трехъ дней своимъ мужемъ, называетъ свой бракъ погребальнымъ шествіемъ и обрекаетъ себя на вѣчный плачь. Отецъ разсылаетъ слугъ своихъ искать сына, и они между прочимъ приходятъ и въ Эдессу, въ самый храмъ Богородицы; но не узнавъ прежняго барина, изнуреннаго постомъ и нищетой, подаютъ ему милостыню, въ чемъ Алексій, выросшій ихъ господиномъ по римскому праву, видитъ верхъ уничиженія, за которое онъ благодаритъ Бога, свидѣтельствуя въ тоже время о своемъ равнодушіи къ земнымъ благамъ, о своемъ радостномъ упованіи на будущее.

Буря приноситъ бѣжавшаго изъ Эдессы Алексія не въ Тарсъ, а въ Римъ. Принимая это возвращеніе на родину за дьявольское навожденіе и сатанинскія козни, онъ рѣшается однако оставаться тутъ, уповая на помощь свыше для продолженія своего служенія Богу нищетой, и утѣшаетъ себя тѣмъ, что

обреченный жить милостыней, будет по крайней мѣрѣ въ тягость своимъ же родителямъ, а не чужимъ людямъ. Встрѣчая отца, онъ обращается къ нему съ лъстивою похвальною рѣчью его милосердію, и проситъ поставить ему на своемъ дворѣ низенькую избонку и позволить ему питаться крохами съ трапезы своей. Евфиміанъ приказываетъ построить келію у самого входа въ палаты, чтобъ каждый день видѣть нищаго и приставляетъ ему слугу изъ рабовъ своихъ, обѣщая ему свободу за служеніе блаженному.

Но дьяволъ не успокоивается и, какъ древлѣ Іова, испытываетъ нынѣ терпѣніе Алексія, вынуждая отъ него богохульное слово отчаянія, научаетъ слугъ Евфиміановыхъ бить нищаго и надѣваться надъ нимъ. Но святой молится за нихъ, какъ Христосъ молился за распинавшихъ Его. Такъ проходятъ еще семнадцать лѣтъ. Предчувствуя кончину свою, Алексій проситъ у слуги своего чернилъ, тростникъ и свитокъ и пишетъ подробно повѣсть своей жизни для родителей.

Въ воскресный день представляется блаженный къ концу литургіи и въ это время раздастся въ церкви голосъ, зовущій, словами Спасителя, труждающихся и обремененныхъ и приказывающій упавшимъ ницъ христіанамъ отыскать слугу Божьяго и заручиться его молитвами. Послѣ тщетныхъ поисковъ, послѣ торжественнаго ночнаго моленія въ храмѣ верховныхъ апостоловъ Петра и Павла, Римляне узнаютъ отъ того же чудеснаго голоса о пребываніи святаго въ дому Евфиміана. Къ нему то обращаются императоры ⁽¹⁾, именемъ вѣрно-подданныхъ чувствъ его требуя указанія угодника Божія. Но Евфиміанъ самъ не знаетъ его; онъ спѣшитъ домой и отъ слуги Алексія узнаетъ впервые о терпѣніи, постной жизни и благочестіи призрѣннаго имъ нищаго, идетъ въ его келію, находитъ его уже мертвымъ, озареннаго чуднымъ свѣтомъ, со свиткомъ въ рукѣ, хочетъ взять свитокъ, не можетъ. Узнавъ чудную вѣсть, императоры входятъ въ келію съ толпою народа, не кичась своимъ саномъ, падаютъ на колѣни передъ усопшимъ угодникомъ. По ихъ молитвѣ отдастъ имъ блаженный рукописаніе, которое громко читаетъ хартофилакъ Азцій.

Начинается отчаянный плачь отца, призывающаго Бога въ судьи между нимъ и сыномъ, лишившимъ его утѣшенія сидѣть на постелѣ больного, поддерживать его въ объятіяхъ, подавать слабѣющему пищи и воды, слышать отъ умирающаго послѣднее «будь здоровъ» и послѣднюю просьбу не плакать по немъ и не сокрушаться, не принявшимъ передъ смертію послѣдней родительской ласки. Иначе звучитъ впитѣваемое рыданіе матери, разорвавшей одежду свою и головные уборы. Не послушался ея сынъ голоса природы, не сломилъ его воли материнская тоска, дикимъ звѣремъ остался онъ безответенъ на ея горе, такъ пускай теперь сочувствуютъ ей солнце и звѣзды, если есть въ нихъ смыслъ понимать страданія. Плачетъ невѣста надъ голубкомъ своимъ, потерявшимъ здоровый и свѣжій видъ юности, лежащимъ передъ ней точно потухшій свѣточъ, убившимъ ея надежды и всю сладость ея жизни.

⁽¹⁾ Предположеніе Болландистовъ, что «императоры» означаетъ здѣсь Гоноріа и жену его, императрицу, такъ какъ братъ его, Архидій, никогда не бывалъ въ Италіи. Но далѣе нѣтъ побывавшаго папы Маркіана доказываетъ, какъ мало дорожилъ Атонисецъ исторической вѣрностью.

Императоры кладут священные останки на богато-украшенное ложе и несут их через площадь въ церковь св. Вонифантія; но едва могут пробраться сквозь густую толпу поклонниковъ, получающихъ однимъ прикосновеніемъ къ блаженному исцѣленіе отъ недуговъ своихъ. Кладутъ наконецъ блаженного въ драгоценную мраморную гробницу, которая немедленно сама собой наполняется благоуханнымъ елеемъ, исцѣляющимъ понынѣ больныхъ.

Оканчивается проповѣдь риторическимъ воззваніемъ къ святому обновить недостойныхъ слушателей и еще менѣе достойнаго оратора, дерзнувшего разсказать житіе сіе, и помочь имъ побороть дьявола и достичь небеснаго царствія.

Все это длинное и тяжелое житіе, пересыпанное мудрыми и благочестивыми размышленіями, среди коего полный преданности, а не эгоизма плачь отца стоитъ одиноко своею искренностью, — очевидно произведеніе византійскаго ратора. Слогъ отъѣнно дуренъ и напыщенъ, языкъ неправиленъ въ высшей степени (самый текстъ, какъ онъ напечатанъ Массманомъ, полонъ ошибокъ). Кромѣ нѣкоторыхъ характерическихъ чертъ, которыя явятся намъ изъ сравненія съ другими житіями, замѣтимъ двѣ теперь же. Отсутствие всякихъ данныхъ въ воспитаніи или чувствахъ Алексія къ объясненію его бѣгства и именно послѣ свадьбы, указываютъ на пропускъ, который въ преданіи и въ народной мысли былъ вѣроятно пополненъ, но котораго не ощутилъ и не понялъ бездарный витія, видѣвшій всю святость Алексія въ его грязномъ и исхудаломъ ликѣ, писавшій свою проповѣдь долго послѣ установленія преданія, когда уже поэзія его уступала въ важности тѣмъ или другимъ, освященнымъ временемъ, подробностямъ. Знаменательно также назначеніе Евфиміаномъ слуги нищему, повсемѣстная черта житія сего. Вѣроятно то было прежде обращеніемъ отца къ милосердію слугъ, вызовомъ, кто, по душевной добротѣ, желаетъ взять на свое попеченіе нищаго богомольца и навѣщать его. Но когда монашество и нищенство Христа ради вошло въ почетъ, когда, при развитіи іерархическихъ понятій, одно поступленіе въ аскеты уже стало особымъ отличіемъ, печатью Духа святаго, дающимъ право на почтеніе людей, остававшихся въ мірѣ, тогда могло показаться естественнымъ монашествующему писателю, чтобы при первой встрѣчѣ съ человѣкомъ, отрекшимся отъ міра, хотя не забывшимъ, какъ чада его снискиваютъ себѣ лестью покровительство сильныхъ, Евфиміанъ торопился назначить ему слугу изъ своей дворни; не тоже ли монастырскій служба въ стѣнахъ обители, куда изъ далекаго міра доносятся неясные слухи о разрядахъ между людьми, ихъ неравенствѣ и подчиненіяхъ и гдѣ эти понятія какъ то странно примиряются со смиреніемъ и съ отреченіемъ отъ міра?

Второе житіе написано менѣе вычурно. Вмѣсто перепутаннаго вступленія о воздаяніи земною похвалою за свѣтскія достоинства и небесной наградою за духовныя добродѣтели, здѣсь короткое хотя немногимъ болѣе изящное прославленіе воздержанія и самообладанія. Общія мѣста о добродѣтеляхъ и милосердіи Алексіевыхъ родителей замѣнены описаніемъ ихъ подвиговъ — открытаго для всѣхъ нуждающихся дома, ежедневнаго стола для нищей братіи, за которымъ вельможный хозяинъ самъ прислуживаетъ ей, наконецъ скромной, простой трапезы самихъ хозяевъ въ обществѣ монаховъ и ночнаго съ ними

виѣстъ моленіа. По первымъ чертамъ рисунка можно бы предположить тутъ болѣе художественную кисть и развитіе пластическаго чувства; но введеніе монаховъ въ свѣтское общество, слѣдовательно не отшельниковъ, а прямо чернецовъ, въ IV вѣкѣ такой анахронизмъ, который изобличаетъ личность автора и объясняетъ намъ, что въ его картинахъ надо искать не пластики, а лишь подробнаго назиданія читателямъ, какія именно дѣла милосердіа угодны Богу и наиболѣе возвышаютъ человѣка; тутъ не поэзія, а поученіе къ практической жизни.

Краснорѣчіе, скромность и красота Алексія занимаютъ первое мѣсто въ описаніи его юности. Тотъ же, какъ и въ предъидущемъ житіи, выборъ невѣсты изъ царской крови. Бракъ совершается съ соблюденіемъ церковныхъ обрядовъ, подъ золотыми вѣнцами въ церкви св. Вонифантіа (гдѣ, по Метафрасту, Алексія только хоронятъ). За брачнымъ пиромъ веселятся гости; женихъ въ грустномъ мечтаніи о цѣломудріи, отворачивается отъ яствъ, и потомъ, по довольно прозрачному приказанію отца, сопровождаетъ невѣсту свою въ брачный покой. Тутъ онъ проповѣдуетъ ей о дѣвственности, указываетъ ей во Христѣ новаго, истиннаго жениха, даетъ ей на память свой перстень и поясъ, и поручивъ ее Богу—уходить. Въ разсказѣ нѣтъ ни дѣйствій, ни прямыхъ рѣчей; только сухой перечень ихъ, съ сильными намеками на то, чего риса писца и духовный характеръ писанія не позволяютъ разсказывать, съ явнымъ намѣреніемъ выставить на первомъ планѣ цѣломудріе юности, составляющее главный узелъ этого житія.

Родители заливаются слезами, узнавъ про бѣгство сына; жена и отецъ не говорятъ однако ни слова; послѣдній собирается самъ въ путь искать сына, но старость беретъ свое, онъ остается и посылаетъ рабовъ, которые не узнаютъ Алексія и подаютъ ему милостыню. Тоже откровеніе церковному приставнику (здѣсь пономарю), тоже прославленіе Алексія, бѣгство его въ Тарсъ, возвращеніе въ Римъ и поселеніе у отца. Но неизвѣстный писатель считаетъ долгомъ прійти въ восторгъ отъ скромности и смиренія нищаго сына, посвященнаго во всѣ таинства риторки и обращающагося къ отцу съ простой невѣтливатою рѣчью. Не замѣчаетъ писатель, что въ приводимой имъ простой просьбѣ Алексія (другая чѣмъ у Метафраста) есть слово весьма ловко вставленное, чтобы тронуть отца, и которое не могло оставить его равнодушнымъ: «И коли есть у тебя кто на чужбинѣ, да благословитъ тѣхъ Господь». Смущенный воспомнаніемъ о сынѣ и его тяжелой судьбѣ, отецъ оказываетъ щедрое гостепріимство страннику, надѣясь, что и въ далекомъ краю добрые люди окажутъ тоже милосердіе несчастному его сыну.

Испытанія въ родительскомъ домѣ тѣже, какія мы видѣли уже прежде: Алексія бьютъ по щекамъ, рвутъ ему волосы, выливаютъ на голову грязную воду, въ которой мыли посуду съ отцовскаго стола. Утѣшаясь изрѣченіями изъ священнаго писанія, Алексій остается твердъ и благочестивъ. Кончина его, откровеніе въ церкви и отысканіе его мощей, чтеніе завѣщанія описаны одинаково съ предъидущимъ, съ той разницей, что служка разсказываетъ сперва матери про подвиги нищаго, что Алексій представляется въ пятницу и что онъ по смерти передаетъ рукопись императору и виѣстъ Римскому

архієпископу; императоръ является только одинъ, а Аркадія упоминается въ послѣдствіи вмѣстѣ съ Гоноріємъ, какъ хронологическое показаніе. Плачь отца представляетъ колебаніе между горестью утраты и радостью видѣть сына прославленнымъ и оканчивается молитвой къ нему; мать жалуется на потерю единственнаго утѣшенія, но плакать не можетъ: слезы не льются надъ прахомъ чловѣка, всю жизнь жаждавшаго смерти. Жена наоборотъ плачетъ и молчитъ: скромность, не смотря на шестой десятокъ, замыкаетъ ей уста передъ народомъ. Въ этихъ причитаніяхъ первый слѣдъ глубокой христіанской надежды, утѣшающей въ смерти близкихъ людей,—что ихъ ждетъ лучшая, безболѣзная жизнь за гробомъ. Но подъ перомъ, лишеннымъ всякой поэзіи, образъ этотъ облитъ зарей честолюбія: радость не въ томъ, что сыну тамъ лучше, а въ томъ, что онъ прославленъ, что у родителей теперь близкій передъ Богомъ предстатель и ходатай, и что на нихъ падаетъ на землѣ лучъ небеснаго сіянія сына. И утѣшеніе это теряетъ для насъ всю свою глубокую искренность и наивную прелесть.

Въ переносѣ тѣла (не императорами, а носильщиками) является новое, чрезвычайно важное обстоятельство. Столько народу тѣснится, что нельзя ни пройти ни пронести тѣла до церкви. Благочестивый императоръ, въ слезахъ и униженіи, приказываетъ бросать деньги горстями народу подальше отъ процессіи, надѣясь, что народъ качнется на деньги и отступитъ отъ святыни. Но народъ честивъ: средство не помогаетъ, чудотворныя исцѣленія отъ прикосновенія къ мощамъ не прекращаются, и пренебрегая золотомъ, толпа все болѣе валитъ къ останкамъ блаженнаго.

При большей краткости и простотѣ слога, эта редакція однако въ поэтическомъ отношеніи не стоитъ выше первой; на нее тяжело легъ отпечатокъ мысли, воспитанной въ обрядности и замкнутой въ узкоочерченные предѣлы искусственныхъ отношеній. Если у автора и было болѣе таланта, то онъ стоялъ дальше отъ жизни.

Въ слѣдъ за этими двумя житіями Алексія, познакомившись съ содержаніемъ ихъ, обратимся къ упомянутому выше канону въ честь его, писанному Іосифомъ Гимнографомъ во второй половинѣ IX вѣка. Можно почти съ достовѣрностью сказать, что канонъ этотъ, назначенный для чтенія въ храмѣ въ день памяти Божія чловѣка,—самый древній письменный памятникъ о немъ и источникъ, откуда, вмѣстѣ съ преданіями, всѣ прочія житія почерпали свое содержаніе. Съ этимъ согласны даже отцы Іезуиты, ученые издатели Acta SS. Въ богослуженіи восточной церкви этотъ канонъ удержался понынѣ.

Еслибъ и неизвѣстно было точно время жизни Іосифа, самое содержаніе канона ручалось бы намъ за то, что онъ стоитъ въ главѣ всей литературы о Божіемъ чловѣкѣ. Очевидно писанный для богослуженія, канонъ не представляетъ подробной біографіи святаго, кромѣ его имени не упоминаетъ другихъ именъ, ни лицъ, ни мѣстностей, останавливаетъ вниманіе только на общечеловѣческомъ и христіанскомъ значеніи его подвиговъ; нѣтъ картинъ родительскаго богатства, ни прощанія съ женой и ночнаго бѣгства отъ нея, нѣтъ исчисленія 34-хъ-лѣтней пужды и презрѣнія; нѣтъ въ особенности ни чудеснаго

возвращеніи въ Римъ, ни явленій и гласовъ въ Эдесскомъ храмѣ (*), ни за-
вѣщанія родителямъ и связанныхъ съ полученіемъ онаго чудесъ. Видимъ только
человѣка проникнутаго до глубины сердца любовью ко Христу и приносящаго
въ жертву ей всякія удовольствія плоти и удобства жизни и осѣненного какою
то проявляющей его небесной благодатію; чудотворная стихія житія здѣсь
замѣтна только въ исцѣленіяхъ, совершаемыхъ при мощахъ; она потому уже
постепенно прилѣплялась вокругъ этого зерна, выступая какъ изъ изустнаго
преданія, такъ и изъ воображенія народныхъ массъ, склонныхъ къ чудесному,
единственному для нихъ доступному признаку божественнаго и высокаго.

Канонъ Алексію перенесенъ разумѣется къ намъ изъ Царяграда, виѣсть съ
богослуженіемъ восточной церкви, тѣмъ усердіемъ, что онъ еще недавно былъ
принятъ въ ней. Нѣтъ сомнѣній, что по самому содержанію своему—прослав-
леніе нищеты и награда бѣдности и горю—канонъ скоро перешелъ въ народъ
и къ его простому разсказу стали подбирать картины и подробности изъ
прочихъ попадавшихся житій. Мы имѣемъ полное право видѣть въ этомъ
канонѣ, сохраненномъ донинѣ неизмѣннымъ въ нашихъ церквяхъ, корень и
подлинникъ духовныхъ стиховъ нашего народа объ Алексіѣ Божіемъ чело-
вѣкѣ, и считать это преданіе однимъ изъ первыхъ даровъ христіанства нашей
народной словесности.

Прозаническія и стихотворныя латинскія редакціи житія Алексія Божія чело-
вѣка весьма многочисленны; перечень ихъ, и то не всѣхъ, можно найти въ
Acta SS. и въ сочиненіи Массмана; согласно и съ мнѣніемъ сего послѣдняго,—
мы обратимъ вниманіе на три редакціи:

1) Каноническая редакція Римской церкви, какъ можно предполагать потому,
что она вошла первой въ Сборникъ житій святыхъ или Латинскія четінъ миней,
печатаемыя въ Нидерландахъ съ XVII вѣка Обществомъ ученыхъ Іезуитовъ
(Болландистовъ отъ имени перваго редактора *Johann Bolland* † 1665) подъ осо-
бымъ покровительствомъ всего католическаго духовенства, съ огромными
издержками и дѣйствительно съ рѣдкимъ усердіемъ и ученостью. Редакція
эта (*Acta Sanctorum Bolland. Jul. IV 251—253*; у Масс. 167—171) служитъ
основой или по крайней мѣрѣ заключаетъ въ себѣ все, что только встрѣчается
въ прочихъ Латинскихъ житіяхъ и легендахъ; она составлена Болландистами
изъ сравненія нѣсколькихъ кодексовъ, но въ основаніе принята рукопись,
принадлежавшая Іерониму Галльскому канцлеру Гельдрскому 1648г. Огла-
вленіе ея: *Vita auctore anonimo conscripta; ex codice nostro membranaceo ms.*
antiquissimo, Hieronymi de Gaule, Geldriae Cancellarii, cum aliis collata.

2) Другая редакція напечатана Картезіанскимъ монахомъ Лаврентіемъ Су-
риемъ въ его Сборникѣ житій святыхъ: *Laur. Surii de probatis sanctorum hi-*
storiis (Coloniae, 1579, fol. D. 221—223; Масс. 172—175), по отзыву Лам-
беція переводъ Метафрастова житія.

3) Наконецъ редакція, совершенно отличная отъ Болландистской и по ней
составленныхъ, извлечена самимъ Массманомъ (157—166) изъ отысканныхъ

(*) Только весьма слабо напекли на всѣ эти обстоятельства.

имъ въ Вѣнской библіотекѣ двухъ рукописей весьма близкихъ одна къ другой: а) Cod. Ratisbon. civ. LXX mem. fol. uc. 1736—177 а, и b) Cod. Schefflar 138 mem. fol. fec. uc. 82 d.—84 b. Въ первой изъ нихъ послѣ uc. 16 находится: Hoc corpore continentur hystoriae ecclesiasticae ex socrate sozomeno et theodorito in unum collectae et nuper de greco in latinum translatae libri numero duodecim. Incipit prefatio Cassiodori senatoris serui dei. Во второй рукописи только Vitae sanctorum.

Редакція, представленная Лаврентіемъ Суріемъ, важна, какъ точная передача западу преданія восточнаго или вѣрнѣе той формы, которую облекло на востокъ преданіе, возникшее, очевидно, если не сперва въ Римѣ, такъ по крайней мѣрѣ одновременно въ обѣихъ столицахъ христіанскаго міра.

Разсказъ Сурія безцвѣтенъ, какъ у западнаго лѣтописца. Имѣя въ виду Метафрастовъ текстъ житія, несогласный съ текстомъ Сурія, мы въ правѣ, кажется, замѣнить догадку Ламбиція о подложности житія, извѣстнаго намъ какъ Метафрастова, и о существованіи другаго затеряннаго подлинно Метафрастова текста, другою догадкою, что обѣ разобранныя выше редакціи были извѣстны Лаврентію Сурію, который извлекалъ свой разсказъ изъ обѣихъ, дополняя изъ одной подробности, въ другой недостающія. Такъ изъ редакціи Метафрастовой приняты имъ программа воспитанія Алексія,—восторгъ матери, узнающей о желаніи отца женить сына и падающей мужу въ ноги съ просьбой ускорить бракъ;—сравненіе Алексія съ голубемъ жена его переноситъ на себя уподобляясь тоскующей горлицѣ;—упреки императора Евфиміану, что не говорилъ онъ раньше про блаженнаго, — неудачный переводъ императорскаго титула *θεότατος* — *sacratissimus* вмѣсто *divus*; — и наконецъ расположеніе частей разсказа о кончинѣ блаженнаго и откровенія про него ближе подходитъ къ житію Метафрастову; изъ другой греческой редакціи принято: угощеніе Евфиміаномъ нищихъ и странниковъ и ежедневная трапеза съ монахами;—употребленіе вѣнцовъ при бракѣ,—бракъ въ цѣркви св. Вонифантія;—отецъ посылаетъ сына въ спальную;—Алексій отдаетъ невѣстѣ перстень и пояс,—беретъ съ собой нѣсколько своего имущества, которое раздаетъ уже въ Эдессѣ, — полученную милостыню подаетъ больнымъ и старикамъ,—при встрѣчѣ съ отцемъ намекаетъ на себя самого;—является въ дѣйствиіи одинъ императоръ съ римскимъ архіепископомъ (что замѣчательно въ латинскомъ текстѣ); чтобъ оттащить народъ отъ останковъ блаженнаго бросаютъ на площадь золото, но безъ успѣха;—наконецъ полагаютъ блаженнаго въ цѣркви св. Петра, а не св. Вонифантія (хотя послѣднее согласно съ дѣйствительностью), 17 марта.

Эти выписки доказываютъ, что Лаврентій Сурій пользовался обѣими греческими редакціями; наименованіе папы только архіепископомъ въ латинскомъ сочиненіи, да еще картезіянскаго монаха, объяснимо только уваженіемъ къ тексту подлинника, и также какъ празднованіе Алексіевой кончины 17 марта относитъ житіе Суріево къ кругу восточной цѣркви. За тѣмъ встрѣчаются нѣкоторыя черты у Сурія, которыхъ нѣтъ ни въ одной изъ греческихъ редакцій, а которыя находятся въ латинской Болландистовъ. Сія послѣдняя въ свою очередь, очевидно, независимо отъ вышеозначенныхъ, передаетъ само-

стойтельное чисто латинское по духу преданіе и на глубокую древность ея мы имѣемъ въ Acta SS. довольно положительное указаніе. Если же Сурія, римско-католическій монахъ, такъ близко держался своего подлинника, что не хотѣлъ титула архіепископа римскаго замѣнить титуломъ папы, то едва ли можно ожидать отъ него искаженія житія собственными вымыслами; вѣроятнѣе, что онъ имѣлъ передъ глазами и рукописи, служившія впослѣдствіи Болландистамъ, и съ цѣлью украсить переводъ свой, сдѣлалъ изъ оныхъ слѣдующія, не всегда удачныя, заимствованія:

Богатство Евфиміана описано весьма подробно, именно указано по 3000 слугъ въ золотыхъ поясахъ и шелковыхъ одеждахъ, его милосердіе и щедрость подтверждаются тремя столами ежедневно накрываемыми для вдовъ, сиротъ, странниковъ, нищихъ и больныхъ (собственная прибавка Суріи); — простое прощанье Алексія женѣ: «миръ-ти» замѣнено Болландистскимъ не совсемъ яснымъ указаніемъ на ихъ будущія отношенія: «да будетъ Господь между нами», но съ страннымъ прибавленіемъ «пока ему угодно будетъ» (ошибкою, если судить по тексту Болландистовъ, отъ переставленія придаточнаго предложенія изъ другаго періода, гдѣ оно относится къ продленію его жизни). Перстень и поясъ свой Алексій обертываетъ въ алыи платокъ, передавая ихъ женѣ на прощанье. Чудотворная икона ⁽¹⁾, проглаголавшая пономарю, смѣшана съ иконой Нерукотвореннаго Спаса, по преданію хранившейся въ Эдессѣ (*Sine humano opere domini nostri I. Ch. in Sindone*), и Суріи спѣшитъ выписать сполна это преданіе ⁽²⁾, весьма распространенное равно на западѣ и на востокѣ; — мать, горюя, садится на мѣшокъ; Евфиміанъ, озабоченный отысканіемъ у себя въ домѣ святаго, изъ-за котораго подымается весь Римъ и свершаются чудеса въ храмѣ, бросается сперва убирать домъ къ принятію императора и устанавливать стулья и скамейки; мать съ тру-

(1) Въ редакціи Метафраста икона Божіей Матери, въ храмъ которой происходитъ чудо; въ безымянной греческой редакціи икона Богородицы съ Спасителемъ на рукахъ, и глаголы исходятъ отъ Спасителя; у Суріи и Боландистовъ глаголетъ икона Богородицы, но кромѣ того привлекаетъ блаженнаго въ Эдессу Нерукотвореннаго икона Спаса.

(2) Евсевій, епископъ Кесарійскій, въ IV вѣкѣ, внесъ въ свою исторію христіанской церкви изъ найденной имъ въ архивахъ Эдессы сирійской латини сказаніе про переписку между Іисусомъ Христомъ и эдесскимъ несинопотамскимъ царемъ Авгаромъ. Большой Авгаръ просилъ Христа прійти и исцѣлить его. Спаситель отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ: «Блаженъ ты, Авгаръ, что встрѣишь въ Меня не видявъ Меня, ибо написано обо Мнѣ: видящій Меня не повѣрять Мнѣ, чтобы невидѣшіе и вѣровавшіе нѣмѣли жизнь вѣчную. Что же о желаніи твоёмъ, чтобы Я къ тебѣ пришелъ, то я здѣсь (въ Іудеи) долженъ все совершить, на что Я посланъ, и потомъ отойти къ Посланшему Меня. Когда сіе исполнится, пошлю къ тебѣ изъ учениковъ Моихъ, да исцѣлитъ тебя и подастъ жизнь дошашнимъ твоимъ». Моисей Хоренскій прибавляетъ къ этому преданію, что Спаситель послалъ Авгару съ письмомъ (написаннымъ апостоломъ Фоимомъ) и ликъ свой, чудесно отпечатавшійся на лѣтѣ, и утверждаетъ, что видѣлъ хранившійся еще въ Эдессѣ Нерукотворенный этотъ образъ, — перенесенный въ послѣдствіи въ Константинополь, а оттуда въ Римъ (въ церковь св. Сильвестра) или въ Голую; оба города признаютъ теперь за собой подлинный образъ. (См. Wilh. Grimm: *die Sage des Ursprungs der Christusbilder*. Berlin 1843, и *Kathol. Kirchenlexicon*, Wetzler und Welte, Freiburg. 1747, т. I.)

домъ пробирается сквозь густую толпу (у Болландистовъ *quasi leaena rumpens retē*, у Сурія *tanquam leaena e vivario ruens*); наконецъ получение силы и исцѣленія отъ слезъ, истекающаго изъ гробницы Алексія, смѣшано съ концомъ житія въ рукописи Болландистовъ о томъ, что этотъ блаженный все выпросить у Бога людямъ искренно молящимся ему, и вышла вещь дикая даже въ мірѣ чудесъ: *ex oleo si quisquis accipiebat, quicquid postulabat obtinebat a Deo*.

О знакомствѣ Сурія съ канонемъ Іосифа свидѣлствуютъ слѣдующія слова иконы Богородицы пономарю: «молитва его восходитъ къ Богу, какъ нѣміамъ».

Одна развѣ утѣшительная черта у Сурія, и впечатлѣніе, которое она производитъ на читателя этой сухой риторикѣ, не позволяетъ пройти ее безъ замѣчанія,—то вырвавшееся какъ-то слово *frater* въ обращеніи Алексія къ своему слугѣ. Этого слова не было еще ни въ одной изъ упомянутыхъ редакцій и только разъ еще встрѣтится оно въ другихъ, какъ ни естественно было христіанскимъ писателямъ вложить его въ уста Божьяго человѣка. Хорошо понимали они христіанство!

Отъ Суріевской редакціи—посредника между греческой и латинской церковью,—перейдемъ къ западнымъ редакціямъ житія.

Соединеніе большей части картинъ и происшествій обѣихъ греческихъ редакцій, указанное у Сурія, повторяется и у Болландистовъ, такъ что ихъ редакція житія—самая полная по фактамъ, выпущены только всѣ размышленія богодухновенныя и псалмійныя чувствъ греческихъ риторовъ и рѣчи и разговоры сокращены. Отличительными чертами латинской редакціи, кромѣ полноты ея, можно указать слѣдующія: родители даютъ обѣтъ цѣломудрія по рожденіи Алексія въ благодарность Богу за оное, — въ воспитаніе Алексія входятъ кромѣ *ecclesiasticorum sacramentorum* и *liberales disciplinae* и *omnia philosophiae studia*,—къ названію Богородицы прибавляется всегда имя Маріи, — исправляется имя папы, который называется (какъ и слѣдуетъ) Иннокентіемъ (первымъ) и титулъ ему *Pontifex* (императоры же опять показаны неправильно оба виѣсть),—папа, а не императоры, получаетъ рукописаніе отъ покойника, *quia pater universalis est*, — память блаженнаго празднуется въ день его погребенія, т. е. 14 (должно быть 17) іюля, — наконецъ плачь матери, доселѣ бывшій во всѣхъ редакціяхъ связкой общихъ мѣстъ и эгоистическихъ сожалѣній о перенесенныхъ ею страданіяхъ, которыя сынъ назвавшись давно могъ сократить, теперь приближается къ плачу отца у Меттафраста (ни въ какой другой редакціи впрочемъ не повторенному); она плачетъ о томъ, что сынъ безвѣстенъ страдалъ у нея въ домѣ, что въ ея власти было сократить и облегчить его страданія, но что она не знала его, и ея горе, которое она проситъ народъ раздѣлить и оплакать съ нею, начинается только теперь какъ она узнала, что спокойствіе сына было въ ея рукахъ, а онъ умеръ полуголодный въ лохмотьяхъ и въ истязаніяхъ.

Тепла эта скорбь ея; но невольно напечатывается вопросъ, что это за сынъ, день за днемъ влившій слезы матери и ни разу не поднявшій руки, чтобы утереть ихъ?

Кромѣ мѣстныхъ условій, побудившихъ къ нѣкоторымъ поправкамъ и измѣненіямъ, ясно выражается вліяніе идей западной церкви въ этихъ отклоненіяхъ или, вѣрнѣе, различіяхъ римскаго житія отъ византійскаго. Значеніе папы, какъ намістника Божія на землѣ и царя царей или, по гордому римскому выраженію какъ *Servus Servorum*, требовало, чтобъ ему одному—*patri universali*—предоставлены были право и честь получить рукописаніе отъ покойника. Сильно уже развившееся въ западной церкви подъ исходъ перваго тысячелѣтія исключительное поклоненіе Богородицѣ отразилось въ постоянномъ упоминаніи ея по имени; Она для Латынина не только *Mater Dei*, Она *Magia* сама по себѣ, славная и боготворимая. Искаженная въ перенесеніи на итальянскую почву древняя эллинская образованность все таки сохраняла здѣсь слѣды прежняго разнообразнаго и могучаго роста, между тѣмъ какъ на прежней родинѣ и въ новой представительницѣ ея, Византіи, оставалась только по имени, уступая на дѣлѣ мѣсто богословскимъ интересамъ; при такихъ условіяхъ вѣнцомъ образованія человѣка представлялась Греку церковная исторія, между тѣмъ какъ Римлянинъ, принявъ въ программу христіанскаго воспитанія церковныя науки, помнилъ и уважалъ еще и философію и (непереводимое) *artes liberales*. Наконецъ самое цѣломудріе ⁽¹⁾ получило въ западной церкви, можетъ быть подъ вліяніемъ культа Пресвятой Дѣвы, такое широкое значеніе, которое какъ то даже непонятно уму непривыкшему съ измала къ подраздѣленію грѣховъ на смертельныя и прощаемыя (*mortels et véniels*) и которое проникло отличительной печатью въ самые протесты противъ западной церкви; этимъ объясняется обѣтъ цѣломудрія, произносимый Алексѣевыми родителями и долженствующій къ нимъ же горю такъ свято быть исполненнымъ ихъ сыномъ. Можетъ быть напротивъ въ этомъ обѣтѣ думалъ писатель житія найти нѣкоторое оправданіе отреченію блаженнаго отъ семейства, какъ и всѣ послѣдующіе писатели житія невольно подыскивали *des causes allénuantes* къ подвигамъ и добродѣтели Алексія. Тѣ же самыя побужденія вносятъ въ другое латинское житіе нашего блаженнаго соответствующую черту въ замѣтъ родительскаго обѣта по рожденіи сына: самъ Евфиміанъ хочетъ вести жизнь безбрачную, но принужденъ жениться по волѣ сената и императора: *ixogem ab imperialore et senatu ducere coactus fuit* (158).

Приступаемъ именно къ этой самой замѣчательной изъ редакцій, открытіемъ которой не даромъ гордится Массманъ, впервые напечатавшій ее (хотя при случаѣ нельзя не укорить ученаго профессора въ слишкомъ небрежномъ напечатаніи какъ этого, такъ особенно греческаго текста). Редакція эта составлена Массманомъ по двумъ весьма близкимъ спискамъ Мюнхенской бібліотеки. Во многомъ она отступаетъ отъ принятаго Римскою церковью въ *Acta Sanctorum* и слѣдовательно каноническаго разсказа этого житія. Основаны ли эти отступленія и перестановки на какомъ нибудь другомъ источникѣ, бывшемъ подъ рукою писателя, или они произведенія соб-

⁽¹⁾ Прославленіе цѣломудрія составляетъ чуть ли не важнѣйшую часть поминутой раньше проповѣди св. Адалберта Епископа Прагскаго.

ственного воображенія и субъективнаго взгляда, не имѣемъ никакихъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса.

Римскій элементъ выражается сперва въ желаніи связать Алексія съ знаменитыми пменами ⁽¹⁾ древняго Рима: Евфиміанъ происходитъ отъ Сципіоновъ и Анницевъ, жена Алексія ⁽²⁾ отъ семейства Фабриція, побѣдителя Пирра Эпирскаго. Но лѣсти національному самолюбію Римлянина, эти языческія воспоминанія, эта *summa laus antiquorum robur* могли оскорблять христіанна, и писатель спѣшитъ возвысить еще славу этихъ семействъ, указывая на ихъ дѣятельное подвижничество къ распространенію христіанства. Алексій является такимъ образомъ вѣнцомъ и наградой имъ за гражданскія и духовныя доблести. Эти благочестивыя разсужденія составляютъ вступленіе къ житію. Поневогѣ вспомнишь при нихъ Солонову жрицу, просившую у боговъ самой лучшей награды своимъ сыновьямъ за ихъ любовь къ матери, и нашедшую ихъ послѣ торжества — мертвыми. Свѣтскія почести семьи умножаются еще дружбой не только Евфиміана, но и брата его Арсенія (вновь появляющагося лица) съ императоромъ Θεодосіемъ, у котораго оба брата крестятъ сына Гонорія, — и еще тѣмъ, что восприемникъ Алексія самъ папа Римскій Сирикій. Духовныя добродѣтели семьи дополняются принятіемъ тѣмъ Арсеніемъ иноческаго образа и отшельничества въ глубинѣ Скитаіи.

Писатель даетъ волю перу и воображенію и подробнѣе прежнихъ описываетъ богатство Евфиміана (у котораго впрочемъ не три тысячи, а только много слугъ — *numerosi famuli*) и останавливается на молитвахъ родителей о сынѣ; но у него уже молитвы въ церкви оффиціальныя, заказанныя Евфиміаномъ по просьбамъ жены: духовное возношеніе сердца къ Богу въ тишинѣ ночи замѣнилось заказными молебнами; впрочемъ раздача милостыни осталась и усилилась, — спасеніе добрыми дѣлами.

Писатель отступаетъ отъ каноническаго текста преданія и не знаетъ ничего объ обѣтѣ цѣломудрія Алексіевыхъ родителей. Въ воспитаніи же онъ еще усиливаетъ каноническій разсказъ; умственное образованіе прямо является ему какъ *libri seculares* въ противоположность къ *scriptura*; свѣтскіе и духовные элементы рѣшительно раздѣлились и начинаютъ враждебно смотрѣть другъ на друга. Послѣ брачнаго пиршества, описаннаго съ нѣкоторой претензіей на пластичность поэзіи, «наступила ночь, въ которую приготовлено брачное ложе, и благородный юноша съ обрученной своей вступилъ въ тайное безмолвіе своей спальни; и какъ передъ постелью по обычаю патриціевъ горѣла лампада, — «видишь», сказалъ блаженный Алексій обрученной (своей), какъ свѣтильня эта пожирается пламенемъ; она догоритъ до конца и упадетъ: такова по правдѣ жизнь наша; объята пламенемъ похотей, она ежедневно погибаетъ и исчезаетъ, и какъ сгоритъ это жилище, останемся на вѣки осужденными; поэтому, дорогая, освободимъ души наши отъ этого

⁽¹⁾ Основаніемъ этой вставки могло служить преданіе о происхожденіи святаго изъ семейства Сабелліанъ, жившихъ на Авентинѣ, гдѣ послѣ стоялъ монастырь св. Воиниантіа, и построившихъ въ монастырской церкви особую капеллу.

⁽²⁾ (Впервые названная у Болландистовъ) *Adriatica*.

пламени похотей, отъ побужденій къ сладострастію и наслажденію, которыя принесутъ намъ въ прибыль вѣчную смерть и сами пройдутъ и исчезнутъ какъ тѣнь и дымъ, оставя за собой только грѣховное бѣдствіе». Сказавъ это, онъ снялъ перстень и далъ ей плачущей безутѣшно и отвѣчающей: «ступай съ миромъ, ни я не обвиню никогда живаго мужа и не перестану быть вдовой.» (Масс. 159.) Этою живою рѣчью, естественнымъ и поэтическимъ переходомъ отъ догорающей передъ брачнымъ ложемъ свѣтильни къ тиотѣ земной жизни и наслажденій ея, замѣнилъ удачно писатель сухія выраженія своихъ предшественниковъ, въ родѣ того, что «блаженный сталъ поучать обрученную, какъ хороша дѣвственность и какъ по истинѣ Христосъ прелестнѣйшій изъ жениховъ.» Ту же самую жизнь старается писатель внести въ драматическую минуту, когда родители узнаютъ отъ невѣсты вдовы про бѣгство нѣхъ сына, давъ этому разсказу видъ разговора, хотя косвенной рѣчью. Читатель такихъ легендъ съ благодарностью обращается къ писателю, всякій разъ что замѣчаетъ малѣйшее поползновеніе внести свѣжій духъ жизни въ эту канонами расправленную поэзію.

Еще въ самомъ отцовскомъ домѣ надѣвъ нищенскую одежду, Алексій начинаетъ свои странствія по совершенно новому маршруту, черезъ Пизу въ Іерусалимъ и оттуда привлеченъ въ Лукку желаніемъ увидѣть чудотворный образъ Спасителя, писанный съ натуры Никодимомъ. Въ Пизѣ принимаетъ онъ милостыню отъ отцовскихъ слугъ; въ Луккѣ чудотворный образъ, разсказавъ про святость его, заставляетъ его бѣжать отъ мірскихъ похвалъ въ Африку; но буря приноситъ его въ Римъ. Измѣненіе именъ легко объясняется географическими познаніями писателя, для котораго города Италіи представляли болѣе ясное понятіе; Іерусалимъ же примѣшался какъ цѣль вѣроотно частыхъ паломничествъ во время написанія этого житія ⁽¹⁾.

Несравненно важнѣе переимѣна всего характера подвига Алексіева; блаженный обрѣкъ себя на нищету, но онъ не проситъ милостыни, а работаетъ руками. «Войдя въ городъ (Пизу), онъ нѣсколько дней искалъ пищу руками своими, пока наконецъ лице его измѣнилось, цвѣтъ загорѣлъ, волосъ сталъ рѣже, и уже никакъ не боялся Алексій быть узаннымъ». И далѣе: «днемъ и ночью занимался онъ постомъ и молитвой и бдѣніемъ, и разбитый непривычной работой сталъ нѣсколько заболѣвать, радусь даже этому, такъ какъ онъ въ потѣ лица добывалъ ежедневно хлѣбъ» (Масс. 160).

Плодъ съ одной стороны аристократическаго характера древнихъ религій и философіи, требовавшихъ дѣйствительно досужаго и долгаго созерцанія, чтобъ проникнуть до сокровенной въ нихъ истины, съ другой восточнаго стремленія выражать свое благочестіе добровольными лишеніями и муками, — христіанскій аскетизмъ развился тамъ ранѣе, тамъ чаще и полнѣе, куда не достигалъ живой притокъ юныхъ варварскихъ народовъ, проникавшихъ

⁽¹⁾ Массиназъ предполагаетъ, что Луцца искажено изъ Laodicea, P'izza изъ Edissa, Edessa. Очень вѣроятно. Но нѣтъ ли этихъ искаженій разумнаго объясненія въ существовавшей въ это время (вѣроятно XII вѣкѣ) паломнической и торговой пути черезъ Пизу въ Іерусалимъ?

старое общество сперва какъ гости и плѣнники, потомъ какъ враги и обладатели. Живыя силы этихъ народовъ, обновившихъ Италію, сказались и въ нашей легендѣ. Преклоняясь передъ святостью отрочающагося отъ земныхъ благъ и наслажденій, западный писатель менѣе восточнаго признаетъ святость челоѵка, бѣгущаго отъ земнаго труда. И, сознаемся, наше сочувствіе на сторонѣ латинскаго житія. Для пониманія этого мѣста и для оцѣнки нѣсколькихъ словъ, прибавленныхъ здѣсь въ этомъ житіи, не безъ важности слѣдующія обстоятельства, доказывающія, что въ Сѣверной Германіи дѣйствительно видѣли въ житіи св. Алексія протестъ противъ празднои жизни. Въ XII-мъ вѣкѣ и потомъ еще разъ въ началѣ XIV-го послѣ страшнаго чернаго мора, основано было сперва въ Нидерландахъ, потомъ и въ нижней Германіи братское Общество Ноллардовъ или Лоллардовъ (отъ *lollen, lullen*, пѣть вполголоса упокойныя молитвы) или Алексіанъ (*fratres laici Alexiani*), поставившихъ себѣ Алексія Божія челоѵка въ покровители, заступники и примѣръ. Ихъ назначеніе было: ходить за больными, собирать милостыню для раздачи ея нищимъ, посѣщать заключенныхъ въ тюрьмѣ и особенно (послѣ заразы) хоронить мертвыхъ (отчего и прозвали ихъ также *fratres cellitae* отъ *cella*—гробъ). Протестуя противъ празднаго и развратнаго образа жизни, установившагося въ монастыряхъ въ то время почти повсемѣстно, они никогда не хотѣли стать монашескимъ орденомъ, выхлопотали себѣ у папъ утвержденіе какъ свѣтское братство и не разъ должны были прибѣгать къ ихъ защитѣ противъ нареканій въ ереси и преслѣдованіи со стороны монаховъ.

Столь важное обстоятельство въ жизни Алексія, какъ прославленіе его иконой, не оставлено безъ развитія и подробнѣйшаго разсказа, какъ слѣдовало ожидать отъ словоохотливаго и поэтически настроеннаго писателя. Икона (здѣсь Спасителя, а не Богоматери, хотя Богоматерь упоминается даже въ византійскихъ редакціяхъ, а у насъ передъ глазами латинская) подробно описываетъ примѣты Алексія, чтобъ сторожу (*mansionarius*) можно было узнать его. Къ чему эта замѣна небеснаго выраженія лица его полицейскимъ описаніемъ примѣтъ? Позволимъ себѣ догадку, что усердный монахъ, желая живѣе представить святаго воображенію народа, списывалъ здѣсь ликъ Алексія съ иконы, стоявшей въ церкви св. Вонифантія и можетъ быть почитавшейся вѣрнымъ портретомъ. Всѣхъ писателей житія Алексія озадачивалъ однако вопросъ о томъ, какъ распространилось по городу видѣніе пономаря и откуда вдругъ поклоненіе или почести, отъ которыхъ Алексій снова бѣжалъ за море: *ne omnem diu habitum pro Deo laborem....* (161). Неясность этого пункта подала поводъ, какъ мы увидимъ далѣе, къ прекрасной вставкѣ русскихъ каликъ переходящихъ. Въ греческихъ текстахъ пономарь будто разглашаетъ свое видѣніе; по одной изъ латинскихъ редакцій (Bolland.) пономарь, узнавъ Алексія, бросается ему въ ноги и подымается такимъ образомъ треногу на паперти между нищими. Настоящая редакція наша разрѣшила вопросъ чудомъ, заставивъ церковные колокола затрезвонить разомъ по всей Луккѣ, какъ только блаженный переступилъ порогъ храма Богородицы. Не трудно вообразить впечатлѣніе на сонныхъ жителей такого нерукотвореннаго

набата въ глухую полночь. Впрочемъ писатель нашъ охотникъ до торжественности и до колокольнаго звона, и прибавляетъ его къ чудному голосу, возвѣщающему изъ церковнаго адтара кончину блаженнаго и то не молящемуся народу, какъ мы доселѣ видѣли, а собранному папой Иннокентіемъ I-мъ собору противъ Евфиміянъ. «Господь самъ, прибавляетъ житіе, заботился о торжественности похоронъ вѣрному сыну» (Масс. 161).

Взглядъ нашего писателя на отношенія между дѣтьми и родителями ясно высказывается при невольномъ возвращеніи Алексія на родину. Корабль приноситъ его къ Риму вмѣсто Африки (замѣняющей здѣсь Тарсъ Киликійскій съ храмомъ апостола Павла) «по тайному произволенію Божию» (*secreto Dei iudicio*), но не для того, чтобы утѣшить родителей или указать ему на обязанность природою опредѣленную, а «чтобъ болѣе испытать его» (*ut amplius probaretur*), на сколько хватитъ у него силъ заглушить голосъ природы. Уничтожая обязанности сына къ родителямъ, писатель однако не ослабляетъ обязанностей родителей къ сыну или, точнѣе, обязанностей ихъ къ монаху. «И кому же подъ небомъ такъ прилично», думаетъ Алексій, входя въ Римъ, «прокормить нуждающагося, поддержать болящаго, какъ не тѣмъ, кто по закону плоти должники передо мной за всѣхъ людей» (*). Но отказываясь отъ обязанностей и отъ утѣшеній семейной любви, какъ и отъ тѣлесной пищи, Алексій, по мнѣнію нашего писателя, не долженъ отказываться отъ улады и пищи самолюбію. «Разорвалось бы въ немъ желѣзное сердце»... «еслибъ не оставалось ему въ утѣшеніе вѣрность обрученной и ея привязанности къ нему». «Ибо она во весь день ничего другаго не думала, какъ сидѣла подлѣ него и говорила о мужѣ своемъ, плакала и жалобилась. И не былъ онъ тронутъ» (*nec tamen ipse moveri*)» (162). Странное для отшельника препровожденіе времени—ожиданный разговоръ про самого себя съ влюбленной въ него и преданной ему женщиной, состоящей въ прославленіи своей силы и любви къ Богу (*se omnia propter Deum ad perfectam Dei probationem patienter sustinere velle aiebat*). Не удивительно, что Болландисты, у которыхъ редакція эта вѣроятно была подъ руками, не помѣстили ее въ своемъ сборникѣ. Но замѣчательно внесеніе женскаго чувства и прославленіе женскаго самоотверженія (можетъ быть плодъ Богородичнаго культа) въ житіи святаго. Этотъ эпизодъ, перешедшій въ иные германскіе духовные стихи, свидѣтельствуетъ о развитіи совершенно особаго направленія, и потому приведемъ его здѣсь сполна.

Ловкій намекъ Алексія на самого себя при встрѣчѣ съ отцомъ, перешедшій изъ безымянной греческой редакціи (Масс. 201) къ Сурію, сталъ у Болландистовъ прямымъ указаніемъ на себя: *ut Deus*, заканчиваетъ Алексій свое прошеніе отцу, *misereatur ei quem habes in peregre* (169). Въ теоріи разсматриваемой редакціи Алексій проситъ мѣста въ домѣ отцовскомъ *propter Deum et amorem unici tui, quem habes in exilio* (161). Въ обоихъ текстахъ

(*) Et qui ad hoc sub coelo tam idonei ut egentem pascant, infirmum sustineant quam illi, qui ex jure carnis pro omnibus mihi debitores existunt (161).

отецъ тронуть до слезъ. Но странно показалось нашему писателю, что тщетно разославъ слугъ по всей землѣ искать вѣсти о сынѣ, отецъ не спрашиваетъ вѣстей у того, который повидимому знакомъ съ нимъ. И къ этому слову писатель привязываетъ слѣдующій разсказъ:

«Отецъ и мать вмѣстѣ съ обрученной приходили часто и сидѣли и разговаривали съ нимъ, не зная, что онъ имъ такъ близко доводится. Часто они были разстроены чувствомъ въ его присутствіи. Особенно же часто посѣщала его обрученная и заботилась о немъ, потому что онъ упомянулъ, какъ сказано прежде, объ ея обрученномъ, изъ любви къ которому онъ просилъ, чтобы и его приняли, кормили и позволили тутъ остаться. Всякій разъ возбуждало въ ней сердечное волненіе и было частымъ поводомъ къ разговору то въ особенности, что онъ не отпирался, что видѣлъ Алексія, что вмѣстѣ и заодно съ нимъ странствовалъ и ходилъ и одну съ нимъ получалъ милостыню. Ибо утверждалъ, что самъ онъ по имени не Алексіемъ зовется, а Богомъ даннымъ. И такъ обрученная говорила: «Какого вида былъ тотъ, съ кѣмъ прошелъ ты изъ Пизы въ Лукку?» «Былъ, отвѣчалъ онъ, головою курчавый какъ я, съ свѣжимъ голосомъ, съ волосами похожими на ленъ, по росту похожъ на меня, покрытый грубой одеждой и власницей по голому тѣлу. Посохъ и суму свои далъ мнѣ, и вотъ они здѣсь». «Какимъ образомъ, говоритъ, работалъ онъ? Не видалъ ли ты какъ-нибудь перемѣны въ немъ отъ непривычной жизни?» «Трудомъ и болѣзнію измѣненъ былъ, сталъ не похожъ на себя самого лицомъ и цвѣтомъ и всѣмъ тѣломъ». «Что? Какимъ именемъ назывался?» «Алексіемъ», говоритъ. «И про насъ, говоритъ, случилось ему когда упоминать». «Частенько», говоритъ. «Вѣдь до того сталъ онъ близкимъ мнѣ, что ничего бывало не скрывалъ отъ меня про себя, какъ бѣжалъ съ твоего одобренія». «Не думалъ ли о плачѣ отца и матери, о моихъ вздохахъ?» «Обо всемъ говорилъ, и утверждалъ, что это именно тяжелое изгнанія его сердцу. Однако говорилъ, что для Бога, для совершеннаго испытанія себя и для достиженія сокровища божественнаго воздаянія онъ хочетъ все терпѣливо перенести и до конца остаться скрытымъ». «Въ этихъ и въ подобнаго рода сочиненіяхъ проходило все время; госпожа почти никогда не отходила отъ нищаго. Одинъ былъ онъ изъ всѣхъ, кто бы свидѣтельствовалъ, что видѣлъ ея обрученнаго или слышалъ положительно про лицо Алексія съ того времени какъ онъ въ первую ночь ушелъ отъ нея, какъ выше сказано. Что дальше? Во всякій день госпожа ничего другаго не дѣлала, какъ только сидѣла и разговаривала съ обрученнымъ, котораго не знала, (какъ только) плакала и жаловалась. Онъ же однако не былъ тронутъ; крѣпкій въ Богѣ и утвержденный на томъ, что для насъ неподвижный камень, онъ мужественно боролся съ вѣкомъ. Сильное испытаніе, изумительная побѣда! Легче бы онъ протянулъ голову убійцѣ; легче бы было ему, чтобы, подвѣсивъ его, палачъ, терзалъ ему, ногтями и огнемъ, обнаженные бока. Онъ видѣлъ царскіе пиры, императорскія блюда, которыя ежедневно готовились къ столу отца, и, единственный наследникъ въ собственномъ домѣ, безъ всякой нужды молчалъ и нуждался, и Бога ради не желалъ быть узна-

нымъ своимъ, которыхъ всѣхъ узнавалъ. Одно только оставалось ему утѣшеніе — вѣрность обрученной и привязанность ея къ нему. Еслибъ этого не было, вѣрно разорвалось бы желѣзное сердце» (Масс. 162—163).

Достойнымъ и естественнымъ заключеніемъ этого эпизода, въ которомъ такъ нѣжно и трогательно высказалась привязанность женщины, служить ея прославленіе Богомъ. Ей одной, чья жизнь, сердце и слезы принесены были въ жертву ради спасенія души ея мужа, ей одной удѣлена честь получить изъ руки его хартію, которой не могли взять ни отецъ, ни колѣнопреклоненные императоры, ни самъ папа, облеченный апостольскимъ саномъ. Думаетъ она про себя: «можетъ быть», говорятъ, «записать онъ на память для меня что нибудь о сладчайшемъ мужѣ моемъ, чтобъ узнать мнѣ по смерти его, и знать мнѣ одной; подойду и посмотрю, не удостоюсь ли получить рукописаніе». И какъ она подошла, бездыханный трупъ, открывъ руку, протянулъ ей хартію (164).

По этой чертѣ—кому дается завѣщаніе изъ рукъ покойника—предлагаетъ Массманъ распредѣлить всѣ редакціи на три категоріи, распредѣленіе основательное для редакцій бывшихъ у него подъ руками. Мы видѣли Византійскія редакціи, несущественно различающіяся между собой, и сокращенный сводъ изъ нихъ напечатанный по-латынѣ у Сурія: не данное отцу рукописаніе дается императору—черта византійская (*). Въ принятой Болландистами канонической редакціи Римской церкви — одинъ папа достоинъ коснуться завѣщанія блаженнаго. Въ той и другой сферѣ подчиненіе семейнаго начала власти или свѣтской или духовной. Наконецъ западная же, но не церковная, не ультрамонтанская редакція, а какое-то преданіе, выросшее отъ того же сѣмени на почвѣ ближайшей къ народу, присуждаетъ знакъ милости Божіей не сану, не посвященію—а полному любви самоотверженію. Припомнимъ, что та же редакція протестуетъ противъ аскетическаго созерцанія, обращая къ работѣ и работѣ руками Бога ради бѣжавшаго изъ отцовскихъ чертоговъ.

Какъ въ корню всякаго человѣческаго дѣйствія нѣсколько весьма разнообразныхъ побужденій,—такъ и въ этомъ писаніи соединились весьма разнообразныя направленія и условія; но при наивности и недостаткѣ таланта писателя не слились, а стоятъ рядомъ, несмотря на внутреннее противорѣчіе. Писатель челоѣкъ запада, челоѣкъ новаго племени; но онъ духовное лицо и монахъ, и живетъ въ Римѣ. Преданія славной и дорогой старины вѣчнаго города озарили писанное имъ вступленіе; монашеская ряса покроетъ конецъ и ей обязаны мы странной вставкой, дышущей колѣсными интересами и которая вѣроятно нечто иное, какъ преданіе о происхожденіи монастыря святыхъ Вонифантія и Алексія, построеннаго при древней церкви св. Вонифантія, гдѣ, какъ мы видѣли, похороненъ былъ челоѣкъ Божій. Въ завѣщаніи своемъ Алексій въ концѣ прибавляетъ, «чтобы отецъ и мать слѣдующее ему наслѣдство, отъ котораго онъ отказался Бога ради (*qua pro Deo ipse caruis-*

(*) При чемъ у Сурія un pont aux ânes; императоръ и папа вѣстѣ получаютъ хартію.

set), сподна отдали Богу на спасеніе ихъ душъ и на вѣчное поминованіе имени его въ будущемъ». «Когда они это по желанію его исполнили, монастырь выстроенъ былъ имъ въ Римѣ, гдѣ и самъ блаженный Алексій съ обрученною, и почтенный герой отецъ его вмѣстѣ съ матерью похороненные, ожидаютъ дня будущаго воскресенія.» (163). Далѣе говорится, «что похоронивъ его въ мраморномъ гробѣ въ церкви блаженнаго Вонифантія мученика, отецъ и мать и обрученная блаженнаго мужа немедленно передали всѣ свои имущества и гдѣ увеличивъ церковь учредили они монастырь и построили кругомъ зданія и жилища для монаховъ» (165).

Тутъ могло примѣшаться желаніе наставить читателей на дѣла добрыя, дать имъ благое поученіе, удовлетворяющее разомъ двумъ цѣлямъ, и духовной и мірской, такъ чтобъ и овцы спасены были и волки насытились; но была и связь между этимъ эпизодомъ и преданіями небольшой братіи, существовавшей въ послѣдствіи въ стѣнахъ помянутаго монастыря; въ томъ удостовѣряетъ насъ послѣдняя прибавка нашего писателя, которую также представляемъ въ переводѣ и которая имѣетъ такой же мѣстный колоритъ, служа въ то же время къ прославленію вѣрной жены — любимой темъ нашего писателя:

«Черезъ два года отецъ блаженнаго Алексія, старикъ Евфиміанъ умеръ отягченный днями, и похороненъ съ боку гробницы, сопровождаемъ былъ въ вѣчномъ блаженникѣ въ короткомъ времени матерью блаженнаго мужа, погребенною съ другой стороны. Послѣдняя послѣ всѣхъ скончавшаяся обрученная просила передъ смертію, чтобъ положили ее вмѣстѣ съ обрученнымъ, что и было сдѣлано. Итакъ, по открытіи гробницы, бѣлѣе снѣга найдены были кости блаженнаго мужа, которыя немедленно, диво сказать! подались въ сторону въ гробницѣ, чтобъ было мѣсто положить блаженное тѣло. Руку же положилъ поперекъ, чтобы для любимой обрученной подъ головою была какъ будто обнимающая ее рука. Что видя, множество мужей и женщинъ хвалило и славilo Бога, всѣмъ благословляемаго, который одинъ творить чудеса. Аминь.» (Масс. 165—166).

Отъ редакцій на древнихъ языкахъ перейдемъ прямо къ церковно-славянской, вошедшей въ наши четін-минеи мѣсяца марта въ 17 день, житіе преподобнаго Алексія человека Божія. Несмотря на естественное ожиданіе найти наибольшее сходство съ греческимъ подлинникомъ, не смотря даже на заглавіе: «отъ метафраста и великія минеи четін сокращеніи», находимъ почти подстрочный переводъ изъ сокращенія, сдѣланнаго изъ двухъ извѣстныхъ уже намъ греческихъ редакцій Лаврентіемъ Суріемъ, т. е. переводъ съ латинскаго. Есть, правда, нѣкоторыя мелкія вставки прямо изъ безымянной греческой редакціи и одна изъ метафрастова житія, но онѣ такъ ничтожны и по объему и по значенію, что легко предположить, что когда житіе переводилось на славянскій языкъ, т. е. очень давно, въ рукописи, служившей переводчику, находились эти отличія отъ рукописи, по которой Лаврентій

Сурій напечатавъ житіе въ своемъ сборникѣ. Важнѣе гораздо, даже по объему, слѣдующія вставки въ славянское житіе изъ редакцій, принадлежащихъ латинскому міру: изъ редакціи Болландистовъ объ обращеніи Евфиміана, ищущаго у себя блаженнаго, къ старѣйшему слугѣ, (') начальнику дружины его; изъ Мюнхенской латинской какъ Алексій изъ колыи своей видитъ жену и мать плачущими по немъ; — наконецъ изъ германскихъ стиховъ—какъ папа, видя усердіе народа къ мощамъ блаженнаго и неудачное распоряженіе императора съ метаніемъ денегъ, обѣщаетъ народу оставить мощи въ церкви для поклоненія имъ сколько народу угодно будетъ. Какъ все это, такъ и названіе папы вмѣсто архіепископа Римскаго показываетъ въ писавшемъ это житіе для четвѣт миней гораздо большее знакомство съ западною, чѣмъ съ восточною литературою житія,—и уменьшаетъ значеніе церковно-славянской редакціи для нашего изслѣдованія.

Изъ 12 списковъ, всѣ XIV и XV вѣка, собралъ Массманъ 8 германскихъ (mittelhochdeutsch) редакцій духовнаго стиха или, пожалуй, рѣмованной легенды объ Алексіѣ челоувѣкѣ Божіимъ. Къ нимъ прибавилъ онъ житіе, напечатанное въ 1488 г. въ Аугсбургѣ Антономъ Кобургеромъ въ собраніи житій святыхъ, проповѣдь въ честь Алексія XIV вѣка гр. Фрицлара и легенду изъ Падерборна. Древность различныхъ сказаній этихъ опредѣлить трудно, кромѣ трехъ, которыя не записаны съ устныхъ пѣсенъ, а сочинены прямо извѣстными намъ писателями Конрадомъ Вюрцбургскимъ, Іергомъ Брейнингомъ и Іергомъ Цобелемъ, всѣ XV вѣка. Массманъ, не приводя впрочемъ своихъ основаній, считаетъ редакцію Гретцкой и Пражской рукописей самой древней. Относительная древность ихъ для насъ второстепенный вопросъ. Весьма вѣроятно, что, кромѣ трехъ указанныхъ, остальные—писателей намъ неизвѣстныхъ—составлены первоначально въ XII вѣкѣ, когда распространилось въ Германіи почитаніе блаженнаго Алексія.

По характеру же и по содержанію можно раздѣлить всѣ эти стихи (и прозаическіе тоже, кромѣ Падерборнской легенды, перешедшей въ дѣтскую сказку) на двѣ группы. Одни придерживаются исключительно разказа, вошедшаго въ текстъ Болландистовъ, другіе мюнхенской латинской редакціи. Между ними стоитъ эклектическая редакція Вѣнскаго списка XV вѣка (у Масс. подъ лит. В). Последніе въ меньшинствѣ: Гретцко-Пражская редакція (напечатанная у Массмана подъ лит. А.), Аугсбургское житіе (у Массмана 180) и почти выписанный изъ него стихъ Іерга Брейнинга 1488 г. (у Массмана 147). Такимъ образомъ древнѣйшая и позднѣйшая по нѣмецки форма житія совпали—доказательство, по мнѣнію Массмана, тому, что этотъ видъ житія

(') Этого лица вовсе нѣтъ въ греческихъ житіяхъ, но въ славянскомъ и противъ, латинскаго прибавлено, что слуга очень плохо отзывался о своей дружинѣ, забывъ поговорку, что каковъ попъ, таковъ и приходъ; духовному писателю надо было поборанить военный и придворный людъ.

коренился во взглядах и чувствах Германского племени и, разъ явившись, пережилъ прочіе рассказы, вторгавшіеся изъ латинскаго и церковнаго міра. Съ противоположностью, выводимою ученымъ издателемъ между каноническимъ и народнымъ рассказами, можно согласиться, какъ и съ предпочтеніемъ, въ поэтическомъ отношеніи отдаваемымъ имъ послѣднему. Но нельзя, на этомъ основаніи, признать его древнѣйшимъ. Напротивъ, житіе Алексія принадлежитъ къ кругу Римскихъ легендъ и первоначально облеклось въ образы, соотвѣтствующіе тому міру, который вертѣлся вокругъ папства и имперіи. Такимъ предстало оно міру Германскому, и если въ семь послѣднемъ выросло сказаніе другое, въ немъ можно видѣть развѣ только отвѣтъ на римское житіе; оно этимъ не теряетъ своей самобытности, заключающейся не въ созданіи новаго факта, а въ отрицаніи чуждаго взгляда.

На этихъ двухъ группахъ ярко отразилась обыкновенная судьба произведеній, изустно передаваемыхъ и переписываемыхъ. Та, которая передавала чувства и понятія народа, осталась вѣрной себѣ. Та же, которая списывалась съ чужаго подлинника, произвольно измѣнялась и искажалась до невѣроятія. Въ этихъ передѣлкахъ всегда проглядываетъ желаніе поправить текстъ, придать рассказу болѣе замѣчательности, явленію болѣе чудесности, чувству болѣе нѣжности. Но поправки эти всегда медвѣжья услуга. Такъ индѣ дополняя картину чудесъ, происходящихъ при ракъ блаженнаго и описывая распространившееся изъ нея благовоніе, писатель наивно утверждаетъ, что было такъ пріятно кругомъ, такъ пріятно какъ будто въ аптекѣ (Масс. редак. С стр. 440). Тотъ же самый поэтъ подробно описываетъ занятія матери и жены Алексія, какъ та гуляла окруженная фрейлинами, какъ эта, въ потѣшеніе что-ли свекрови, каждый день съ пѣньемъ и смѣхомъ прыгала по двору и по лѣстницѣ (Масс. редак. С стр. 187 и пр.). — Одинъ изъ поэтовъ въ торжественную минуту первой брачной ночи совершенно укладываетъ невѣсту въ постель (редак. F 506 и пр.) — Бросаемые императоромъ при перенесеніи святаго деньга, по мнѣнію практическаго нѣмца, слишкомъ добродѣтельная вещь, чтобы пренебречь ею, и точно, по его рассказу, народъ бросается на нихъ, очищая такимъ образомъ мѣсто церковному шествію (редак. F 1461). Недостаточно другому пѣнту всѣхъ чудесъ, окружающихъ кончину блаженнаго, и онъ присочиняетъ новое, какъ Ангелъ Божій, съ небеси нисшедъ, пишетъ завѣщаніе Алексію, который такимъ образомъ чуть не попадаетъ въ малограмотные; но за то торжественный голосъ не раздастся изъ церковнаго алтари про человѣка Божія; звонятъ только колокола по городу и неразумное дитя объясняетъ людямъ, что-молъ вѣрно свитой скончался, коли самъ Господь Богъ началъ благовѣстить (ред. В. 324—352). По рассказу подлинника икона Пресвятой Богородицы приказываетъ церковному сторожу ввести въ храмъ Алексія, лежащаго на паперти; тутъ было намѣреніе и прославить его передъ людьми, и испытать его смѣреніе. Въ русскихъ редакціяхъ этому эпизоду дано еще высшее значеніе; въ германскихъ передѣлкахъ онъ опошленъ. Природа перемѣнилась; мы на дальнемъ сѣверѣ; сердце пишущаго житіе сжимается при одной мысли, какъ холодно бѣдному сыну вельможи

на каменных ступеняхъ, осыпанныхъ снѣгомъ въ бурную зимнюю ночь. И вотъ звоняря останавливаетъ голосъ иконы: «встань-ка, лѣтя; отогри челоуѣку, что тамъ на паперти,пусти его, не то замерзнетъ.» (В. 204 и пр.). Хотѣлось вѣрно наниче умилиа своихъ слушателей такой нѣжной заботливостью Бога о благоугодившихъ Ему.

Не станемъ разбиратъ этихъ длинныхъ легендъ, заходящихъ иной разъ за полторы тысячи строкъ. Скажемъ нѣсколько словъ о другой группѣ болѣе самородныхъ стиховъ и въ особенности о болѣе старинной и подробной редакціи Гретцко-Пражской. Новаго въ ней противъ Мюнхенской латинской редакціи (Масс. А.) только немногія черты изъ нѣмецкаго феодальнаго быта, напр. военное воспитаніе Алексія послѣ книжнаго, пребываніе его при императорскомъ дворѣ, и распорядокъ брачнаго торжества. Если эти черты выхвачены изъ жизни, но при томъ изъ жизни аристократическаго общества, за то безпрестанныя ссылки (въ разсказѣ и разговорахъ) на тексты и книги священнаго писанія показываютъ неопровержимо въ писателѣ духовное лице и желаніе щегольнуть своею начитанностью. Не смотря на то, онъ вѣрно передалъ протестъ своего племени и времени противъ аскетическаго направленія житія и болѣе своего латинскаго подлинника смягчилъ сторону оскорбительную для семейнаго чувства.

Алексій проситъ милостыни, но, какъ Нидерландскіе братья Алексіане, полученную милостыню раздаетъ другимъ; для себя онъ работаетъ руками и отъ непривычной работы худѣетъ и измѣняется такъ, что его узнать нельзя (нѣм. редак. А. стр. 317—324, 441—445). Возвращеніе его въ Римъ и жизнь въ семействѣ представляется разумѣется новымъ испытаніемъ для него, но уже утѣшеніемъ для матери и особенно для жены. Она не отходитъ отъ него цѣлый день, они вмѣстѣ читають священныя книги (¹) и ведутъ благочестивые разговоры, отъ которыхъ у нихъ легче становится на сердцѣ; онъ говоритъ ей про мужа, котораго безъ всякихъ похвалъ описываетъ просто своимъ товарищемъ по нищенству, говоритъ какъ онъ жалѣлъ о семьѣ, показываетъ сумку и палку—его подарки. И послѣ этихъ ежеднев-

(¹) За вѣрность этого перевода не ручаюсь. У Массиана напечатано:

Vil manegen passjon er ir las
Von ir friedel, den er nande.
Er jach, dērn wol er kande,
Er hietz almosen mit im genommen.

(ред. А. стр. 616—619).

Массианъ переводитъ, что онъ разсказывалъ ей кое что про ея любимаго жениха (er erzählte manches von ihrem geliebten). Но las—lesen скорее значить читать, чѣмъ разговаривать; passjon же по старогерманскому словарю В. Вакернагеля означаетъ только страсти Спасителя, ихъ описаніе и представленіе, а не страданіе всякаго. Потому (при множествѣ опечатокъ въ изданіи Массиана) ставимъ точку послѣ las: онъ читалъ ей кое что изъ Описанія Страстей Господнихъ. Слѣдующій стихъ: von ir friedel, den er nande поставимъ въ зависимости отъ er jach (sprach): о любимомъ же ея (женѣ) называя его говорилъ, что хорошо его зналъ и съ нимъ вмѣстѣ собиралъ милостыню.

ных бесѣдъ съ нимъ, гдѣ почерпала она силу утѣшенія, жена въ правѣ сказать надъ его прахомъ, что всѣ ея радости теперь прошли, что съ этого дня стала она вдовой.

Другая народность, также принявъ житіе отъ Латинской церкви, но менѣе сроднившись съ нимъ, оставила намъ памятникъ достойный замѣчанія: то новую французскую обработку этого житія въ 125 пятистрочныхъ строфахъ ⁽¹⁾. Въ рукописи XII вѣка, принадлежавшей прежде Ламбрингенскому монастырю Англійскихъ бенедиктинцевъ (закрытому въ 1643 году) близъ Гильдесгейма, а теперь находящейся въ гильдесгеймской церкви Готгарда, вслѣдъ за календаремъ и картинками изъ библейской исторіи, помѣщена картинка, представляющая ночное прощаніе Алексія съ обрученной его и къ этому рисунку приложено помянутое житіе; далѣе въ рукописи только молитвы.

Писавшему этотъ стихъ (человѣку съ большимъ талантомъ) не знакома была латинская редакція Мюнхенской бібліотеки; онъ писалъ по тѣмъ же точно сказаніямъ, которыя вошли въ составъ редакціи Болландистовъ. Мѣстный элементъ современнаго феодальнаго устройства оставилъ свою печать на подробностяхъ, какъ на всѣхъ средневѣковыхъ литературныхъ передѣлкахъ; но опять народныя черты взяты лишь изъ высшихъ слоевъ общества, чтобъ не уронить достоинства разсказа. Измѣнена существенно только та черта въ сказаніи, что Алексій заранѣе приготовляетъ свое бѣгство, отплываетъ ночью изъ Рима на ожидавшемъ его кораблѣ, взявъ съ собой сокровища на дорогу, и только въ Эдессѣ, на чужой сторонѣ, облекается въ нищенское платье, раздавъ привезенное имущество нищимъ. Но весь разсказъ проникнутъ такой теплотой, разговоры такъ просты и естественны, такъ тщательно выкинута вся риторика подлинниковъ и такъ много сожалѣнія выражено къ родителямъ при болѣе умѣренномъ почитаніи блаженнаго, что читаешь этотъ стихъ съ увлеченіемъ, котораго доселѣ не чувствовалось. Самъ Алексій, обращаясь къ своему слугѣ, называетъ его *bel frère*. Ему и до совершенія обряда не хотѣлось бы вступать въ бракъ, но онъ не смѣетъ разсердить отца отказомъ (какъ увидимъ и въ русскихъ стихахъ), думаетъ про себя какъ бы сохранить свою чистоту, и видя наконецъ свадьбу совершенною въ торопяхъ противъ своего желанія, рѣшается бѣжать; эта борьба нѣсколько миритъ насъ съ нимъ. Торжество этого стиха въ чувствахъ родителей. Какъ горюетъ невѣста? Всклипывая, не называетъ она мужа *Spiegelglasz'omъ* — очей своихъ, а бросается къ свекрови: «сколько потеряла я!

⁽¹⁾ Напечатана въ *Zeitschrift für deutsche Alterthümer* von Moritz Haupt, за 1845 годъ, V томъ, стр. 288.

Есть и драматическая обработка этого житія по французски и провансальская поэма о св. Алексіѣ. Намъ не удалось познакомиться съ ними. Заглавіе первой сообщено въ Monmarqui et Michel, Théâtre français au moyen âge. Paris, 1839, page 609. (Масс. 39). Изъ второй помѣщенъ только отрывокъ въ *Lexique Roman de Raynouard* (1844, vol. I, page 575) о пребываніи Алексія нищимъ въ отцовскомъ домѣ.

быть мнѣ одной какъ горлицѣ, пока не найду опять твоего сына.» «Оставляю тебя при себѣ, отвѣчаетъ мать, радъ Алексіа; отъ твоего горя не выздоровѣть тебѣ, по крайней мѣрѣ будемъ вмѣстѣ горевать, ты объ супругѣ, я объ сынѣ своемъ.»

Узнавъ мертвого сына, родители горько плачутъ — но не о себѣ; отецъ упрекаетъ сына, что онъ видѣлъ страданія и слезы матери и не утеръ ихъ; но припоминая и страданія сына, молится, чтобъ ему найти на небесахъ награду, которой искалъ. Мать себя упрекаетъ, что она не узнала его когда онъ въ ея домѣ терпѣлъ и болѣлъ, и зовутъ весь Римъ плакать съ нею, потому что ея горе и ея слезъ мало на такое несчастье.

Въ этихъ чертахъ, полныхъ живой семейной любви, виденъ писатель не далеко стоявшій отъ жизни. Тяжело было ему кончить повѣсть свою не утѣшивъ родителей, и — сказавъ коротко о чудесныхъ исцѣленіяхъ отъ мучицъ — онъ переходитъ къ встрѣчѣ Алексія съ родителями и съ женой на небѣ и къ блаженству, которымъ и они вознаграждены были, — и заключаетъ короткой молитвой, чтобы, заступничествомъ Алексія, Господь даровалъ людямъ миръ на землѣ и славу за гробомъ.

Передъ нами десять русскихъ редакцій стиха объ Алексіѣ Божіемъ чело-вѣкѣ, напечатанныя у Безсонова или сполна или въ примѣчаніяхъ, и обозначенныя у него №№ 28 по 35; собраны онѣ имъ: двѣ изъ рукописей, двѣ перепечатаны изъ сборниковъ Кирѣевского и Варенцова, остальные изъ Владимірской, Олопецкой, Смоленской и Полтавской губерній.

Стихъ № 28-й, записанный со словъ Оомы во Владимірской губерніи (всего 25 строкъ), и неполонъ — только по обрученію Алексія; нѣкоторые пѣсенные приемы — частыя повторенія тѣхъ же стиховъ, сказочное описаніе развитія Алексія (не по годамъ, а по часочкамъ), отсутствіе славянизмовъ — давали бы можетъ быть большую цѣну этому стиху еслибъ онъ былъ у насъ въполнѣ; какъ есть, онъ не имѣетъ значенія; проскользнувшее же слово «дозволялъ ему батюшка жениться» даетъ право сомнѣваться, чтобы самъ пѣвецъ понималъ значеніе сказанія.

№ 29-й перепечатанъ изъ сборника Кирѣевского, но съ нѣкоторыми измѣненіями; какъ они ни мелочны, они доказываютъ, что у Безсонова былъ другой еще источникъ для этого стиха; жаль, что никто изъ издателей не указалъ на мѣсто записки и на лицо, отъ котораго полученъ онъ, потому что этотъ чуть ли не важѣйшій стихъ, и самый подробный и простран-ный; въ немъ 469 строкъ (у Кир. 464 стр.). Ни одно существенное обстоятельство житія въ немъ не пропущено; изъ второстепенныхъ недостаетъ трехъ эпизодовъ: кончины жены Алексіевой, подаваніе нищимъ въ отческихъ палатахъ и небесный отвѣтъ на молитвы бездѣтныхъ родителей. Чѣмъ полнѣе этотъ стихъ, тѣмъ ближе онъ и по своему слогу къ источникамъ — къ книгамъ; тѣмъ болѣе славянскихъ оборотовъ и церковныхъ взглядовъ. Въ немъ одномъ изъ русскихъ стиховъ сохранились извѣстныя черты гречес-

каго подлинника: обученіе Алексія божественному рукописанію и евангельскому толкованію (42, 43); злоба демона при видѣ его смиреннаго житія въ отцовскомъ домѣ среди искушеній богатства, ему принадлежавшаго, выражена слѣдующимъ испорченнымъ, но книжнымъ языкомъ:

Дейнопъ врагъ возненавидѣвалъ
Зубами злыми воскремѣташе (306,7).

Измѣненіе въ лицѣ Алексія отъ поста и молитвы, описанное такъ:

Красота въ лицѣ его потребишася.
Очи его погубишася,
А зрѣніе попрачашася (167—9),

замѣнено по другимъ стихамъ созданными ему Богомъ власами по плечи, бородой по груди; наконецъ послѣднее видимъ смутное воспоминаніе о папѣ въ этомъ архіереѣ идущемъ къ обѣднѣ, окруженномъ христіанами, попами и патріархами (343). Между тѣмъ въ этотъ же стихъ вошли тѣ немногія существенныя измѣненія, которыя русскій народъ внесъ отъ себя въ житіе. Очевидно, что стихъ этотъ прожилъ на Руси всю эпоху развитія преданій о блаженномъ Алексіѣ и отразилъ на себѣ всѣ ихъ видоизмѣненія.

№ 30-й отысканъ въ Румянцовскомъ Музеумѣ, отличается краткостью слога, мѣткостью и народностью выраженій и картинъ; русскія вставки въ стихъ выдаются необыкновенно рельефно и болѣе чѣмъ въ другихъ вариантахъ выражаютъ народное чувство. Жаль, что, при краткости всего стиха, пропущены многія обстоятельства, а о другихъ только упомянуто вскользь. Жаль также небрежнаго изданія этого стиха и въ одномъ изъ важнѣйшихъ мѣстъ; смыслъ ясно указываетъ, что послѣ 84-й строки надо читать 106—127, потомъ 85—105, наконецъ 129 и далѣе (128 стр. пропустить). Мы подлинника не видали, но если (какъ вѣроятно) и въ немъ также ошибка въ расположеніи, то она такъ очевидна, что ее непременно слѣдовало исправить, и почтеніе къ подлиннику могло ограничиться развѣ примѣчаніемъ о сдѣланномъ измѣненіи.

№ 31-й, изъ рукописи Публичной Библіотеки, неизвѣстно какого времени: самый безцвѣтный и сжатый (78 стр.). Хотя обнимаетъ онъ всю жизнь святаго, но важнѣйшія обстоятельства пропущены: нѣтъ чудесъ въ Эдессѣ, поворотнаго пункта житія, ни событій въ Римѣ при смерти блаженнаго. У написавшаго стихъ не хватило памяти; поэтому затерялся характеръ житія, но сохранилась народность въ чисто-русскомъ разсказѣ.

№ 32-й записанъ въ Смоленской губерніи на Бѣлорусскомъ нарѣчій (325 строкъ); къ этому стиху приведены у Безсонова разнорѣчія изъ стиха бѣлорускаго же, напечатаннаго у Варенцова въ Сборникѣ духовныхъ стиховъ, безъ указанія источника, ни мѣста записанія (276 строкъ). Разница между этими двумя вариантами больше въ отдѣльныхъ выраженіяхъ; нить разсказа и самыя картины однѣ и тѣже, такъ что можно разсматривать оба стиха за

однихъ. — Бѣлорусскіе стихи вообще отличаются большою наивностью, перетягиваньемъ предмета въ свой собственный кругъ, примѣсью ежедневной своей жизни къ разсказу. Грустна эта жизнь, и грустное впечатлѣніе оставляютъ стихи, которымъ самое дзяканье придаетъ что-то дѣтскаго, безсмыслнаго, угнетеннаго. Болѣе русскаго человѣка дорожить Бѣлорусъ въ своихъ стихахъ обрядностью въ дѣлѣ вѣры, потому что отрицаніе или принятіе этихъ обрядовъ человѣкомъ сильнымъ и богатымъ для него знакъ братства или народной вражды. Болѣе русскаго вообще привязывается онъ къ матеріальному, потому что вѣка угнетенія и презрѣнія убили въ немъ богатырскую русскую мочь, удалое стремленіе вдаль, къ лучшему. За нищетой тѣлесной послѣдовала дѣйствительно духовная нищета, нищета страшная, съ одной вѣрой въ утѣшеніе и съ одной, первой просьбой о хлѣбѣ насущномъ. Умилительно выражается въ Бѣлорусскихъ стихахъ нѣжная, сострадательная сторона; рѣзко выступаютъ отношенія сильнаго къ слабому.

№№ 33 и 34-я доставлены Рыбниковымъ, первый изъ Пудожскаго уѣзда Олонецкой губерніи, второй изъ Остречепскаго погоста, вѣроятно той же губерніи. Первый нѣсколько пространнѣе (328 строкъ, во второмъ 261 строка), но они вообще весьма схожи между собой; отличаются слогомъ народнымъ, подробнымъ описаніемъ отношеній между рабами и Алексіемъ, изобиліемъ прямыхъ разговоровъ. Къ № 33-му приложенъ Безсоновымъ отрывокъ изъ невѣжественнаго варианта, весьма любопытный какъ образецъ перехода священнаго преданія въ баснословную сказку.

№ 35-я, южно-русскій стихъ изъ сборника южно-русскихъ пѣсень Метлинскаго, напечатанный оттуда и въ Сборникъ Духовный Варепцова. Это вирши рифмованныя, но весьма популярно написанныя; тѣмъ интереснѣе составъ ихъ: изъ четырехъ строфъ одна посвящена жизни Алексія; другія три поочередному плачу надъ нимъ отца, матери, жены, такъ что стихъ—вмѣсто житія—сталъ плачемъ семьи надъ потеряннымъ сыномъ. Семейное горе—одно поразило южно-русскаго человѣка во всемъ житіи.

№№ 36 и 174-я (3-я выпускъ Безсонова) представляютъ одинъ сербскій стихъ объ Алексѣ, сообщенный Маркомъ Вуковичемъ. Довольно длинный (279 стр.) и живописный стихъ этотъ дышетъ близостью Италіи; въ основаніе его легли латинскія житія Сурія и Болландистовъ съ ихъ германскою школой. Народное германское преданіе мюнхенской рукописи осталось неизвѣстнымъ Сербіи. Держась нѣсколько византийскаго или вѣрнѣе православнаго греческаго міра, сербскій стихъ старается удержать достоинство императора наравнѣ съ папскимъ. Надо замѣтить сходство съ церковно-славянскимъ житіемъ въ обѣщаніи императора выставить мощи семь дней для поклоненія православныхъ. Наконецъ нельзя не сказать о пріятной встрѣчѣ—чего не найдешь и въ русскихъ стихахъ—о прибавкѣ къ замѣщанію блаженнаго, гдѣ онъ проситъ родителей простить ему огорчившій ихъ подвигъ.

Которое изъ извѣстныхъ намъ преданій о житіи Алексія, которая изъ приведенныхъ иностранныхъ редакцій легла въ основаніе русскихъ стиховъ,—

и къ которому изъ указанныхъ древнихъ или германскихъ цикловъ надо отнести наши стихи — вотъ вопросы, требующіе теперь разрѣшенія.

Безыменное греческое житіе (Масс. 201) ближе всѣхъ прочихъ къ русскимъ стихамъ. Въ нихъ послѣднихъ не встрѣчаемъ мы изъ Метафрастова текста ни совѣщанія между родителями Алексія о женитьбѣ его, ни заискивающей рѣчи возвращающагося сына къ отцу о его благотворительности, ни небеснаго повелѣнія испрашивать заступничества и молитвъ почившаго угодника, ни упрековъ императору Евфиміану въ утаеніи челоуѣка Божія, сопровождаемыхъ увѣренностью въ вѣрнопопданническихъ чувствахъ вельможи, ни всей напыщенной риторики Метафраста;—изъ текста Болландистовъ нѣтъ подробнаго описанія богатства и дѣлъ милосердія Евфиміановыхъ, ни завертыванія Алексіемъ перстня и пояса въ алое покрывало, ни чудотворной иконы Спаса, ни заботливости Евфиміана убрать свои палаты для торжественнаго приема владыкъ духовнаго и свѣтскаго, ни въ особенности объѣта цѣломудрія родителей Алексія. Хотя нѣтъ въ русскихъ стихахъ и нѣкоторыхъ изъ картинъ безыменнаго греческаго житія — трапезы, уговаемой нищимъ, желанія отца самому искать сына, разсказа слуги матери про подвиги странника, колебанія родителей между горестью по смерти сына и радостью о его прославленіи,—но нѣкоторыя отличительныя черты онаго повторяются по всѣмъ русскимъ стихамъ, напр. отвращеніе Алексія отъ яствъ на свадебномъ пиру, даръ пояса и перстня (незавернутыхъ) невѣстѣ, просьба отцу во имя пропавшаго сына. Изъ прочихъ же редакцій находимъ въ русскихъ лишь тѣ черты, которыя встрѣчаются въ этой греческой. Это преимущественно относится къ Суріевскому тексту, которому слѣдуютъ наши Четіи-Минеи; изъ него только одна черта перешла во всѣ стихи наши, прощальное слово Алексія женѣ: да будетъ между нами Духъ Святый, переводъ Суріевскаго и Болландистскаго: *Deus sit inter nos*. Согласно тексту Болландистовъ, въ трехъ стихахъ одинъ патріархъ, т.-е. духовный владыка получаетъ грамоту изъ рукъ покойнаго. Другихъ слѣдовъ нѣтъ знакомству нашихъ стиховъ съ латинскимъ житіемъ, и даже какъ будто стихи наши не знаютъ церковно-славянскаго житія изъ Четіи-Миней; не заимствовано изъ нихъ ни обращенія Евфиміана къ старшему слугѣ своему послѣ небеснаго голоса, ни плача жены и матери по умершемъ ночью Алексіѣ, ни обѣщанія папы выставить мощи для народа, — и ни въ одномъ стихѣ нѣтъ принятаго церковнымъ житіемъ варианта отдачи Алексіева завѣщанія царю и папѣ вмѣстѣ.

Наконецъ съ чисто германскими стихами, основанными на мюнхенскомъ латинскомъ спискѣ, есть двѣ сходныя черты: замѣна молитвъ дома молитвой въ церкви,—молебнами, что впрочемъ вполне въ духѣ нашего народа, — и замѣна небеснаго голоса колокольнымъ звономъ. Эта черта впрочемъ только въ однихъ Бѣлорусскихъ стихахъ, объясняемая и близостью къ границѣ и вообще матеріальнымъ и обрядовымъ направленіемъ ихъ.

Но почерпнувъ свои свѣдѣнія въ греческомъ преданіи, русскіе стихи составляютъ однако свой особенный циклъ, и глубже другихъ проникнуты

своей сообразностью. Мы видѣли какъ византійское преданіе — предоставившее первенство императорамъ — смягчилось до равенства императора съ римскимъ архіепископомъ, и въ такомъ видѣ вошло въ редакцію Сурія и въ наши Четив-Минен; какъ римско-католическое преданіе сохранило и перенесло во французскій и сербскій стихъ первенство папы; какъ германское начало стерло первенство властей, отдавъ хартію усопшато только рукѣ любящей жены его. Тоже торжество семейнаго начала найдемъ мы въ русскихъ стихахъ, только почестъ отдается не женщинѣ, какъ въ рыцарскомъ обществѣ запада, а главѣ семошства, отцу. Впрочемъ стихи наши не придаютъ такой важности этому эпизоду; одинъ бѣлорусскій стихъ (напечатанный у Варенцова) отдастъ грамоту императору, трое другихъ — патриарху, двое — отцу; и притомъ стихи самые близкіе другъ къ другу по слову и характеру бѣлорусскіе оба №№ 33 и 34-и розно представляютъ это обстоятельство. Но отдачу грамоты отцу мы не можемъ не признать чисто-русскимъ измѣненіемъ преданія, и при томъ не случайнымъ, потому что и остальные отклоненія всѣхъ русскихъ стиховъ отъ греческаго повѣствованія соотвѣтствуютъ этому новому характеру и даютъ намъ право обозначить русскіе стихи какъ семейный циклъ преданій о Божьемъ человѣкѣ.

Слѣпые старцы наши и калики переходящіе должны были дорожить преданіемъ, въ которомъ такъ поэтически воспѣвалось и вѣнчалось земною и небесною славою отреченіе отъ мірскихъ благъ, нищенство Бога ради. При томъ имъ, большею частью слѣпыми, малосильнымъ или юродивымъ, не могло придти въ мысль воспѣть трудъ, который вообще ближе къ сердцу германскаго племени, чѣмъ славянскаго, и съ этой стороны они не измѣняли греческаго преданія. Но презрѣніе Алексія къ семейству, горе брошенныхъ родителей, равнодушіе блаженнаго къ плачущимъ надъ нимъ же матери и женѣ оскорбляло русскаго человѣка; съ вѣрнымъ чувствомъ добраго сердца онъ бросилъ завѣсу на раздражающій душу плачъ покинутыхъ отца и матери и рассказываетъ намъ горе ихъ уже позже, надъ бездыханнымъ трупомъ усопшаго, когда не сынъ болѣе виноватъ передъ ними, а Господня десница развязала узелъ семейнаго согласія; для такого горя ихъ есть и утѣшеніе — въ молитвѣ церковной, въ поклоненіи всего города мощамъ возлюбленнаго сына. Самое бѣгство Алексія русскій пѣвецъ оправдываетъ принужденіемъ его къ браку, когда онъ, холостой парень, не отдѣленный еще отъ отца, по русскому воззрѣнію, «не долженъ снимать съ отца своей воли». — «Но неволь меня, батюшка, жениться», молится онъ къ отцу; и если его, едва достигшаго законнаго возраста, сударь батюшка неволей, государыня матушка неохотой (№ 32) подъ вѣнецъ ведутъ, — сами они виноваты, что посвящающій себя Богу юноша не можетъ сохранить своей дѣвственности иначе какъ подъ рубищемъ и далеко отъ родительскаго крова. Послушный, пока есть еще надежда, онъ соглашается на вѣнчальный обрядъ, и только по упреку обрученной — что ты рано идешь на покаяніе? — рѣшается бѣжать, оставляя отцу и матери другаго ребенка въ лицѣ молодой жены: покидаю я тебя съ отцемъ, съ матерью, завѣщаетъ онъ ей. Недовольный еще этимъ, пѣвецъ не вѣритъ, чтобъ

Богу были угодны слезы и гнѣвъ родителей. Сама Богородица, покровительница и заступница матери во всѣхъ русскихъ пѣсняхъ, приказываетъ Алексію вернуться къ семейству, привести хоть вѣсть про себя, утѣшить родныхъ тѣмъ хоть, чюмъ подвизается на славу Божию. Вотъ какое значеніе дали казники явленію Богородицы въ эдесскомъ храмѣ, тому даровому чуду словесной иконы, которымъ греческое преданіе хотѣло только прославлять Алексія передъ людьми, дать земную награду и предложить новое испытаніе его самолюбію.

Д. Данковъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О КНИГАХЪ ИСТИННЫХЪ И ЛОЖНЫХЪ И О СУЕВѢРІЯХЪ.

Давно извѣстна статья: «Святыхъ Апостолъ и Св. Отецъ которыхъ книги подобають почитати и которыхъ не чести»,—статья въ высшей степени любопытная не только въ каноническомъ, но въ литературномъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Она встрѣчается во многихъ рукописныхъ Кормчихъ и уже въ 1644 году была напечатана въ Москвѣ, въ такъ-называемой Кирилловой книгѣ, и потомъ перепечатана въ Гроднѣ въ 1786 году. К. Θ. Калайдовичъ перепечаталъ оную по списку XVII вѣка Толстовской библіотеки (Отдѣл. III, № 92, л. 123 — 139) въ сравненіи съ другимъ спискомъ тоже XVII вѣка и Кирилловой книгой. Наконецъ баронъ Розенкамппъ напечаталъ ее въ своемъ обзорѣнн Кормчей по списку 1536 года, сообщенному ему отъ Вологодскаго архіеп. Стефана. Казалось бы чего еще болѣе: мы прочитали эту статью какъ слѣдуетъ, исправили орфографическія ошибки посредствомъ сравненія съ исправнѣйшими рукописями, издали ученымъ образомъ—съ вариантами. Но разгадали ли мы всѣ книги, не только ложныя, но и истинныя? Дошли ли онѣ до насъ, а если дошли, то оригинальныя ли онѣ или переводныя, и гдѣ находятся списки сихъ книгъ? Конечно эти книги были, иначе не чего было бы и перечислять и ополчаться противъ небывалаго; а если были, то конечно читали ихъ и слѣды чтенія переходили въ понятія народа, а быть можетъ и нѣкоторыхъ сочинителей. Чтò мы знаемъ о Мартолоѣ, Чаровникѣ, Коледниѣ, Мыслениѣ, Вороноградѣ и т. д.? Подобнымъ розысканіямъ не положено еще и начала. Не маловажныя пособіемъ при объясненіи многихъ книгъ и суевѣрій могутъ служить труды Фабриція, Дюканжа и другихъ. Въ ожиданіи подобныхъ изслѣдованій, мы укажемъ на нѣсколько новыхъ рецензій этой статьи и предложимъ изъ нихъ по нѣскольку выписокъ, изъ которыхъ всякій увидитъ, что эта статья далеко несовершенно издана и въ графическомъ отношеніи.

Въ сборникѣ Библіотеки Московскаго Главнаго Архива Министерства иностранныхъ дѣлъ, писанномъ полууставомъ въ четвертку, на бумагѣ, XVII вѣка, на 521 листѣ, принадлежавшемъ нѣкогда Императрицѣ Екатеринѣ II, разбираемая нами статья находится (л. 466 об. — 476) подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Сказаніе о книгахъ Ветхаго и Новаго закона и о еретическихкихъ».

Это заглавіе, по нашему мнѣнію, лучше другихъ выражаетъ дѣло. Большая часть списковъ озаглавлена: *отъ Апостольскихъ заповѣдей*; въ другихъ къ этому прибавлено: *правила Св. Отецъ 318 иже въ Никее написан-*

ныхъ. Въ нѣкоторыхъ, какъ напр. въ Кормчей, скороп. въ л. XVII вѣка, принадлежащей кн. М. А. Оболенскому, озаглавлена сія статья съ большею опредѣленностію: Св. Апостолъ и Св. Отецъ которыхъ книги подобаетъ прочитати, нѣкоторыхъ не чести. Но мы считаемъ первое заглавіе лучше другихъ потому, что оно общѣе—можетъ обнимать всѣ перечисленныя подъ нимъ книги.

Въ этой рецензіи особенно замѣчательно перечисленіе книгъ Вѣтхаго За-
вѣта. Вотъ оно: *А се о книгахъ сказаніе: Жидове нѣ (sic) убо Вѣтхая
своя четыре писанія раздѣляютъ. Первая доля: Бытія, Исходъ, Леви-
ты, Числа, Деуторомъя (sic!). Вторая доля: Исусъ Наввинъ, Судіи,
Самуилъ, 4 царства, Исаія, Іеремія, Іезикииль (sic!), 12 Пророкъ. Тре-
тія доля: Лѣтописецъ, Псалтырь, Притча, Іевъ, Даниилъ, Ездра. Чет-
вертая доля: Пѣсни Пѣснемъ, Руфь, Соборникъ, Есвирь, Желаніе. Въ
первой доли пять книгъ, во второй доли 8 книгъ, въ третіей долѣ 6
книгъ, въ четвертой долѣ 5 книгъ, суть же всѣхъ 24 книгъ.*

Книги Новаго Завѣта раздѣлены на трое: Евангеліе, Апостолъ, Апокалипсис.

Между ложными книгами находимъ неупомянутыя въ прежнихъ изданіяхъ
этой статьи, какъ то: «криво складено вознесеніе Монсеево, Аѣенесь, Ель-
дадь, Модадь, Соѣнино откровеніе, Ездры откровеніе, Едомъ, Давыдовы
пѣсни». Далѣе послѣ Паралипоменъ Іеремін: о Рахманехъ Изосимово сло-
женіе.... и пакн тогожде (Іоанна Богослова) вопросы ко Аврааму праот-
цу.... о 12 пятницъ временныхъ.. Авгарево посланіе, что на шеѣ носятъ, о
дванадесяти Яковличехъ глаголемая Лѣствица недугъ естественная, сю же
трясовицы именуютъ, о Сисниин и о Спхангѣ, что солгалъ Еремія погъ Бо-
гумилъ ученикъ, паче же Богу не милъ, что три черницы ходили во адъ
Соломанови для (sic!) и злато имуще поникадило, діаконъ же Арсеней слу-
жилъ во Адамле главѣ.... А о Василии Кесарійскомъ и о Григоріи Богосло-
вѣ и Іоаннѣ Златоустѣ вопросы и отвѣты порядку солгано.... и что нарека-
ють кустодію Пилатову дѣвку Ключницу, то ересь (sic!), все то не было,
а кустодія есть воинномъ полкъ, рекше рать. А сотникъ у нихъ былъ Ло-
гинъ, той вѣрова во Хріста, а жидове не вѣровали. А еже неразумніи по-
пы печатали двери церковныя съ народомъ въ вечеръ субботы великія уже
поздѣ сущу, подобятся жидомъ, сего не подобаетъ творити. Се же креща-
ють въ три Отцы и въ три Сыны и въ три Святые Духи, и не погружаютъ,
но обливаютъ, проклинають попы о всемъ томъ. Се же подобаетъ крещати
и погружати во единъ Отецъ, во единъ Сынъ и во единъ Святый Духъ, —
не три бози, но единъ Богъ во Святѣи Троицы. Или носятъ ядь масленую,
или молочную, или яица съ просфирами въ церковь, или съ кутьею, а то
все вмѣстѣ попове свещаютъ, показиваютъ, да извергутся сана своего по-
пы, да безъ кутьи, отчего тутъ и канонъ носить въ церковь, токмо ино и
того въ Олтарь не носить, а брашно на потребу нищимъ; а не свещати
съ кутьею. А се писано ото отреченныхъ книгъ изъ молитвенника митро-
полита Кипріяна всея Русіи, и нѣсть се ложно написано. Аще кто вопреки
сему священникъ да извержется, а простецъ да отлучится».

Въ приведенныхъ дополнительныхъ выпискахъ о книгахъ истинныхъ, ложныхъ и о суетвѣріяхъ довольно любопытнаго для изслѣдователя критика. И многое быть можетъ на долго останется неразгаданнымъ.

Обратимся ко второй рецензій. Она сокращеніе прочихъ. Перечисленія книгъ Ветхаго и Новаго Заѣта въ ней вовсе нѣтъ, а послѣ тоже короткаго заглавія: «*книгамъ имена*», прямо слѣдуетъ перечень Отцовъ церкви: «Иванъ Постникъ, еже въ монастырѣ Св. Савы, Иванъ Селунскій и т. д.» Писанія Отцовъ перечислены совершенно въ другомъ, ни въ хронологическомъ, ни въ систематическомъ порядкѣ. Но при всей краткости этой рецензій въ ней есть дополненія. Такъ послѣ перечисленія Патериковъ: Римскаго, горы Синайскія, горы Елеонскія, горы Святыя и Патерика Печерскаго, слѣдуетъ перечисленіе житій Греческихъ угодниковъ въ слѣдующемъ порядкѣ: «Житіе Св. Богородицы, житіе Ивана Златоустаго, житіе Великаго Антонія, житіе Великаго Евфимія, житіе Великаго Савы, житіе Великаго Пахомія, житіе Великаго Василя, житіе Великаго Анкія, житіе Великаго Симеона Столпника Дивногорца, житіе Семіона чудотворца, житіе Ѳеодосіево, житіе Горасимово, житіе Харитоново, житіе Епифаніево, житіе Арсеніево, чудеса Николы 40, 12 миней» и т. д.

Перечисленія книгъ ложныхъ и суетвѣрій здѣсь также нѣтъ. Эта статья находится въ полуустановомъ Сборникѣ XVII вѣка, въ частныхъ рукахъ. Правописаніе рукописи крайне неправильно; начало и конецъ оной утрачены.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о третьей рецензій, составляющей 106-ю главу Кормчей, Кирилловской фамиліи, принадлежащей князю М. А. Оболенскому.

По составу эта рецензій сходна съ первою, но за исчисленіемъ Патериковъ въ ней находится вставка о житіяхъ Греческихъ и Русскихъ Святыхъ. Вотъ эта вставка: «Патерикъ Печерскій Кіевскій, Патерикъ Синайскій, Церковникъ, Іеремїи плачеве, Варухъ, Іоаннъ Милостивый, Іоанъ Коловъ, Іоанъ Кушникъ, Григорей Нисскій, Григорей Новый Богословъ, Ѳеодоръ Едесскій, Аѳонасей Великій, Пандекъ, Лимонисъ, Аѳанасей Аѳонскій, Ісусъ Семирамины, Павелъ Ѳивейскій, Паисей, Онтоней Великій, Тріодъ, Охтай, 12 миней канахистныхъ (?), Евангеліе толковое, три службы: Василя Великаго, Златаустаго, Пржесвященнаго, Яковля служба перваго Патріярха, брата Господня и житія Святителей: Св. Николы, Селивестра папы Римскаго, Спиридона чудотворца, Аверкія, и новыхъ чудотворцовъ: Митрополита Петра, Алексѣя, Іоны, Леонтія, Исаія, Игнатія, Іакова, Авраамія, Исидора, Петра Царевича; Новгородскія: Іоаннъ, Еуфимія, Никиты, Варлаамія, Стефана Пермскаго, Стефана Сурожскаго, Савы Серпскаго, Князя Владимера, Бориса и Глѣба, Князя Михаила Черниговскаго, Ѳеодора и Константина Ярославскихъ, Князя Александра Невскаго, Сергія чудотворца, Никона, Кирила Бѣлозерскаго, Дмитрія Вологодскаго, Зосимы и Савватія Соловецкихъ, Діонисія Глушицкаго, Павла Обнорскаго, Александра Свѣрьскаго, Савы Вѣшерскаго, Арсенія Тверскаго, Симеона Столпника, Никиты Переславскаго, и всѣхъ Святыхъ житія и мученія, Святіи Апостоли и Святіи Отцы почитати повелѣша на спасеніе душамъ....

И въ перечисленіи книгъ ложныхъ есть удачныя варианты и дополненія, какъ напр. слѣд.: «Лживыя молитвы врачевальныя, о недузехъ и о нежитехъ и о трясавицахъ, ихже именуютъ, басни суть Еремѣя попа Болгарскаго, чловѣкъ бо окоянный сей, яко ѣздищу Святому Сисенію на горѣ Синайстей, и Ангела Сиханга именуютъ, и седмь дочерей родовыхъ трясавицани, солгалъ алыи. Ни Евангелисты, ни отъ Святыхъ ни единъ не именовалъ седми, но едина испросиши главу Предтечеву, отъ нея же явѣ есть, и та дщи Филипова бѣ, а не Иродова. Великій же Сисиній Патріархъ Константи-награда во своихъ оу словесехъ глаголаше сице: не мните мене оного Сисинія лживаго его же написа пошъ Еремѣя, неразумный слову, о двуна-десяти пятницахъ на соблазнъ людемъ»....

Д. Ч. В. Ундольскій.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

А. С. ГРИБОЋДОВЪ.

Біографическія извѣстія о Грибоѣдовѣ (*).

Статья, появляющаяся нынѣ, составляетъ обработку только небольшой части имѣющихся у меня матеріаловъ для біографіи Грибоѣдова. Она преимущественно вызвана тѣми въ высокой степени несправедливыми извѣстіями, которыя сообщены о Грибоѣдовѣ въ декабрьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* 1863 года, почти что въ самомъ концѣ статьи г. Погодина А. П. Ермоловъ. Матеріалы для ея біографіи, въ отдѣлѣ *Отзывы и извѣстія* Д. В. Давыдова.

Для правды нѣтъ авторитетовъ. Защитить другаго отъ несправедливыхъ обвиненій, прогнать тѣнь, на него бросаемую — святая обязанность всякаго честнаго человѣка, если онъ только въ состояніи это сдѣлать. Тѣмъ,—прибавлю я,—эта обязанность становится святѣе, когда этотъ другой самъ себя защитить уже не можетъ, когда онъ лежитъ въ могилѣ; тѣмъ святѣе, если этотъ другой принадлежитъ къ числу людей, которыми гордится нація.

Кромѣ этого общаго основанія, я имѣю еще слѣдующія частныя, спеціальныя причины, по которымъ почитаю себя обязаннымъ выставить правду противъ... неправды, возведенной на Грибоѣдова. Благородный, прямой, честный Степанъ Пикитичъ Бѣгичевъ, ближайшій другъ Грибоѣдова, человѣкъ, котораго сестра Грибоѣдова, Марья Сергѣевна, называла не иначе, какъ *провидѣніемъ* ея брата и къ которому Грибоѣдовъ писалъ: «Въ одномъ только случаѣ возмись за перо въ мою защиту, если я буду въ отдаленіи, или умру прежде тебя, и кто-нибудь мой ненавистникъ вздумаетъ чернить мою душу и поступки»,—умеръ. Я не имѣю никакой надежды на то, чтобы второй другъ Грибоѣдова сенаторъ Андрей Андреевичъ Жандръ взялся за перо, давно оставленное имъ для всякаго литературнаго дѣла. Изъ семейства Степ. Ник. никто не отвѣчалъ. Предоставляю кому угодно рѣшить: долженъ ли говорить я, когда едва ли не въ однихъ моихъ рукахъ находятся всѣ главные матеріалы для біографіи Грибоѣдова?

(*) Продолженіе статей того же автора о Грибоѣдовѣ: «А. С. Грибоѣдовъ». Черновая тетрадь Грибоѣдова, напечатанныхъ въ 4 и 5 № № «Русскаго Слова» 1859 года.

По счастливому стечению обстоятельств я был поставлен в близкие отношения ко всем лицам, бывшим к нему близкими, начиная с матери его — Настасьи Федоровны, сестры — Марьи Сергеевны и вдовы — Нины Александровны, писавшей ко мне еще не задолго до своей смерти. Совершенно достоверные рассказы многих лиц о Грибоедове и его времени, мной записанные, составляют лучшую, драгоценнейшую часть моих материалов. Степ. Ник. Бѣгичев дал мне слово, что подлинныя к нему письма Грибоедова будутъ, послѣ его смерти, принадлежать мнѣ, такъ какъ при жизни онъ не имѣлъ силъ съ ними разстаться; послѣ кончины его въ 1858 году, старшій сынъ его Никита Степановичъ, не знавшій обѣщанія отца, подарилъ эти письма Обществу Любит. Росс. Слов., что при Моск. университетѣ, которое ихъ и напечатало съ нѣкоторыми пропусками. Копіи съ нихъ были сняты мной еще въ 1857 году. Это едва ли не единственный матеріалъ о Грибоедове, миновавшій моихъ рукъ. Небольшую, но драгоценную по непреложной истинѣ фактовъ біографическую свою записку о Грибоевѣ, Степ. Никит. передалъ въ полную мою собственность и въ письмѣ ко мнѣ отъ 15 іюня 1857 г. сказалъ: «я довѣряю тебѣ, если разсудишь за благо, издать приложенный очеркъ, не упоминая имени моего и выставляя только заглавныя буквы другихъ именъ... На восьмомъ десяткѣ лѣтъ я не хочу сдѣлаться извѣстнымъ только тѣмъ, что былъ искреннимъ другомъ Грибоедова, хотя внутренно и горжусь этимъ».

Сказавши, что главные матеріалы для біографіи такого замѣчательнаго человѣка и писателя, какъ Грибоевъ, находятся едва ли не въ однихъ моихъ рукахъ, я невольно ставлю себѣ въ обязанность передъ русскимъ обществомъ — отвѣчать на вопросъ, который мнѣ могутъ сдѣлать: почему же я не напечатаю этихъ матеріаловъ? Вотъ мой отвѣтъ прямой и добросовѣстный: напечатать ихъ *всѣ* — въ настоящее время невозможно; печатать же ихъ отрывками, по частямъ, — я бы не желалъ, потому что думаю, что они могутъ получить истинный свой смыслъ и значеніе только во взаимной связи, въ общей сложности картины. Доказательствомъ тому служатъ письма, изданныя Обществомъ Люб. Росс. Слов., — они такъ и прошли, едва ли замѣченныя публикой, остались одиночными, не говорящими, ничего не доказывающимъ фактомъ. Настоящій случай — необходимость отвѣчать на извѣстія Д. В. Давыдова, даетъ мнѣ возможность сгруппировать нѣкоторыя біографическія о Грибоевѣ данныя вокругъ отдѣльнаго, извѣстнаго факта — службы его на Кавказѣ, въ Грузіи и, въ первый разъ, въ Персіи. Для того, чтобы не сдѣлать этотъ фактъ, какъ говорится, сухимъ и голымъ, пояснить многое и вообще оживить картину, я обставляю его всемъ тѣмъ, что поясняетъ и личный характеръ Грибоедова, и, сколько возможно, характеръ того общества, въ которомъ онъ жилъ.

Въ статьѣ моей не будетъ ничего полемическаго: опроверженіе Д. В. Давыдову само собой истечетъ изъ моего изложенія.

Прибавлю еще вотъ что: извѣстія мои — *вѣрны и не могутъ* быть иными, потому что, еслибы я и былъ способенъ или задумалъ сказать какую-либо неправду, то, для обличенія меня, живъ Андрей Андр. Жандръ — поч-

тенный старецъ, вѣрно, не задумался бы вывести меня на свѣжую воду передъ публикой; живо все семейство Ст. Ник. Бѣгичева, которое, конечно, не менѣе меня слыхало отъ него о Грибоѣдовѣ.

Для ясности дѣла необходимо выписать всю, небольшую, тираду Давыдова противъ Грибоѣдова; иначе оно не совсѣмъ будетъ понятно:

«Наскочивши... Ермоловъ принялъ ласково....»

...Даровитый писатель (Грибоѣдовъ) долженъ былъ бы довольствоваться славой, столь справедливо заслуженной имъ въ литературномъ мѣрѣ. Онъ довольно долго служилъ при Алексѣй Петровичъ Ермоловъ и числился одно время совѣтникомъ при нашемъ посланникѣ въ Тегеранъ Мазаровичъ, человекѣ весьма полезномъ и способномъ. По представленію Ермолова, оцѣнившего рѣдкія способности Мазаровича, который былъ медикомъ, онъ былъ назначенъ первымъ постояннымъ посланникомъ при персидскомъ дворѣ. Грибоѣдову, незнакомому ни съ какими формами, приходилось иногда, за отсутствіемъ Мазаровича, писать бумаги въ Тифлисъ, гдѣ онъ возбуждалъ въ канцеляріи Ермолова лишь смѣхъ. Ермоловъ, разувѣвшій Грибоѣдова человекѣмъ, одареннымъ блестящими способностями, вполне приятнымъ и любезнымъ собесѣдникомъ, почиталъ его, однако, совершенно бесполезнымъ для службъ. Алексѣй Петровичъ, неохотно увольнявшій въ отпускъ людей полезныхъ и усердныхъ, позволялъ Грибоѣдову отлучаться часто и на продолжительное время. Онъ, однако, очень любилъ Грибоѣдова и былъ въ полномъ смыслѣ слова его благодѣтелемъ; не говоря уже о всевозможномъ его вниманіи къ знаменитому автору *Горе отъ ума*, онъ оказалъ ему такую услугу, какую Грибоѣдовъ былъ въ правѣ ожидать лишь отъ роднаго отца. Онъ спасъ его отъ послѣдствій одного весьма важнаго дѣла, которыя могли-бы быть для Грибоѣдова крайне непріятны (*)... Увлеченный честолюбивыми побужденіями, Грибоѣдовъ, подобно многимъ лицамъ, нѣкогда облагодѣтельствованнымъ Ермоловымъ.... отплатилъ ему также за все прошлое неблагодарностію. Вытребованный въ С. Петербургъ, онъ былъ вскорѣ награжденъ чиномъ надворнаго совѣтника, получилъ довольно значительную сумму денегъ и вновь присланъ на Кавказъ, гдѣ его поведеніе не могло не возбудить во всѣхъ благомыслящихъ людяхъ истиннаго удивленія и сожалѣнія.... Будучи отправленъ во второй разъ въ С.-Петербургъ для поднесенія Государю Туркменчайскаго договора, онъ сказалъ пріятелю своему С. Н. Бѣгичеву: «я вѣрный злодѣй Ермолова.» (**) Онъ говорилъ около того же времени не одному слѣдующее: «я на сей разъ не иначе возвращусь въ Грузію, какъ въ качествѣ посланника при Тегеранскомъ дворѣ». Онъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники и, благодаря покровительству графа Наскочива, получилъ желаемое назначеніе въ Тегеранъ, гдѣ сдѣлался жертвой своей ошибки. (***)

Читаешь—и глазамъ не вѣришь. Не вѣришь въ особенности потому, что это написалъ Денисъ Вас. Давыдовъ, человекъ, бывшій съ Грибоѣдовымъ въ

(*) «Все, здѣсь мной сказанное, сообщено имъ лицами, заслуживающими довѣрія, которыя были не только очевидцами этого событія, но принимали въ немъ весьма дѣйствительное участіе.»

(**) Имъ это сообщилъ братъ его, добрый и благородный зять мой, Д. Н. Бѣгичевъ.

(***) Рус. Вѣст. 1863 г. декабрь. Томъ 48, стр. 583 и 584.

такихъ близкихъ отношенійхъ, человекъ, о которомъ во всѣхъ письмахъ своихъ къ Бѣгичеву Грибоѣдовъ говоритъ съ такой любовью, о которомъ — въ письмѣ изъ Екатериноград. станицы отъ 7 дек. 1825 г. — онъ прямо выразился: «Давыдовъ здѣсь (на Кавказѣ) во многомъ поправилъ бы ошибки самого Алексѣя Петровича. *Эта краска рыцарства, какую судьба отпѣлила характеру нашего пріятеля, привязала бы къ нему Кабардинцевъ.*» (*)

Даровитый писатель Грибоѣдовъ, — начну и я, какъ Давыдовъ же, — также не могъ довольствоваться славой, столь справедливо заслуженной имъ въ литературномъ мірѣ, какъ и былъ чуждъ всякаго служебнаго честолюбія.

И слава, и служебная почесть достались ему сами собой. Ни той, ни другой онъ не добивался. Грибоѣдовъ былъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которыми свѣтять въ жизни вѣчные идеалы добра, истины, изящества, идеалы, которые присущи только великой душѣ, ей одной понятны, ей одной видятся.

«Фонъ-Визинъ, характеръ котораго нуждается въ оправданіи».... сказалъ когда-то Пушкинъ о первомъ нашемъ комикѣ. Характеръ Грибоѣдова, въ отношеніи къ тому, что я сказалъ выше, нуждается только въ поясненіи.

Нельзя сказать, да и предположить нельзя, чтобы слава, которая такъ быстро досталась Грибоѣдову, вовсе не польстила его самолюбію, — это было бы противно человѣческой природѣ. Но Грибоѣдовъ, какъ почти всѣ сильно даровитые люди, совсѣмъ не очень высоко ставилъ свою комедію и ту громкую извѣстность, которую она ему доставила, — сфера, которой вполне удовлетворялась бы золотая посредственность, была слишкомъ узка для такой высокой души, для широкаго размаха такого характера. Что можетъ быть на этотъ разъ яснѣе и непреложнѣе собственнаго, искренняго свидѣтельства самого Грибоѣдова? «Душа, другъ и братъ!» — писалъ онъ Бѣгичеву въ 1824 году изъ Петербурга, въ то время, когда, по его же выраженію, тамъ отъ его комедій «грому, шуму, восхищенію, любопытству, конца нѣтъ!» — *«не могу въ эту минуту оторваться отъ побрякушекъ авторскаго самолюбія.... Ты, безцѣнный другъ мой, насквозь знаешь твоего Александра; подивись гвоздю, который онъ вбилъ себѣ въ голову, мелочной задачей, вовсе не сообразной съ ненасытностію души, съ пламенной страстью къ новымъ вымысламъ, къ новымъ познаніямъ, къ переменѣ мѣстъ и занятій, къ людямъ и дѣламъ необыкновеннымъ. И смѣюли здѣсь думать и говорить объ этомъ? Могу ли прилежать къ чему-нибудь высшему? Какъ притомъ, съ какой стати, сказать людямъ, что *прошесвыя ихъ одобренія, ничтожная славишка въ ихъ кругу не могутъ меня утѣшить?*»* (**) Такъ мелка, такъ несообразна съ собственнымъ характеромъ и призваніемъ казалась Грибоѣдову эта сфера, хотя и наполненная похвалами ему, что онъ, видимо, упрекаетъ себя за пребываніе въ ней, смотреть на себя, какъ на недостойнаго въ эту минуту думать о чемъ-нибудь высшемъ и прилежать къ нему! «Вчера» — пишетъ онъ въ другомъ письмѣ (отъ 4 января 1825 г.) — «я обѣдалъ со всею

(*) Письма изд. Общ. Люб. Рос. Слов. стр. 35.

(**) Тамъ же, стр. 17 и 18.

сволочью здѣшнихъ литераторовъ. Не могу пожаловаться, *отсюду колыно-преклоненія и виміамъ*, но вмѣстѣ съ этимъ — *сытость отъ ихъ дур-чествъ*, ихъ сплетенъ, *мишурныхъ талантовъ и мелкихъ ихъ душишекъ*. Не отчаивайся, другъ почтенный, *я еще не совсѣмъ погрязъ въ этомъ тр я-синномъ юсударствѣ*.» (*) Что прибавлять къ этому?

Грибоѣдовъ, сказалъ я, былъ чуждъ и всякаго служебнаго честолюбія. Для доказательства этого я прослѣжу почти всю его служебную дѣятель-ность на основаніи совершенно достовѣрныхъ фактовъ.

Непродолжительна была служба Грибоѣдова въ Брестъ-Литовскомъ при генер. Андреѣ Семеновичѣ Кологривовомъ, къ которому онъ былъ прикомандиро-ванъ офицеромъ иркутскаго гусарскаго полка, почти что въ адъютантской долж-ности. Въ Брестъ-Литовскомъ познакомился и подружился онъ съ Ст. Ник. Бѣгичевымъ, — однимъ изъ адъютантовъ Кологривова. Этотъ періодъ жизни Грибоѣдова замѣчателенъ какъ почти-что неизбѣжный, необходимый фазъ въ развитіи всякой пылкой, страстной натуры, какой несомнѣнно былъ Грибоѣдовъ.

Разсказываютъ люди достойные всякаго вѣроятія, что разъ Грибоѣдовъ съ своимъ любезнымъ другомъ Степаномъ Никитичемъ во второй этажъ дома, на балъ верхами вѣхали. Въ другой разъ случилось происшествіе еще комичнѣе. Въ Брестъ-Литовскомъ существовалъ въ ихъ время римско-като-лическій, кажется іезуитскій, монастырь. Надо замѣтить, что Грибоѣдовъ былъ истинно-глубокій, страстный и вмѣстѣ ученый музыкантъ. «Генераль-басъ зналъ онъ въ совершенствѣ», говорила мнѣ сестра его, Марья Сергѣевна, которая сама была отличной, нѣкогда очень извѣстной въ Москвѣ піанист-кой. Грибоѣдовъ съ Бѣгичевымъ забрались какъ-то въ монастырскую цер-ковь еще до начала службы. Бѣгичевъ остался внизу, а Грибоѣдовъ отпра-вился на хоры, гдѣ органъ. Ноты были раскрыты. Собрались монахи, нача-лась служба. Гдѣ въ это время былъ органистъ, — сказать не могу, потому что не догадался спросить объ этомъ у Ст. Ник., разсказывавшаго мнѣ все это происшествіе. Можетъ быть, органистъ былъ и тутъ, да не посмѣлъ прогнать русскаго офицера, особенно же состоявшаго при такомъ важномъ въ томъ краю лицѣ, какимъ былъ Анд. Сем. Кологривовъ. Когда, по порядку службы, потребовалась музыка, Грибоѣдовъ заигралъ и игралъ долго и от-лично. Вдругъ священные звуки смолкли и съ хора раздался.... нашъ родной, нашъ кровный *Камаринскій*! Можно судить какой это произвело эффектъ и какой гвалтъ произошелъ между святыми отцами. Все сошло съ рукъ.

Но, какъ ни кутилъ Грибоѣдовъ (ему тогда всего было только 20 лѣтъ), — онъ не могъ совершенно закутиться: въ природѣ его было слишкомъ много тистыхъ, свѣтлыхъ началъ, слишкомъ много хорошихъ задатковъ и стрем-ленія къ просвѣщенному кругу, къ лучшей, умственной средѣ. Грибоѣдовъ даже не безъ сожалѣнія вспоминалъ послѣ о своемъ образѣ жизни въ иркутскомъ полку; вотъ что писалъ онъ Бѣгичеву отъ 4 сентября 1817 года изъ Петербурга: «я въ этой дружинѣ всего пробылъ 4 мѣсяца, а теперъ 4-й

(*) Письма, изд. Общ. Люб. Росс. Слов. стр. 22.

годъ, какъ не могу попасть на путь истинный.» Еще изъ Бреста-Литовскаго послалъ онъ въ «Вѣстникъ Европы» двѣ статьи — одну, довольно дѣльную, «о кавалерійскихъ резервахъ» (*) и другую о праздникѣ, который дали генералу Кологривову офицеры его корпуса. (**)

Въ 1815 году Грибоѣдовъ былъ уже въ Петербургѣ и сейчасъ же вступилъ въ кругъ литераторовъ и театраловъ. Въ Брестѣ-Литовскомъ перевелъ онъ комедію «Молодые супруги» (игр. 29 сент. 1815 г.); потомъ вмѣстѣ съ А. А. Жандромъ комедію «Притворная невѣрность» (игр. въ февр. 1817 г.) и написалъ, вмѣстѣ съ кн. Шаховскимъ и Хмѣльницкимъ, нѣсколько сценъ въ комедію «Своя семья» (игр. 24 янв. 1818 г.).

И вдругъ, этотъ литераторъ и театралъ уѣзжаетъ, Богъ-вѣсть, куда,—въ Персію, секретаремъ нашей миссіи.

Но прежде я сообщу нѣсколько извѣстій о тогдашнихъ театральныхъ временахъ,—извѣстій, которыхъ скоро выслушать будетъ не отъ кого и которыми я обязанъ нѣкоторымъ почтеннымъ старожиламъ, потомъ перейду къ старой нашей журнальной полемикѣ, касающейся первыхъ временъ литературной дѣятельности Грибоѣдова.

Вполнѣ справедливо замѣчаніе К. А. Полеваго въ его біографіи Грибоѣдова, что «столичная молодежь, каждый вечеръ засѣдая въ партерѣ, прельщается блескомъ театральныхъ успѣховъ, и, часто, на зло своей природѣ, лѣпнитъ водевильчики: дѣло важное и для имени на афишкахъ и для бѣдной извѣстности въ обществѣ.» (***) Хотя театралы никогда не переводились и не переводятся, но страсть къ театру и драматической литературѣ была въ тѣ времена, о которыхъ я говорю, едва ли не сильнѣе, чѣмъ теперь. Все что могло писать—писало, отъ трагедій въ родѣ «Вѣнцеслава» (А. А. Жандръ) и «Андромахи» (П. А. Катенинъ) до прологовъ... Даже Грибоѣдовъ, по свѣдѣтельству біографической записки Бѣгичева, вполнѣ заплатилъ дань своему времени и хотѣлъ для открытія въ Москвѣ новаго театра, осенью 1823 года,—стало-быть уже передъ окончаніемъ своей комедіи,—написать прологъ въ двухъ актахъ, подъ названіемъ «Юность вѣнцаго.» Вотъ что говоритъ объ этомъ Бѣгичевъ: «при поднятіи занавѣса юноша-рыбакъ Ломоносовъ спитъ на берегу Ледовитаго моря и видитъ обаятельный сонъ,—сначала разными видѣніи, потомъ музъ, которыя его призываютъ и наконецъ весь Олимпъ во всемъ его величіи. Онъ просыпается въ какомъ-то очарованіи, сонъ этотъ не выходитъ изъ его памяти, преслѣдуетъ его и въ морѣ и на необитаемомъ острову, куда онъ отправился съ прочими рыбаками за промысломъ. Душа его получила жажду познанія, чего-то высшаго, имъ невѣдомаго и онъ убѣгаетъ изъ отеческаго дома. При открытіи занавѣса во 2-мъ актѣ Ломоносовъ въ Москвѣ, стоитъ на Красной площади... Далѣе я не помню... Пролога онъ написать не успѣлъ, а театръ открылся.»

(*) Вѣстн. Евр. 1814 г. №. XXII стр. 116 — 125.

(**) Тамъ же, т. LXXVI, стр. 229 — 238.

(***) Изд. Горь отъ уша 1839 г., стр. XIV.

Но времена эти (конецъ царствованія императора Александра I) были самыя тяжелыя и для театраловъ и для артистовъ... Театромъ управлялъ главный директоръ. Должность эту сперва занималъ Нарышкинъ, потомъ Апол. Александр. Майковъ. Кромѣ главнаго директора при театрѣ состоялъ особый комитетъ изъ четырехъ членовъ подъ главнымъ начальствомъ самого генераль-губернатора (Милорадовича). Князь Шаховской былъ однимъ членомъ комитета и назывался «членомъ по репертуарной части», не мѣшался ни въ какія другія, напр. въ хозяйственную, для которой былъ особый членъ, но управлялъ, воровалъ всѣмъ театромъ. Тогда—Боже избави позволить себѣ какую-нибудь вольность въ театрѣ, особенно въ отношеніи къ актрисамъ, которыя всѣ имѣли «покровителей.» Извѣстный Каратыгинъ (Василій) сидѣлъ въ крѣпости будто бы за грубость противъ Майкова: онъ не всталъ, когда Майковъ проходилъ мимо и сколько ни увѣрялъ, что просто не видалъ его, не замѣтилъ,—его посадили да еще цѣлую недѣлю подсылали къ нему разныхъ лицъ узнавать и вывѣдывать кто его подучалъ на это вольнодумство и не принадлежитъ ли онъ... къ тайному обществу. Суш—въ шинкаль одной актрисѣ; его взяли и посадили въ крѣпость; пробылъ онъ тамъ не долго, всего три дня, но все-таки «сидѣлъ въ крѣпости.» Катенина, тоже за шиканье въ театрѣ, преспокойно выслали вонъ изъ Петербурга, безъ права вѣзда, и сдѣлалъ это Милорадовичъ, одинъ, самъ собою, безъ всякаго Высочайшаго повелѣнія. Государь уже послѣ утвердилъ это распоряженіе генераль-губернатора. И высидѣлъ Катенинъ у себя въ деревнѣ довольно долго, пока, наконецъ, совершенно случайно, Государь не проѣхалъ черезъ эту деревню, не простилъ его и не разрѣшилъ ему вѣзда въ столицу. (*) За всѣмъ, что касалось театра, наблюдали, подглядывали, все подслушивали... При театрѣ былъ даже явный, официальный фискаль, шпионъ, — онъ назывался *Реквизиторъ*. Должность его, состоявшая въ томъ, чтобы подслушивать что говорилось между актерами и даже между писателями, піесы которыхъ ставились на сцену, была опредѣлена прямо по штату! Всѣ эти строгости кончились со вступленіемъ на престолъ Императора Николая Павловича, но до того времени такъ всѣмъ приходилось жутко, что нѣкоторые литераторы, особенно изъ людей молодыхъ, пылкихъ, которые не смолчали бы, еслибы дирекція стала выставять какую-нибудь бездарность на счетъ человѣка даровитаго и тѣмъ непременно нажили бы себѣ хлопотъ, — перестали посѣщать театръ.

Но Грибоѣдову было, что называется, «горя мало».

Здѣсь нельзя не вспомнить одной строфы изъ посланія къ нему Кюхельбеккера:

Но ты, ты возлетишь надъ пѣсини толи!
 Цѣвецъ! Тебѣ дана рукой судьбы
 Душа живая, пламень чувства,
 Веселье свѣтлое и тихая любовь

(*) Къ Катенину писалъ Грибоѣдовъ большое дружеское письмо, помѣщенное въ изданіи г. Сергеевскаго, стр. 43 — 47. — О Катенинѣ одинъ изъ старомосковъ, лично знавшихъ его, говорилъ мнѣ: «это была самая огненная и взбалтывающая натура, но поэтъ въ душѣ и отъ личнаго чтеца».

Высокого искусства
И рывко-скачущая кровь (*).

Пошмыгать между актрисами, присутствовать при высаживаніи ихъ изъ каретъ, тутъ-то всего легче и можно было нажить себѣ хлопотъ, пробраться за кулисы, — было первымъ его удовольствіемъ, его наслажденіемъ. И эта *рывко-скачущая кровь* непременно доведла бы Грибоѣдова до какой-нибудь исторіи и до крѣпости, если бы его не блюлъ его истинный геній-хранитель, превосходнѣйшій, добрѣйшій, образованнѣйшій юноша, князь Александръ Одоевскій (**). Это былъ рѣдкій человѣкъ, о которомъ до сихъ поръ всѣ, кто ни зналъ его, вспоминаютъ съ самымъ искреннимъ и глубокимъ чувствомъ, — 21 года, мужчина молодецъ, красавецъ, нравственный, прекраснѣйшаго, мягкаго характера.... Онъ никогда не оставлялъ Грибоѣдова одного въ театрѣ, и просто не отходилъ отъ него, какъ нянька, и часто утаскивалъ его отъ заманчиваго подѣзда, силой, за руку. Изъ театра они почти всегда прѣзжали прямо къ одной почтенной дамѣ, Варв. Сем. Миклашевичевой, родственницѣ А. А. Жандра, любившей ихъ обонхъ, какъ сыновей, и Грибоѣдовъ почти всегда говорилъ: «ну, Александръ, развязывай мѣшокъ, рассказывай!», потому что почти всегда было что-нибудь забавное.

Душою, центромъ всего театральнаго міра, — артистовъ, драматическихъ писателей и собственно театраловъ, былъ князь А. А. Шаховской, по преимуществу важный, какъ мы уже сказали, членъ дирекціи и самъ драматургъ-комикъ. О пріятныхъ вечерахъ его люди того времени вспоминаютъ съ невыразимымъ удовольствіемъ. «Всѣ мы очень любили театръ» — пишетъ Вѣгичевъ въ своей біографической запискѣ о Грибоѣдовѣ, — «часто его посѣщали и оканчивали вечеръ у князя Шаховскаго.... Хозяинъ былъ очень любезенъ, всегда веселъ и разговоръ его о всѣхъ предметахъ былъ занимателенъ и разнообразенъ. Но всего болѣе любилъ онъ говорить о литературѣ. Въ домѣ его встрѣчались разнообразныя и разнохарактерныя лица. Тутъ можно было видѣть и литератора, и артиста, и даровитаго актера, и шалуна-офицера,

(*) Посланіе это написано въ 1821 году, въ Тифлисѣ, и напечатано въ Москв. Телеграфѣ 1825 г. янв. № 2, стр. 118 и 119.

(**) Вслѣдствіи погибшей по несчастію 14 декабря 1825 г. Воспоминанію о немъ посвящено небольшое все проникнутое чувствомъ стихотвореніе Грибоѣдова, подписанное къ черновой его тетради буквами А. О.

Я дружбу илъ.... когда струна въ касался,
Твой геній надъ главою моею парилъ....

Оно напечатано во 2-й статьѣ моей о «Черновой» Грибоѣдова стр. 86. Къ этому-то князю Алек. Одоевскому, уже сосланному, Грибоѣдовъ писалъ изъ Петербурга (вѣроятно въ 1826 г.) и послалъ ему книгъ. Письмо это появилось въ первый разъ въ Москвитинѣ 1856 г., т. III, стр. 324. Памяти Одоевскаго Лермонтовъ въслѣдствіи посвятилъ это прелестное стихотвореніе:

«Я зналъ его: мы страстиновали съ нимъ
Въ горахъ Востока, и тоску изгнанья
Дѣлили дружно»....

а иногда и ученаго академика». Въ самомъ дѣлѣ у Шаховскаго собиралось все, что на ту пору было въ Петербургѣ умнаго, свѣжаго, живаго. На этихъ вечерахъ первенствовала Катерина Ивановна Ежова, комическая актриса, подруга князя, державшая своего любовника и начальника (общій каламбуръ того времени) въ *ежовыхъ* рукавицахъ».

Грибоѣдовъ, по крайней мѣрѣ по наружности, былъ съ Шаховскимъ въ хорошихъ отношеніяхъ и часто посѣщалъ его; когда же, по своему живому, склонному къ шуткѣ, часто переходившему въ меткую эпиграмму, характеру ссоривался съ Катериной Ивановной, то обыкновенно, по его же выраженію, *стрѣливалъ въ нее какими-нибудь трюпичными подаркомъ* — и сейчасъ же мирился.

Грибоѣдова любили всѣ за его умъ, остроту и совершенную незлобность и веселость. Какъ сильно умѣлъ онъ привязывать къ себѣ людей — мы увидимъ послѣ.

Теперь, отъ театральнаго міра, — самый близкій и естественный переходъ къ міру собственно-литературному.

Въ 1815 году, и въ обществѣ и въ литературѣ произошло сильное движеніе и рѣзкое раздѣленіе мнѣній изъ-за комедіи кн. Шаховскаго «Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды». Я не стану здѣсь подробно описывать всей этой, для насъ уже *древней*, хотя, конечно, и любопытной, какъ фактъ нашей прошлой литературной жизни, исторіи, всей этой довольно ожесточенной войны, въ которой участіе Грибоѣдова обнаружилось только слѣдующими, посланными имъ — когда брань изъ-за «Липецкихъ водъ» уже всѣмъ надоѣла, — въ «Сынѣ Отечества» стихами, немедленно же напечатанными съ юмористическими, въ духѣ того времени написанными, оговорками издателя:

ОТЪ АПОЛЛОНА.

На замѣчанье Фобъ даетъ,
Что отъ какихъ-то водъ
Парнаскій весь народъ
Шумитъ, причитъ и дѣло забываетъ,
И потому онъ объявляетъ,

Что толки всѣ о Липецкихъ водахъ
(Въ укору, въ похвалу, и въ прозѣ, и въ стихахъ)

Написаны и преданы тисненію
Не по его винушень! (*)

Въ 1816 году Катенинъ, съ которымъ Грибоѣдовъ былъ друженъ, напечаталъ въ «Сынѣ Отечества» вольный переводъ Бюргеровой баллады «Леонора» подъ названіемъ «Ольга» (**). Переводъ этотъ, со всей возможной привязчивостію, разбранилъ въ томъ же «Сынѣ Отечества» Гиддичъ, скрывавшійся

(*) «Сынъ Отеч. 1815 г. № XLV, стр. 266 и 267.

(**) Тамъ же, 1816 г. № XXIV, стр. 186.

подъ псевдонимомъ «Жителя Тентелевой деревни» (*). За Катенина вступился Грибоѣдовъ и напечаталъ, все въ томъ же журналѣ, антикритику, почти столько же привязчивую (**). Такова была критика стараго времени: придирка къ словамъ и грамматическимъ ошибкамъ, какъ замѣтилъ Пушкинъ, часто ей подвергавшійся (***).

Эта небольшая перебранка такъ и кончилась — ничѣмъ.

Наконецъ, въ 1817 году, задѣли въ литературѣ самого Грибоѣдова. Загоскинъ, въ то время авторъ нѣсколькихъ комедій и въ томъ числѣ «Комедіи противъ комедій или урока волокитамъ», писанной съ исключительной цѣлю—для защиты «Липецкихъ водъ» Шаховскаго, и безъ которой исторія изъ-за этихъ водъ была бы намъ непонятна, разбирая въ своемъ «Сѣверномъ Наблюдателѣ» представленіе комедіи Грибоѣдова «Молодые супруги», нашелъ, что въ этой пьесѣ встрѣчаются стихи дурные, шероховатые и совершенно неприличные дѣйствующимъ лицамъ, напр.

«Гдѣ нѣтъ взаимности, рождается огула».

«Ахъ! убѣгая разъ она домашней сѣни,
Тобою занята гораздо будетъ нечѣй».

«Внезапно кротость та пожертвована вздору, и проч.»

и выразился, что «читая подобные стихи, по неволѣ вспомнишь слова Мизантропа:

.....«Такіе, графъ, стихи
Противъ поэзіи суть такіе грѣхи» (****).

Искра попала въ порохъ, Грибоѣдовъ былъ не изъ числа тѣхъ людей, которыхъ затрогиваютъ безнаказанно. Загоскина же онъ не уважалъ ни какъ писателя, ни какъ человѣка, что видно изъ его писемъ къ Бѣгичеву. Нужно было осмѣять, скомпроментировать его,—и вотъ явилась небольшая рукописная пьеска, которую, какъ рѣдкость и живой отголосокъ своего времени, мы выписываемъ здѣсь вполнѣ:

ЛУБОЧНЫЙ ТЕАТРЪ.

Comptable de l'ennui, dont sa muse m'assomme,
Pourquoi s'est il nommé, s'il ne veut qu'on le nomme.

Эй! Господа!
Сюда, сюда!

(*) «Смѣхъ Отеч.» 1816 г. № XXVII, стр. 3—23.

(**) Тамъ же, № XXX, стр. 150—161.

(***) «Ев. Олѣгичъ», глава VIII, строка XLIX. Впрочемъ, никто такъ хорошо, двумя словами, не охарактеризовалъ журнальных перебранокъ стараго времени, какъ покойный Полевой: «какой-нибудь Трутовъ», говоритъ онъ, «напишетъ какой-нибудь «Всякой всячина». «Ахъ, ты дура», и та ему сейчасъ же въ отвѣтъ: «Самъ ты дуракъ», и дѣло съ концомъ (Моск. Телеск. 1827 г.).

(****) «Сѣверн. Наблюд.» 1817 г. № 15. Отдѣл. III. Театръ. Еженедѣльный репертуаръ, стр. 54, 55 и 56.

Для дѣловыхъ людей и праздныхъ
Есть тѣмъ у насъ оказій разныхъ,
Есть дикій человѣкъ, безрукая наганъ....
Взойдите къ намъ.
Добро понаблюдать.... Кто баринъ тароватый?
Исполте видѣть—вотъ
Рогатый, но рогатый,
И всякій скотъ.
Вотъ господина Загоскина,
Вотъ весь его причетъ:
Княгини и князини,
Князь Фольгинъ и князь Блесткинъ.
Они хотъ и спѣшимъ,
Да самъ за то умъ онъ—
Куда спѣшонъ!
Водиться съ нимъ — ей Богу, праздникъ!
Вотъ вамъ его *Проказникъ*;
Спроказилъ онъ не лонко: разъ указъ
Да и не всталъ,
Но авторъ таковыя приѣзды
Не научонъ грѣшить передъ партярономъ:
Проказитъ до сихъ поръ,—
Чтѣ видѣть и чтѣ слышать
Онъ обо всемъ исправно издоръ
И говорить и нишеть.
Вотъ *Богатоноевъ* вамъ! Особенно онъ милъ....
Богатъ чужинъ добромъ—все крадетъ, что находитъ .
Съ *Транжирина* кастанъ стащилъ
Да въ конъ и ходитъ.
А свѣтскій тонъ
Не только онъ
И вся его бесѣда
Пережали у буйнаго сосѣда.
Что жъ имъ?... Не умъ-то по донашъ?...
Умъ надобилъ намъ?
И кстати-ль?
Вотъ вамъ Загоскинъ — наблюдатель
Вотъ «Смѣхъ Отечества», съ нимъ вѣчный состязатель:
Одинъ напишетъ издоръ,
Другой на то разборъ,
А разобрать труднѣе
Кто изъ двоихъ глубже.
Что вы спѣтось, госнода?
Писцу наспѣшки не бѣда:
Онъ знаетъ многое спѣшное за собою,
Да умъ давно нахнулъ рукою,
Махнулъ перомъ — отдалъ съиграть,
А вы, поналуи, разсуждайте!
Махнулъ перомъ — отдалъ въ печать,
А вы читайте!

Говорятъ, что Грибоѣдовъ съ этой пѣской пріѣхалъ къ кому-то изъ журналистовъ за тѣмъ, чтобы ее напечатали. «Помилуйте А. С.,» отвѣчалъ журналистъ, «развѣ подобныя вещи печатаются? Это чистыя личности!» Оста-

важилось одно средство: распространить піеску въ рукописяхъ — и вотъ въ нѣсколько дней по Петербургу разошлись, черезъ знакомыхъ и знакомыхъ этихъ знакомыхъ, *тысяча* экземпляровъ «Лубочнаго театра». Сжатые, сиѣлые рѣзкіе стихи, — настоящіе предшественники стиховъ «Горе отъ ума», — легко удерживались у всѣхъ въ памяти. Сказываютъ, что стихъ: «Писцу насѣиша не бѣда», пришелся особенно солонъ.

Въ это время Грибоѣдовъ велъ жизнь разсѣянную, или, какъ выразился Бѣгичевъ, «по молодости лѣтъ веселую и разгульную» и много посѣщалъ общество, — то, что, по справедливому замѣчанію Лермонтова, называется *салтономъ*. Знавшіе его удивляются, какъ успѣлъ онъ написать тогда и ту малую-толику, которая имъ написана. «Съ его неистощимой веселостію и остротой» (слова записки Бѣгичева) «ездѣ, когда онъ попадалъ въ кругъ молодыхъ людей, онъ былъ ихъ душой». «Всегдашнее же наше и почти неразлучное общество составляли: Грибоѣдовъ, Жандръ, Катенинъ, Чепяговъ и я. Всѣ они, кромѣ меня, были въ душѣ поэты; всѣ много читали, знали хорошо европейскую литературу и отдавали преимущество романтикамъ. Въ дружескихъ бесѣдахъ, часто сообщали они другъ другу планы будущихъ своихъ сочиненій, но мало писали да и не имѣли времени для этого отъ служебныхъ своихъ занятій.» «Веселая и беззаботная тогда была жизнь наша!» восклицаетъ Бѣгичевъ. «Я при старости моей съ удовольствіемъ вспоминаю объ этомъ времени!»

И вдругъ, изъ этой умной, свѣжей, блестящей среды Грибоѣдовъ, перешедшій изъ военной службы въ вѣдомство иностранной коллегіи еще въ концѣ 1815 или въ началѣ 1816 года, — ѣдетъ въ Персію.

Ѣхалъ онъ туда неволей, чему неопровержимымъ доказательствомъ слѣдующія слова изъ письма его къ Бѣгичеву въ Москву, отъ 15 апрѣля 1818 года: «Однако, довольно поговорено о *Притворной неврности*; теперь объясню тебѣ непритворную мою печаль. Представь себѣ, что меня непременно хотятъ послать, куда бы ты думалъ?—въ Персію, и чтобъ жить тамъ. Какъ я ни отпѣкиваюсь, ничего не помогаетъ» (*).

Письмо это очень замѣчательно въ біографіи Грибоѣдова. Объяснивъ свою дѣйствительно непритворную печаль, онъ рассказываетъ весь бывшій у него разговоръ съ министромъ по поводу этого назначенія: «я объявилъ, что не рѣшусь иначе и то не навѣрно, какъ если мнѣ дадутъ два чина, тотчасъ при назначеніи меня въ Тегеранъ. Онъ поморщился, а я представлялъ ему со всевозможнымъ французскимъ краснорѣчіемъ, что жестоко было бы мнѣ цвѣтушія лѣта мои провести между дикообразными Азіатцами, въ добровольной ссылкѣ, на долгое время отлучиться отъ друзей, отъ родныхъ, отказаться отъ литературныхъ успѣховъ, которыхъ я здѣсь въ правѣ ожидать, отъ всякаго общенія съ просвѣщенными людьми, съ пріятными женщинами, которымъ я самъ могу быть пріятнымъ.... словомъ, *невозможно мнѣ собою пожертвовать безъ хотя нѣсколько соразмѣрнаго возмездія*.» «Вы въ уединеніи усовершенствуете ваши дарованія». Нисколько, В. С.! музыканту

(*) Письма, изд. Общ. Люб. Росс. Слов. стр. 8.

и поэту нужны слушатели, читатели: их нѣтъ въ Персіи.... *Всего забавнѣе, что я ему твердилъ о томъ, какъ сроду не имѣлъ ни малѣйшихъ видовъ честолюбія, а между тѣмъ за два чина предлагала себя въ полное его распоряженіе.*

Двухъ чиновъ ему не дали, а только одинъ, слѣдующій, титулярнаго совѣтника.

Вотъ что нужно здѣсь разобрать и прибавить:

Грибоѣдову нельзя было не дорожить службой. На это было нѣсколько причинъ: во 1-хъ выйти, безъ всякой опредѣленной цѣли, изъ службы чуть-чуть не тѣмъ чиномъ.

Во 2-хъ, хозяйственныя дѣла его матери начали въ это время уже разстроиваться: жизнь въ Москвѣ, въ самомъ лучшемъ кругу, а особенно воспитаніе дѣтей, ей дорого стоили.

Была еще причина, которая такъ сказать толкала въ это время Грибоѣдова изъ Петербурга. Я не могу здѣсь умолчать о ней, какъ потому, что, по не-предложному свидѣтельству біографической записки Бѣгичева, тѣ обстоятельства, которыя я сейчасъ опишу, были дѣйствительно для Грибоѣдова одною изъ побудительныхъ причинъ къ отъѣзду, такъ и потому, что они во многомъ поясняютъ и личный его характеръ и духъ его времени и общества.

Бѣгичевъ въ запискѣ своей говорить весьма коротко объ этихъ обстоятельствахъ, но я вполнѣ, подробно знаю ихъ отъ другихъ лицъ, бывшихъ близкими Грибоѣдову.

Читатель, можетъ быть, знаетъ по преданію, или по крайней мѣрѣ изъ стиховъ Пушкина, что такое за очаровательное, за прелестное созданіе была въ то время, о которомъ я говорю, извѣстная танцовщица Истомина.

Само собою понимается, что у Истоминой поклонниковъ и обожателей было—видимо-невидимо. Счастливѣйшимъ былъ нѣкто Вас. Александр. Шереметевъ, однополчанинъ Бѣгичева, кавалергардскій офицеръ, молодой человекъ очень любезный, съ отлично-добрымъ и благороднымъ сердцемъ: онъ жилъ съ Истоминой въ одномъ домѣ и даже больше на ея счетъ, потому что Истомина, какъ первая танцовщица, получала хорошія деньги и жила хорошо. Жили они совершенно по-супружески и даже иногда, къ близкимъ знакомымъ, какъ напр. къ князю Шаховскому, выѣзжали вмѣстѣ. Любилъ ее Шереметевъ со всѣмъ безуміемъ страсти, стало быть и съ ревностію. Несмотря на это, онъ часто съ ней ссоривался, какъ нарочно, поссорился съ ней передъ роковымъ для себя днемъ и уѣхалъ отъ нея.

Бѣгичевъ былъ въ это время въ Москвѣ. Грибоѣдовъ, жившій сперва съ нимъ, жилъ потомъ съ графомъ Завадовскимъ.

Можетъ быть, графъ Завадовскій имѣлъ прежде на Истому какіе-нибудь виды, но долженъ былъ уступить счастливому сопернику; Грибоѣдовъ же, не имѣвшій на нее ровно никакихъ, пригласилъ ее, какъ то разъ, послѣ спектакля, къ себѣ пить чай. Онъ самъ бывалъ у Истоминой довольно часто, какъ другъ, какъ близкій знакомый. Истомина согласилась, но, зная, что Шереметевъ за ней подсматриваетъ и, не желая вводить его въ искушеніе и лиш-

ній гнѣвъ, сказала Грибоѣдову, что не поѣдетъ съ нимъ виѣсть изъ театра, а назначила ему мѣсто, гдѣ съ ней сейчасъ же послѣ спектакля встрѣтятся— первую, такъ называемую Суконную линію гостиннаго двора, на этотъ разъ, разумѣется, совершенно пустынную, потому что дѣло было ночью. Такъ все и сдѣлалось: она вышла изъ театральной кареты противъ назначеннаго мѣста, встрѣтилась съ Грибоѣдовымъ и уѣхала къ нему. Шереметевъ, наблюдавшій издалика, все это видѣлъ. Слѣдуя за салями Грибоѣдова, онъ вполнѣ убѣдился, что Истомина пріѣхала съ кѣмъ-то въ квартиру графа Завадовскаго; послѣ же, очень просто, черезъ людей, могъ узнать, что этотъ «кто-то» былъ Грибоѣдовъ. Вздонованный, взбѣшенный Шереметевъ бросился къ своему пріятелю Якубовичу съ вопросомъ: «что дѣлать?» Якубовичъ (*) былъ лично храбрый, но безпокойный человекъ, съ довольно страннымъ, какъ это сейчасъ и докажется, взглядомъ на нныя вещи. «Что дѣлать,» — отвѣчалъ онъ — «это очень понятно: драться, разумѣется, надо. Но теперь вопросъ въ томъ: какъ и съ кѣмъ? Возлюбленная твоя была у Завадовскаго, — это разъ, но привезъ ее туда Грибоѣдовъ, — это два; стало быть, тутъ два лица, требующія пули, а изъ этого выходитъ, что для того, чтобы никому не было обидно, мы, при сей вѣрной оказіи, составимъ un parti saigné: ты стрѣляйся съ Грибоѣдовымъ, а я на себя возьму Завадовскаго. Логика, какъ изволите видѣть, своего рода, съ своимъ «закономъ достаточнаго основанія.» Шереметевъ и Якубовичъ пріѣхали къ Грибоѣдову и Завадовскому, и Шереметевъ Грибоѣдова вызвалъ. «Нѣтъ, братецъ,» — отвѣчалъ Грибоѣдовъ, — «я съ тобой стрѣляться не буду, потому что, право, не за что, а вотъ, если угодно Александру Ивановичу (Якубовичу), такъ я къ его услугамъ.» Parti saigné устроилось: Шереметевъ долженъ былъ драться съ Завадовскимъ, а Грибоѣдовъ съ Якубовичемъ. Барьеръ назначенъ былъ на 18 шаговъ, съ тѣмъ, чтобы противникамъ пройти по 6, и тогда стрѣлять. Первая очередь была первыхъ лицъ, т. е. Шереметева и Завадовскаго. Когда они стали съ крайнихъ предѣловъ барьера сходить на ближайшіе, графъ Завадовскій, который былъ отличный стрѣлокъ, шелъ тихо и совершенно покойно. Хладнокровіе лн Завадовскаго взбѣсило Шереметева, или чувство ревности и злобы пересилило въ немъ разсудокъ, только онъ, что называется, не выдержалъ и выстрѣлилъ въ Завадовскаго, еще не доходя до барьера. Пуля пролетѣла такъ близко, что оторвала часть воротника у сюртука, у самой шеи... Тогда, что очень понятно, чувство злобы овладѣло Завадовскимъ. «Ah! — сказалъ онъ — «il en voulait à ma vie, — à la barrière.» Дѣлать было нечего, Шереметевъ подошелъ. Нѣкоторые изъ бывшихъ при дуэли стали потихоньку просить Завадовскаго, чтобы онъ пощадилъ жизнь Шереметева. «Я буду стрѣлять въ ногу» — отвѣчалъ онъ. Шереметевъ вслушался въ эти переговоры и сказалъ ему: «ты долженъ убить меня, или, рано или поздно, я тебя убью.» Завадовскій выстрѣлилъ. Ударъ былъ смертельный, — пуля пробила бокъ, прошла черезъ животъ, только не на вылетъ, и остано-

(*) Это тотъ самый Якубовичъ, о которомъ баронъ Корезъ говоритъ въ своей книгѣ о вступленіи на престолъ Императора Николая Павловича.

вылась въ другомъ боку. Шереметевъ упалъ навзничъ и «сталъ нырять по снѣгу, какъ рыба,» — подлинное выраженіе докт. Іона, очевидца дуэли, тоже разказывавшаго мнѣ, какъ и другія лица, всѣ эти подробности. «Вотъ тебѣ, Вася, и рѣзка!» прехладнокровно сказалъ тогда Шереметеву бывшій тутъ же нѣкто Каверинъ, лицо замѣчательное и характерно-тишическое въ отношеніи къ своему времени, — который, будучи адъютантомъ Беннингсена, до того проказилъ въ Гамбургѣ, что былъ цѣлому городу и околodку извѣстенъ подъ именемъ *краснаго мусара*. Якубовичъ извинился передъ Грибоѣдовымъ, что имъ теперь стрѣляться невозможно, потому что онъ долженъ отвезти Шереметева домой. Они отложили свои расчеты до первой возможности. Однако, эта возможность имъ въ Петербургѣ уже не представилась. Отецъ Шереметева, зная довольно безпорядочную жизнь сына, просилъ государя Александра Павловича простить всѣхъ принимавшихъ участіе въ дуэли. Всѣ были прощены, кромѣ Якубовича, главнаго зачинщика дѣла, — его сей часъ же арестовали и потомъ выписали изъ гвардіи тѣмъ же чиномъ въ армію и, прямо изъ подъ ареста, послали служить на Кавказъ. Судьба хстѣла, чтобъ они встрѣтились съ Грибоѣдовымъ въ этомъ отдаленномъ краю, да еще на самыхъ первыхъ порахъ пріѣзда Грибоѣдова, чуть ли не на лѣстницѣ гостиницы. Вспомнили о расчетахъ и стрѣлялись. Ермоловъ только нѣсколькими минутами не успѣлъ предупредить дуэли, пославши арестовать обонхъ. Грибоѣдовъ, также какъ и Шереметевъ, не выдержалъ и выстрѣлить не дошедши до барьера. Якубовичъ стрѣлялъ отлично и послѣ разказывалъ, что не имѣлъ на жизнь Грибоѣдова ни малѣйшихъ покушеній, а только хотѣлъ, въ знакъ памяти, лишить его руки. Дѣйствительно, пуля попала Грибоѣдову въ ладонь лѣвой руки около большого пальца, но, по связи жилъ, ему свело мизинецъ и это, впоследствии, мѣшало ему, музыканту, играть на фортепіано. Ему нужна была особая аппликатура. Только по этому сведенному мизинцу и узнали, въ грудѣ другихъ тѣлъ, трупъ его послѣ истребленія нашего посольства персидской чернью 30 января 1829 года. (*)

Шереметевъ жилъ послѣ дуэли три дня. «Я былъ въ это время въ отсутствіи», пишетъ Бѣгичевъ, «и Грибоѣдовъ писалъ ко мнѣ въ Москву, что на него нашла ужасная тоска, что онъ безпрестанно видитъ передъ собой умирающаго Шереметева и пребываніе въ Петербургѣ сдѣлалось ему невыносимымъ. Въ продолженіи этого времени познакомился съ нимъ замѣчательный по уму своему Мазаровичъ. Онъ былъ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Персіи и предложилъ Грибоѣдову ѣхать съ нимъ секретаремъ посольства.

(*) Мар. Серг. увирила меня, что тѣло ея брата нѣтъ въ Тифлисѣ, что узнать его между мертвыми не было возможности, а потому положили въ гробъ перваго попавшагося и, съ разными почестями, привезли въ русскія владѣнія. Это совершенно опровергается слѣдующими словами изъ письма ко мнѣ отъ 7 мая 1857 г. вдовы Грибоѣдовой, Нины Александровны, которой, конечно, дѣло было извѣстнѣе, чѣмъ кому либо другому: «Слухи, дошедшіе до Марьи Серг., что тѣло А. С. не было найдено, несправедливы. Я знаю отъ людей вѣрныхъ, которые сопровождали его гробъ, что тѣло его доставлено въ Тифлисъ. Правда, говорили, что по лицу узнать его было нельзя, но онъ былъ узнаваем по мизинцу, сведенному отъ раны на дуэли».

Я возвратился изъ Москвы за нѣсколько дней до ихъ отправленія и горестно было наше разставаніе!!»

Грибоѣдовъ выѣхалъ изъ Петербурга 30 августа 1818 года. Теперь легко прослѣдить весь путь его до самаго Тегерана, съ разными неизбѣжными путевыми впечатлѣніями, по письмамъ его къ Бѣгичеву и по бумагамъ, найденнымъ въ его «Черновой тетради,» но я не сдѣлаю этого уже потому, что оба матеріала напечатаны. Гораздо любопытнѣе намъ то, что относится собственно къ внутренней, духовной, умственной его жизни въ это время и къ служебной его дѣятельности.

Предсказанію министра, видно, суждено было сбыться. Грибоѣдовъ страшно скучалъ во владѣніяхъ Средоточія вселенной, царя царей, *въ этой мучимой землѣ, Персіи*, какъ онъ ее называетъ, но жизнь его тамъ ознаменовалась значительными успѣхами въ интеллектуальномъ его развитіи: «Трехлѣтнее, если не ошибаюсь,» говоритъ Бѣгичевъ, — «его пребываніе въ Персіи и уединенная жизнь въ Таврисѣ (*) сдѣлали Грибоѣдову большую пользу. Сильная воля его укрѣпилась, вседневное его любознаніе не имѣло уже преградъ и разсѣяній. Онъ много читалъ по всѣмъ предметамъ, по всѣмъ отраслямъ наукъ и много учился. Способность его къ изученію языковъ была необыкновенная: онъ совершенно узналъ персидскій языкъ, прочелъ всѣхъ персидскихъ поэтовъ и самъ могъ писать стихи на этомъ языкѣ. Началъ онъ также учиться и санскритскому языку, но ученія этого не кончилъ».... «Ты видишь,» — пишетъ Грибоѣдовъ къ Катенину изъ Тавриса въ февралѣ 1820 года, исчисляя разные задуманные Аббасъ-Мирзой преобразованія, — «что и здѣсь въ умахъ потрясеніе. Землетрясеніе всего чаще. Хоть-то хорошо, коли о здѣшнемъ городѣ сказать «пропались онъ совсѣмъ», такъ точно иной разъ провалится. *Не воображай меня, однако, слишкомъ жалкимъ. Къ моей скукѣ я умѣлъ примѣшать разнообразіе, распредѣляя часы: скучаю попеременно то съ Лугатомъ Персидскимъ, за который не принимался съ сентября, то съ дѣловыми бездѣльями, то въ разговорахъ съ товарищами. Веселость утрачена, не пишу стиховъ; можетъ и творилъ бы, да читать некому, сотруженики не Русскіе!» (**)»*

Грибоѣдовъ пріобрѣлъ уваженіе англійской миссіи и, что всего важнѣе, полное расположеніе, можно сказать, дружбу такого, во всякомъ случаѣ замѣчательнаго человѣка, какимъ былъ наслѣдный принцъ Аббасъ-Мирза. Уже одно то, что принцъ могъ слушать умныя рѣчи на своемъ родномъ языкѣ, привязывало его къ Грибоѣдову. Кромѣ того, Грибоѣдовъ былъ музыкантъ. Принцъ до того любилъ бывать вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ, что часто, какъ говорилъ мнѣ Бѣгичевъ, мѣшалъ ему заниматься.

Какая же, спросимъ, есть возможность предположить, чтобы Мазаровичъ, уму котораго отдають справедливость всевозможныя свидѣтельства —

(*) «Посланный нашъ только по временамъ ѣздилъ въ Тегеранъ, ко двору шаха, но жилъ всегда въ Таврисѣ, при тогдашнемъ наслѣдникѣ престола Аббасъ-Мирзѣ, любимомъ сынѣ шаха и правителѣ Персіи.» Прил. С. Н. Бѣгичева.

(**) «А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія.» Изд. Сергеевскаго. Спб. 1858, стр. 39.

печатныя, письменныя и устныя—самъ выбралъ себѣ въ секретаря посольства человѣка, который не только не принесъ бы ему никакой пользы, но еще могъ его компрометировать своимъ незнаніемъ дѣла или неспособностію привыкнуть къ дѣлу? Какъ же такъ ошибался министр, настаивавшій, несмотря на всѣ отговорки Грибоѣдова, чтобы онъ ѣхалъ въ Персію? Какъ же Ермоловъ, человѣкъ не только прямой, но крутой, который ни съ кѣмъ не любилъ церемониться, не только не посовѣтовалъ Мазаровичу избавиться отъ секретаря, бумаги котораго возбуждаютъ смѣхъ въ канцеляріи главнокомандующаго, но послѣ взявъ этого секретаря на службу къ себѣ, по дипломатической части? Какое можно дать вѣроятіе тому, что Грибоѣдовъ, съ его умомъ и громадными дарованіями, человѣкъ, знавшій всѣ главные европейскіе языки и такъ скоро выучившійся восточному (а это потрудиѣ), Грибоѣдовъ,—черезъ какіе-нибудь 5—6 лѣтъ главное дѣйствующее лице при заключеніи туркманчайскаго трактата и авторъ «Горе отъ ума», не могъ справиться съ такой бѣдной, жалкой вещицею, какъ познаніе канцелярскихъ формъ?

Блестящее и вполне неоспоримое доказательство того личнаго вліянія и служебнаго уваженія, какимъ пользовался Грибоѣдовъ въ Персіи, есть возвращеніе въ отечество слишкомъ ста человѣкъ русскихъ, жившихъ въ Персіи. Можно ли было это сдѣлать безъ силы и вліянія? Грибоѣдовъ получилъ за это послѣ замѣчаніе отъ начальства, потому что, со служебной точки зрѣнія, вмѣшался не въ свое дѣло,—однако дѣло было сдѣлано. Всего замѣчательнѣе то, что какъ ни недоволенъ былъ этимъ народъ, но дѣло было ведено такъ умно и ловко, что не только не ослабило расположенія къ Грибоѣдову наслѣднаго принца, несмотря на бывшій у нихъ изъ-за этихъ русскихъ очень крупный разговор (*), но шахъ еще пожаловалъ ему орденъ Льва и Солнца. И это сдѣлалъ человѣкъ, бесполезный для службы, человѣкъ, не умѣвшій написать путной канцелярской бумаги!

Въ февралѣ 1822 года Грибоѣдовъ оставилъ персидскую нашу миссію и перешелъ на службу къ Ермолову. Съ нимъ онъ былъ во многихъ экспедиціяхъ, какъ это доказываетъ его дневникъ въ «Черновой тетради». Въ мартѣ 1823 года онъ, къ общей радости своихъ друзей, особенно же Бѣгичева, пріѣхалъ въ Москву; въ іюнѣ 1824 г. былъ въ Петербургѣ, собирався за границу, но не поѣхалъ, и только осенью 1825, какъ надо думать, въ октябрѣ; черезъ Крымъ, который ему давно хотѣлось видѣть, вернулся въ Грузію. Въ февралѣ (**) 1826 года за нимъ, — вслѣдствіе происшествій 14 декабря 1825 г.,—прискакалъ изъ Петербурга курьеръ и онъ былъ взятъ, тоже во время одной экспедиціи, въ Екатериноградской станицѣ.

У Бѣгичева, въ запискѣ его, нѣтъ никакого свидѣтельства объ этомъ періодѣ жизни Грибоѣдова, но я сохранилъ все, мною слышанное, и передаю эти извѣстія публикѣ.

(*) «Русс. Слово» 1869 г. 1 ст. о Черн. тетр. Гриб. стр. 49 и 50.

(**) По единогласному, записанному мной, показанію С. Н. Бѣгичева и докт. Юна.

Грибоѣдовъ собственно не принадлежалъ къ заговору, не только не принималъ въ немъ дѣятельнаго участія, — то занятый своей комедіей, то любовью къ хорошенькой танцовщицѣ Телешевой, *вскружившей*, какъ самъ говорилъ, *ему голову* (*), то странствуя по Крыму, то въ отдаленномъ Тифлисѣ или въ экспедиціяхъ на дикомъ Кавказѣ,—уже потому не принадлежалъ, что не вѣрилъ въ счастливый успѣхъ его. «Сто человекъ пропорціковъ», часто говорилъ онъ, смѣясь, «хотятъ измѣнить весь государственный бытъ Россіи!» Но онъ зналъ о заговорѣ, можетъ быть даже сочувствовалъ желанію нѣкоторыхъ переимѣнъ, былъ знакомъ съ большей частію заговорщиковъ, и съ нѣкоторыми—въ перепискѣ. Это-то знакомство и было причиной того, что его «потянули», какъ онъ послѣ выразился въ едва ли кому неизвѣстномъ четверостишіи, которое неудобно печатать. Тутъ Ермоловъ оказалъ ему услугу важную....

Но прежде необходимо прослѣдить самыя мнѣнія Грибоѣдова объ Ермоловѣ и отношенія къ нему до той минуты, какъ пришлось Грибоѣдову прокатиться въ Петербургъ съ курьеромъ.

Вездѣ, гдѣ Грибоѣдовъ ни говоритъ объ Ермоловѣ, онъ говоритъ о немъ съ величайшимъ, и притомъ не съ холоднымъ, но съ полнымъ самаго искренняго сочувствія уваженіемъ, съ удивленіемъ къ не совсѣмъ обыкновенной и нравственной и физической организаціи этого въ высокой степени замѣчательнаго человека. Вотъ слова его объ Ермоловѣ послѣ перваго же его пребыванія въ Тифлисѣ, на пути въ Персію съ Мазаровичемъ отъ 29 января 1819 г., въ письмѣ къ Бѣгичеву, которое можетъ быть никогда не было послано, по-крайней-мѣрѣ его нѣтъ между письмами ему принадлежащими: «Алексѣй Петровичъ, прощаясь со мной, объявилъ, что я повѣса, однако прибавилъ, что совсѣмъ тѣмъ прекрасный человекъ. Увы, ни въ томъ, ни въ другомъ не сомнѣваюсь. *Кажется, что онъ меня полюбилъ, а впрочемъ въ этихъ тризвѣздныхъ особахъ не трудно ошибиться; въ глазахъ у нихъ всякому хорошо, кто имъ сказками прогоняетъ скуку; что-то впередъ будетъ! Есть одно обстоятельство, которое покажетъ, дорожитъ ли онъ людьми. Я передъ тѣмъ, какъ садиться на лошадь, сказалъ ему: «Ne vous sacrifiez pas, Excellence, si jamais vous faites la guerre à la Perse.» Онъ разсмѣялся, сказать, что это странная мысль. Ни чуть не странная! Ему дано право объявлять войну и миръ заключать: вдругъ придетъ въ голову, что наши границы не довольно опредѣлены со стороны Персіи и пойдеть ихъ расширять по Араксъ! А съ нами тогда что будетъ? Но, что это за славный человекъ! Мало того, что уменъ, нынче въ умны, но совершенно по-русски, на все ходенъ, не на одни великія дѣла, не на однѣ мелочи,*

(*) Это была и довольно занимательная исторія, о которой я здѣсь, однако, ничего не буду говорить, кромѣ того, что соперникомъ Грибоѣдова, не менѣ счастливимъ, былъ тогдашній генералъ-губернаторъ Петербурга, графъ Шилородовичъ, «chevalier bayard», какъ называлъ его Грибоѣдовъ. Все это, впрочемъ, не шло на добродушное согласіе и Грибоѣдовъ вѣстѣ съ Шилородовичемъ ѣздили осматривать Петербургъ послѣ наводненія 7 ноября 1824 года.

замѣть это. Притомъ тѣмъ краснорѣчія, а не нынѣшнее отрывчатое, несвязное, наполеоновское риторство: его слова хоть сейчасъ положить на бумагу. Любитъ мною говорить, однако позволяетъ говорить и другимъ; иногда (кто безъ ирѣхи?) мною толкуется о вещахъ, которыя мало понимается, однако и тогда, если не убѣдится, все-таки заставляетъ себя слушать. Эти случаи мнѣ очень памятные, потому что я съ нимъ часто спорилъ, разумѣется о томъ, въ чемъ я твердо былъ увѣренъ, иначе бы такъ не было: однако, ни разу не переспорилъ; можетъ быть исправилъ. Я его видѣлъ каждый день, по нѣсколькимъ часамъ проводилъ съ нимъ вмѣстѣ, и въ удобное время, чтобы его нѣсколько узнать.... Въ немъ нѣтъ этой глупости, которую нынче выдаютъ за что-то умное, а именно, что поутру неприступенъ, а впрочемъ готовъ къ услугамъ; онъ всегда одинаковъ, всегда пріятенъ, и вотъ странность: тѣхъ даже, коимъ не уважается, умѣетъ къ себѣ привлечь.... Якубовичъ, на котораго онъ сердится за меня и на глаза къ себѣ не пускаетъ, безъ ума отъ него.... Не при немъ здѣсь быть бунту! Надо видѣть и слышать, когда онъ собираетъ здѣшнихъ или по-ту-сторону Кавказа кабардинскихъ и прочихъ князей; при помощи наметанныхъ драгомановъ, которые слова его не смѣютъ проронить, какъ онъ пугаетъ грубое воображеніе слушателей палками, висѣлицами, всякаго рода казнями, пожарами; это на словахъ, а на дѣлѣ тоже смиряетъ оружіемъ ослушниковъ, вѣшаетъ, жжетъ ихъ села—что же дѣлать? По законамъ я не оправдываю нинихъ его самовольныхъ поступковъ, но вспомни, что онъ въ Азіи,—здѣсь ребенокъ хватается за ножъ. А, право, добра; сколько, мнѣ кажется, премятныхъ чувствъ, или я уже сдѣлался совсѣмъ панегиристомъ.... Въ послѣдній разъ, на балѣ у Мадатова, я ему рассказывалъ петербургскіе слухи о томъ, что Горцы у насъ вырѣзали полкъ. И онъ, впрочемъ, радъ, чтобы это такъ случилось. «Чего, братецъ, мнѣ хочется отъ меня? Я забрался въ такую даль и глушь; предоставляю мнѣ всѣ почести, себѣ одни труды, никому не мѣшаю, никому не завидую. Montrez moi mon vainqueur et je songe l'embrasser» (*). «Грибоѣдовъ», говоритъ Бѣгичевъ въ своей запискѣ, — «писалъ мнѣ изъ Грузіи: нашъ кавказскій проконсулъ изантскаго ума и послѣ нѣсколькихъ разъ повторялъ мнѣ лично тоже». Наконецъ, вотъ что пишетъ Грибоѣдовъ къ Бѣгичеву изъ Екатериноградской станицы отъ 7 декабря 1825 г., стало быть черезъ шесть лѣтъ послѣ вышеприведеннаго письма и не задолго до того, какъ его взяли: «На счетъ Алек. Петр. объявляю тебѣ, что онъ умнѣе и свособычливѣе, чѣмъ когда-либо. Удовольствіе быть съ нимъ покупаю смертельною скукою во время виста; уйдти некуда, всѣ стѣснены въ одной комнатѣ; но потомъ за ужинаемъ, и послѣ до глубокой ночи разговаривая, оригиналенъ и необыкновенно пріятенъ. Нынче, съ тѣхъ поръ, какъ мы вмѣстѣ, я еще болѣе дивлюсь его сложенію

(*) -Русс. Слово. 1869 г. № 4 -Чернов. тетр. Грив. ст. 1, стр. 16, 17 и 18. Кажется, никогда не было писано болѣе полной и вѣрной характеристики Ермолова, какъ эта, о которой Грибоѣдовъ, вѣроятно, думалъ, что она никогда не будетъ напечатана.

тѣлесному и нравственному. Безпрестанно сидитъ и не знаетъ почему, окруженъ служащими и не спитъ.»

И Ермоловъ цѣнилъ Грибоѣдова по достоинству. Думаемъ, что и не могло быть иначе въ отношеніи къ человѣку, о которомъ меткій на-слово Пушкинъ сказалъ: «Это одинъ изъ самыхъ умныхъ людей въ Россіи. Любопытно послушать его» (*). Отчего, напримѣръ, въ одно и тоже время Ермоловъ Якубовича терпѣть не могъ и даже на глаза къ себѣ не пускалъ, а съ Грибоѣдовымъ, какъ видно, обращался очень ласково? Біографическая записка Бѣгичева положительно удостовѣряетъ, что Грибоѣдовъ пользовался благо-расположеніемъ Ермолова (пусть выраженіе это стариковское, но свидѣтельство-то несомнѣнно!). Онъ,—что правда, то правда,—могъ быть не существенно необходимъ Ермолову по дѣламъ собственно служебнымъ, какъ потому, что отношенія наши къ Персіи довольно долгое время представляли совершенный застой, такъ, въ особенности, потому что люди, какъ Ермоловъ, любятъ все дѣлать сами, *своеобычливы* и не терпятъ совѣтовъ и указаній.

Этой несущественной служебной необходимостію легко объясняется и продолжительный отпускъ Грибоѣдова — съ марта 1823 по октябрь 1825 года. Стало-быть ему тамъ нечего было дѣлать, когда онъ самъ говорить, что «навизывался Ермолову въ разныя экспедиціи противъ Горцевъ» (**).

Грибоѣдовъ не ошибся въ томъ, что Ермоловъ полюбилъ его: конечно, нигдѣ столько не выказалось это расположеніе, какъ въ той услугѣ, о которой, не объясняя ее, только намекаетъ Д. В. Давыдовъ, прибавляя, что подобную Грибоѣдовъ могъ ожидать только отъ роднаго отца. Совершенная правда. Теперь, черезъ столько времени и, главное, когда ни Ермолова, ни Грибоѣдова уже нѣтъ въ живыхъ, можно, думаю, говорить о дѣлѣ прямо.

Конечно, *Ермоловъ*—не для всякаго бы это сдѣлать....

Курьеръ, прискакавшій за Грибоѣдовымъ въ Екатериноградскую станицу, засталъ Ермолова за ужиномъ съ обычнымъ его обществомъ. Получивъ депешу, Ермоловъ вышелъ въ другую комнату прочитатъ ее и сейчасъ позвалъ туда Грибоѣдова. «Ступай домой и сожги все что можетъ тебя компрометировать», сказалъ онъ. «За тобой прислали и я могу дать тебѣ только часть времени». Грибоѣдовъ ушелъ и, послѣ назначеннаго срока, Ермоловъ пришелъ арестовать его со всей толпой — съ начальникомъ штаба и адъютантами. Часть бумагъ Грибоѣдова была въ крѣпости Грозной, — Ермоловъ далъ предписаніе коменданту взять ихъ и вручить курьеру.

Здѣсь, хотя эпизодически, но по необходимости должно сказать слѣдующее: Грибоѣдовъ, какъ свидѣлствуютъ о немъ *все* лица, его знавшія, имѣлъ рѣдкую, почти необыкновенную способность привлекать, привязывать къ себѣ людей. «Противъ очарованія его характера», говорила мнѣ сестра его, «устоять было нельзя; знать и не любить его было невозможно. Даже самъ

(*) «Горе отъ ума», изд. Кс. Полевого, 1839 г. «О жизни и сочин. А. С. Грибоѣдова», стр. ХLI.

(**) Письма изд. Общ. Люб. Росс. Слов.

Загоскинъ сказалъ ему: «ты мой злодѣй, а я все-таки тебя люблю». Сослуживцы Грибоѣдова отпустили курьера съ слѣдующимъ ему наказомъ, — чтобы онъ довезъ Грибоѣдова до Петербурга цѣла и сохранна, или никогда бы въ ихъ сторону не показывался, *ибо сіе можетъ быть ему вредно....* Такъ говорили мнѣ Бѣгичевъ и Іонъ.

Бумаги въ Грозной взяли, наконецъ пріѣхали въ Москву.

«Грибоѣдовъ», рассказывалъ мнѣ еще въ 1841 году Ст. Ник. Бѣгичевъ, «чтобы не испугать меня, проѣхалъ прямо въ домъ брата моего, Дмитрія Никитича, въ Старой-Конюшенной, въ приходѣ Пятницы-Божедомской. Въ этотъ самый дощъ у меня былъ обѣдъ: родные съѣхались провожать брата жены моей А. И. Барышникова, возвращавшагося изъ отпуска на службу. Дм. Никит. долженъ былъ обѣдать у меня же. Ждали мы его, ждали и наконецъ сѣли за столъ. Вдругъ мнѣ подають отъ брата записку такого содержанія: «Если хочешь видѣть Грибоѣдова, пріѣзжай: онъ у меня.» Я, ничего не подозрѣвая, на радостяхъ, сказалъ эту вѣсть во всеуслышаніе. Родные, зная мои отношенія къ Грибоѣдову, сами стали посылать меня на это, такъ неожиданно приспѣвшее, свиданіе. Я отправился.

«Вхожу въ кабинетъ къ брату, — накрытъ столъ; сидятъ и обѣдаютъ: Грибоѣдовъ, братъ и еще какая-то безволосая фигурка въ курьерскомъ сюртукѣ».

«Увидалъ я эту фигурку и меня обдало холоднымъ потомъ».

«Грибоѣдовъ смекнулъ дѣло и сейчасъ же нашелся. «Что ты смотришь на него?» сказалъ онъ мнѣ. Или думаешь, что это.... такъ.... просто, курьеръ? Нѣтъ, братецъ, ты не смотри, что онъ курьеръ — онъ происхожденія знатнаго: это испанскій грандъ *донъ Лиско Пальшиворс ди Париченца?*

«Этотъ фарсъ разсмѣшилъ меня и показалъ въ какихъ отношеніяхъ пахотился Грибоѣдовъ къ своему тѣлохранителю. Мнѣ стало нѣсколько легче.

«Отобѣдали, говорили. Грибоѣдовъ былъ веселъ и совершенно покоенъ. «А что, братецъ, сказалъ онъ тѣлохранителю, — «вѣдь у тебя здѣсь родные; ты бы съѣздилъ повидаться съ ними». Тѣлохранитель былъ очень радъ, что Грибоѣдовъ его *отпускаетъ* и сейчасъ уѣхалъ».

«Первымъ моимъ вопросомъ Грибоѣдову было выраженіе удивленія какими судьбами и по какому праву распоряжается онъ и временемъ, которое уже не принадлежало ему и особою своего тѣлохранителя. «Да что!» отвѣчалъ онъ мнѣ — «я сказалъ этому господину, что если онъ хочетъ довезти меня живаго, такъ пусть дѣластъ то, что мнѣ угодно. *Не радость же мнѣ въ тюрьму ѣхать!*

«Грибоѣдовъ пріѣхалъ въ Москву около 4 часовъ пополудни и выѣхалъ въ 2 часа ночи (*).

(*) «Гдѣ вы были въ это время?» обратился я, слушая этотъ рассказъ, къ находившемуся тутъ же доктору Іону. «Въ Москвѣ, но я не видалъ Грибоѣдова. Онъ оставалъ мнѣ записку, просилъ предупредить мать и сестру, чтобы они не пугались этого дѣла, потому что онъ самъ его не боится. «Гдѣ же записка?» У меня ее украли съ цѣлымъ сумдуконъ книгъ».

«На третій день я отправился къ Настасьѣ Ѳеодор. (матери Гриб.), и та съ обыкновенной своей заносчивостію, съ первыхъ же словъ, начала ругать сына на чемъ свѣтъ стоитъ: и карбонарій-то онъ, и вольнодумецъ и проч. и проч.

Проѣздомъ черезъ Тверь, какъ я узналъ отъ него послѣ, онъ опять остановился: у тѣлохранителя оказалась тамъ сестра, къ которой они и вѣхали. Грибоѣдовъ, войдя въ комнату, увидалъ фортепіано и, — глубокій музыкантъ въ душѣ, — не вытерпѣлъ и сѣлъ къ нему.... Девять битыхъ часовъ его не могли оторвать отъ инструмента!

«По приѣздѣ въ Петербургъ, курьеръ привезъ его въ главный штабъ и сдать и его и пакетъ дежурному офицеру. Пакетъ лежалъ на столѣ.... Грибоѣдовъ подошелъ, взялъ его.... пакетъ исчезъ»....

«Имя Грибоѣдова было такъ громко, что по городу сейчасъ же пошли слухи: «Грибоѣдова взяли! Грибоѣдова взяли!»»

«Не весело было, однако, ему сидѣть. Но и тутъ, въ заключеніи, не исчезло вліяніе его характера, очаровывавшаго все окружающее. Его очень полюбилъ надсмотрщикъ, надзиравшій надъ лицами, содержащимися подъ арестомъ. Разъ, Грибоѣдовъ, въ досадѣ на свое положеніе, разразился такой, уже по всему громкой, іереміадой, что надсмотрщикъ отворилъ дверь въ его комнату.... Грибоѣдовъ пустилъ въ него чубукомъ. Товарищи заключенія такъ и думали, что ему послѣ того не сдобровать. Что же вышло? Черезъ полчаса, или менѣе, дверь полуотворилась и надсмотрщикъ спрашиваетъ: «Алекс. Серг., вы еще сердиты или нѣтъ?» «Нѣтъ, братецъ, нѣтъ! отвѣчалъ Грибоѣдовъ, разсмѣявшись. «Войдти можно? «Можно». — «И чубукомъ пускаться не будете?» «Нѣтъ, не буду!»

Допрашивать его водили въ крѣпость. На первомъ же допросѣ, Грибоѣдовъ началъ, письменно отвѣчая на данные ему вопросные пункты, распространяться о заговорѣ и заговорщикахъ: «я ихъ зналъ всѣхъ и проч»... Въ эту минуту къ его столу подошло одно очень вліятельное лицо и взглянуло на бумагу. «Алекс. Сергѣевичъ! Что вы пишете! сказалъ подошедшій. «Пишите: знать не знаю и вѣдать не вѣдаю.» Грибоѣдовъ такъ и сдѣлалъ, да еще написалъ отвѣтъ довольно рѣзкій: «За чтѣ меня взяли,—не понимаю; у меня старуха мать, которую это убьетъ», и проч.

По прочтеніи этого отзыва, заключили, что не только противъ него нѣтъ никакихъ уликъ, но что человекъ долженъ быть правъ, потому что чуть-чуть не ругается....

Содержался онъ, однако, четыре мѣсяца.

Главные изъ заговорщиковъ, — фактъ въ высшей степени замѣчательный, — уже сидѣвшіе по разнымъ угламъ, стало быть, не имѣвшіе никакой возможности стовариваться, сказали одинаково, что Грибоѣдовъ въ заговорѣ не участвовалъ и что они не старались и привлекать его къ заговору, который всего скорѣй могъ имѣть очень дурной исходъ, потому что *берегли человека, который своимъ талантомъ могъ прославить Россію.*

Грибоѣдовъ вернулся въ Грузію съ чиномъ надворнаго совѣтника.

Между тѣмъ, горизонтъ политической дѣятельности Ермолова сильно покрывался тучами. «Матеріалы для его біографіи» говорятъ глухо о причинахъ, нагнавшихъ ихъ и, конечно, не наше дѣло о нихъ разсказывать.

Грибоѣдовъ былъ поставленъ въ самую непріятную и странную служебную и житейскую дилемму: къ Ермолову его привязывало личное, искреннее уваженіе; съ Паскевичемъ онъ былъ связанъ очень близкимъ родствомъ: супруга Паскевича была двоюродная сестра Грибоѣдова.

Зная благородный характеръ Грибоѣдова, можно положительно утверждать, что послѣдняя причина не подѣйствовала бы, если бы тутъ не замѣшался довольно странный, доселѣ очень немногимъ извѣстный фактъ, за достовѣрность котораго вполне ручаюсь, потому что слышалъ его отъ сестры Грибоѣдова и передаю его здѣсь со словъ ея:

«Матушка никогда не понимала глубокаго, сосредоточеннаго характера Александра, а всегда желала для него только блеска и внѣшности. Вотъ что она разъ съ нимъ сдѣлала: *братъ рѣшительно не хотѣлъ ѣхать служить къ Паскевичу*. Матушка какъ-то пригласила его съ собой помолиться къ Иверской Божіей-Матери. Пріѣхали, отслужили молебенъ.... вдругъ матушка упала передъ братомъ на колѣни и стала требовать, чтобы онъ согласился на то, о чемъ она будетъ просить.... Растроганный, взволнованный, онъ далъ слово.... Тогда она объявила ему, чтобы онъ ѣхалъ служить къ Паскевичу. Дѣлать было нечего, онъ поѣхалъ».

Никогда не думалъ Грибоѣдовъ платить Ермолову неблагодарностію: это было бы совершенно противно личному его характеру, — вышеприведенный мною фактъ служить достаточнымъ объясненіемъ дѣла.

Кромѣ же всего этого есть еще слѣдующее неопровержимое свидѣтельство: въ біографической запискѣ Бѣгичева послѣ словъ «пользовался его благорасположеніемъ» слѣдуютъ слова: «бывалъ съ нимъ въ военныхъ экспедиціяхъ и до конца жизни отлично уважалъ его».

Паскевича Ермоловъ принялъ можетъ быть и ласково, но онъ очень хорошо зналъ за чѣмъ прислать Паскевичъ, человѣкъ, пользовавшійся особенною милостію вновь вступившаго на престолъ Государя.

Положеніе Грибоѣдова между двумя огнями было самое непріятное. (*) Милый другъ мой! пишетъ онъ къ Бѣгичеву отъ 9 декаб. 1826 года. — «Плохое мое житіе здѣсь. — На войну не попалъ, потому что и Алек. Петр. туда не попалъ. А теперь другаго рода война. Два старшіе генерала ссорятся, а съ подчиненныхъ перья летятъ. Съ А. П. у меня родъ прохлад-

(*) Замѣательно, что Грибоѣдовъ еще за годъ до пріѣзда Паскевича сильно жаловался на скуку и бездѣйствіе свое въ томъ краю. Вотъ слова его изъ (недавняго, конечно, но находящагося у меня въ копіи) письма къ А. А. Жандру изъ Екатериноградской станицы отъ 18 декаб. 1825 года: «Смерть государя причиною, что мы здѣсь заприказывали и ни съ мѣста. Мнѣ уже тошно становится, никакого толку. Мазаровичъ съ утра морилъ меня изломаннымъ французскимъ языкомъ, слыгъ петербургскій, солища давно нѣтъ, скучно въ полѣ, дома еще скучнѣе, не даютъ привадухаться; все это въ родѣ арабесокъ, какъ о нихъ говоритъ Алексѣй Петровичъ, что у человека изъ... дубъ растетъ, съ котораго онъ зубами мелуды хватаетъ. Коли походы въ Чечню не состоятъ, то я долѣе не выдержу. Какъ ни люблю А. П., но, по совѣсти сказать, начто я ему надобенъ?».

денія прежней дружбы. Денисъ Вас. этого не знаетъ; я не намѣренъ вообще давать это замѣчать, и ты держи про себя. Но старикъ нашъ человѣкъ прошедшаго вѣка; (*) *несмотря на все превосходство, данное ему отъ природы, подверженъ страстямъ. Соперники ему глаза колетъ, а отдѣлаться отъ него онъ не можетъ и не умѣетъ. Упустилъ случай выставить себя съ выюдной стороны въ глазахъ соотечественниковъ, слишкомъ уважалъ непріятеля, который этого не стоилъ.*

Въ половинѣ мая 1827-го года мы видимъ Грибоѣдова уже въ персидскомъ походѣ съ Паскевичемъ. (**) Пишущему эту статью положительно извѣстно то совершенно дѣятельное участіе, которое принималъ Грибоѣдовъ не только въ заключеніи туркманчайскаго договора, бывшаго именнно созданіемъ Грибоѣдова, но и въ самомъ ходѣ кампаніи. Съ Паскевичемъ, близкимъ родственникомъ и человѣкомъ, который былъ ближе къ нему по лѣтамъ, Грибоѣдовъ могъ говорить свободнѣй, чѣмъ съ Ермоловымъ. Онъ безпрестанно старался приводить въ дѣйствіе главную пружину дѣла—«не уважать непріятеля, который того не стоитъ.» Движенія къ Аббасъ-Абаду, (***) даже къ самой Эривани были слѣдствіемъ личныхъ, самыхъ убѣдительныхъ настояній Грибоѣдова.

Во время этой войны явились во всемъ блескѣ его огромныя дарованія, вполне обработанныя многосторонней, правильной образованностію, его дипломатическій тактъ и ловкость, его способность къ труду огромному, сложному и требующему большихъ соображеній. Кромѣ того, — замѣчу теперь, — тутъ вполне оказалась его личная, хладнокровная храбрость. Вспомнимъ, какъ онъ рассказывалъ при К. Л. Полевомъ о выбранномъ имъ способѣ отучиться «дрожать передъ ядрами, въ виду смерти.»—(****) «Нашъ слѣпой,» — писалъ Паскевичъ родной теткѣ жены своей, матери Грибоѣдова, — «совѣтъ меня не слушается: разѣзжаетъ себя подъ пулями, да и только!» (****)

Паскевичъ поступилъ съ Грибоѣдовымъ благородно: онъ его-то и отправилъ въ Петербургъ для поднесенія Государю туркманчайскаго договора. На Грибоѣдова посыпались милости; но онъ и не ожидалъ и не желалъ главной — назначенія его полномочнымъ министромъ при персидскомъ дворѣ. Говорю это положительно, — потому что имѣю на это доказательства. Вотъ они:

Прежде всего, не подлежащее никакому сомнѣнію, свидѣтельство Бѣгичева, свидѣтельство драгоцѣнное, вполне высказывающее характеръ, взглядъ на вещи и тенденціи Грибоѣдова: «Въ проѣздъ его черезъ Москву въ Петербургъ, съ трактатомъ, Грибоѣдовъ заѣзжалъ ко мнѣ часа на два и между

(*) Тутъ слѣдуютъ въ подлинномъ письмѣ слова, пропущенныя изданіемъ Общества Люб. Росс. Слов. Дѣйствительно, при жизни Ермолова не совѣтъ было удобно ихъ печатать. Она слишкомъ важны, чтобы я рѣшился ихъ пропустить.

(**) «Рус. Слово,» 1859 г. № 5. «Черн. тетр. Гриб.» ст. 2-я стр. 34—43.

(***) Аббасъ-Абадъ—крѣпость на лѣвомъ берегу Аракса, не подалеку отъ Нахичевани, построенная по новой системѣ принцемъ Аббасъ-Мирзою на развалинахъ старой крѣпости того же имени.

(****) «Горестъ ума» изд. 1839 г. Кс. Полеваго. «О жизни и сочин. А. С. Гриб.» стр. XLVI и XLVII.

(*****) Такъ говорилъ мнѣ С. Н. Бѣгичевъ еще въ 1841 году.

прочимъ сказывалъ, что графъ Эриванскій спрашивалъ его: какого награжденія онъ желаетъ? «Я просилъ графа — говорилъ онъ — *представить меня только къ денежному награжденію*. Дѣла матеріи моей разстроены; деньги мнѣ нужны: *я приѣду на житье къ тебѣ*. Все, чѣмъ я до сихъ поръ занимался, — для меня дѣла постороннія. *Призваніе мое — кабинетная жизнь*. Голова моя полна и я *чувствую необходимую потребность писать*.»

Тутъ, повторяю, высказался весь Грибоѣдовъ *какъ есть*, а не *какъ желалъ бы* его кто нибудь видѣть вслѣдствіе своихъ произвольныхъ, умышленныхъ толкованій.

Министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ въ то время графъ Нессельроде, но всѣми дипломатическими дѣлами по Востоку завѣдывалъ графъ Капо д'Истріа. Разговаривая съ нимъ, Грибоѣдовъ сказалъ, что намъ въ Персіи нужно не Chargé d'affaires, а лицо, равное англійскому представителю — Полномочнаго Министра (Envoyé Extraordinaire et Ministre Plénipotentiaire, — что одной степенью ниже главной степени дипломатическаго агента, посла, Ambassadeur). Можетъ оно и дѣйствительно такъ было нужно, но главное, — какъ утверждаютъ всѣ лица, хорошо знавшіе и Грибоѣдова и все это дѣло, — онъ надѣялся, высказавши такое мнѣніе, отклонить всякую возможность назначенія его самого на это мѣсто, думая, что чинъ его для того еще малъ.

Чинъ ему дали и на мѣсто назначили.

«Насъ тамъ непременно всѣхъ перерѣжутъ,» сказалъ онъ Жандру, приѣхавъ къ нему прямо послѣ полученнаго назначенія. — Аллаяръ-Ханъ мой личный врагъ; не подаритъ онъ мнѣ туркманчайскаго трактата.» (*)

«Грустно провожали мы Грибоѣдова» — рассказывалъ мнѣ А. А. Жандръ. — До Царскаго-Села его провожали только двое: Алек. Всеволод. Всеволожскій и я. Вотъ въ какомъ мы были тогда настроеніи духа: у меня былъ прощальный завтракъ; закурили, надымили страшно, наконецъ толпа схлынула, мы остались одни. День былъ пасмурный и дождливый (въ іюнѣ 1828 года). Мы проѣхали до Царскаго-Села и ни одинъ изъ насъ не сказалъ ни слова. Въ Царскомъ-Селѣ Грибоѣдовъ велѣлъ, такъ какъ дѣло было уже къ вечеру, подать бутылку бургонскаго, которое онъ очень любилъ, бутылку шампанскаго и закусить. Никто ни до чего не дотронулся. Наконецъ простились. Грибоѣдовъ сѣлъ въ коляску, мы видѣли какъ она повернула за уголъ улицы, возвратились съ Всеволожскимъ въ Петербургъ и во всю дорогу не сказали другъ съ другомъ ни одного слова, — *рѣшительно ни одного.*»

Здѣсь, по порядку обстоятельствъ, я выпиываю цѣликомъ (да проститъ мнѣ читатель, если выйдетъ небольшое повтореніе, притомъ же чѣмъ болѣе свидѣтельствъ, тѣмъ лучше) слова біографической записки Бѣгичева:

«На пути къ мѣсту своего назначенія Грибоѣдовъ пробылъ у меня три дня... Во все это время онъ былъ чрезвычайно мраченъ; я ему это замѣтилъ и онъ,

(*) Аллаяръ-Ханъ былъ зять тогдашняго шаха и въ большой силѣ при персидскомъ дворѣ. Онъ-то и побудилъ шаха къ войнѣ съ Россіей.

взявши меня за руку, сказать съ глубокой горестію: *прощай, братъ Степанъ. Врядъ ли мы еще съ тобой увидимся! Къ чему эти мысли?*—возразилъ я.—*Ты бывалъ и въ сраженіяхъ, но Богъ тебя миловалъ.*—*Я знаю персіянъ—отвѣчалъ онъ—Аллахъ-Ханъ мой личный врагъ, онъ меня уходитъ! Не подаритъ онъ мнѣ заключеннаго съ персіянами мира.*—Старался я отдѣлаться отъ этого посольства! Министръ сначала предложилъ мнѣ ѣхать повѣреннымъ въ дѣлахъ, я отвѣчалъ, что Россіи нужно тамъ имѣть полномочнаго посла, чтобы не уступать шагу англійскому послу. Министръ улыбнулся и замолчалъ, полагая, что я по честолюбію желаю имѣть титулъ посла. *А я подумалъ, что туча прошла мимо и назначутъ какого нибудь чиновника меня, но черезъ нѣсколько дней министръ присылаетъ за мной и объявляетъ, что я по Высочайшей волѣ назначенъ полномочнымъ министромъ.* Дѣлать было нечего! Отказаться отъ этого назначенія послѣ всѣхъ милостей Государя было бы съ моей стороны черной неблагодарностію. Да и самое назначеніе меня полномочнымъ министромъ въ моемъ чинѣ (ст. сов.) я долженъ считать за милость, *но предчувствую, что живой изъ Персіи не возражусь.*

Паконецъ, вотъ замѣчательныя слова Марьи Сер., сказанныя мнѣ, при свиданіи нашемъ 12 іюля 1850 года:

«Братъ очень любилъ науку. Изъ него, вѣроятно, долженъ былъ выйти не литераторъ, а второй Гумбольдтъ. () Служебное тщеславіе и самолюбіе были ему до крайности противны... Всего больше нравилась ему тихая, кабинетная жизнь, когда онъ, запершись въ своей комнатѣ, могъ учиться. Онъ очень любилъ изучать Св. писаніе и переводить псалмы стихами. Когда его назначили полномочнымъ министромъ въ Персію, онъ сказалъ мнѣ: «je ne conçois pas comment peut on m'envoyer comme ministre: je suis un bien pauvre diplomate!»*

Что сказать противъ этихъ свидѣтельствъ?

Гдѣ тутъ увлеченіе честолюбіемъ или протекція графа Паскевича?

Въ проѣздъ черезъ Тиѳлисъ Грибоѣдовъ женился на княжнѣ Нинѣ Александровнѣ Чевчевадзевои.

Не имѣю возможности скрыть и даже почитаю себя нравственно-обязаннымъ передъ читателемъ познакомить его съ однимъ письмомъ Грибоѣдова къ Варв. Сем. Миклашевпчевой, родственницѣ А. А. Жандра, о которой я упоминалъ выше. Это письмо кончено Грибоѣдовымъ мѣся, чѣмъ за два мѣсяца до его смерти. Оно дышетъ жизнію и поэзіей. Все въ немъ есть—и счастье человѣка, наслаждающагося любовью милой женщины, и тревожныя опасенія за будущее, и грусть по оставленномъ далеко кругѣ добрыхъ и вѣрныхъ друзей, и живое воспоминаніе о человѣкѣ дорогомъ, почти погибшемъ.... Отъ этого письма вѣетъ истинною жизни и благоуханіемъ свѣтлой души.

Эмѣадзикъ. 17 септябра, 1828.

«Другъ мой, Варвара Семеновна. Жена моя, по обыкновенію, смотритъ мнѣ въ глаза, мѣшаетъ писать; знаетъ, что пишу къ женщинѣ и ревнуетъ. Не

(*) Женскій взглядъ на дѣло.

пѣняйте же на долгое мое молчаніе, милый другъ, видите ли въ какую необыкновенную для меня эпоху я его прерываю. Женатъ, путешествую съ огромнымъ караваномъ, 110 лошадей и муловъ, ночуемъ подъ шатрами на высотахъ горъ, гдѣ холодъ зимній. Нинушка моя не жалуется, всѣмъ довольна, игрива, весела; для перемѣны бываютъ намъ блестящія встрѣчи, конница во весь опоръ несется, пылится, смѣшивается и поздравляетъ съ счастливымъ прибытіемъ туда, гдѣ бы вовсе быть не хотѣлось. Нынче насъ принялъ весь клиръ монастырскій въ Эчміадзинѣ, съ крестами, иконами, хоругвями, пѣніемъ, куреніемъ etc. и здѣсь, подъ сводами этой древней обители, первое мое помышленіе объ васъ и объ Андреѣ. Помиритесь съ моею лѣнью.

«Какъ это все случилось! Гдѣ я, что и съ кѣмъ! Будемъ вѣкъ жить, не умремъ никогда». Слышите? Это жена мнѣ сейчасъ сказала ни къ чему, — доказательство, что ей шестнадцатый годъ. Но мнѣ простительно ли, послѣ столькихъ опытовъ, столькихъ размышленій вновь бросаться въ новую жизнь, предаваться на произволъ случайностей и все далѣе отъ успокоенія души и разсудка. *А независимость, которой я былъ такой страстный любитель*, исчезла, можетъ быть, навсегда и какъ ни мило и утѣшительно дѣлать все съ милымъ, воздушнымъ созданіемъ, но это теперь такъ свѣтло и отрадно, а впереди какъ темно, неопредѣленно! Бросьте вашего Трапѣра и куперову рагіе, — мой романъ живой у васъ передъ глазами и во сто кратъ занимательнѣе; главное въ немъ лице—другъ вашъ, неизмѣнный въ своихъ чувствахъ, но въ быту, въ родѣ жизни, въ различныхъ похижденіяхъ не похожъ на себя прежняго, на прошлогодняго, на вчерашняго даже; съ каждою луною со мной сбывается что нибудь, о чемъ не думалъ, не гадалъ».

Тавризмъ. 5 декабря.

«Какъ я себя виню, что не послалъ вамъ написанныхъ этихъ строчекъ три мѣсяца назадъ. Вы бы не сердились на меня, а теперь, вѣрно, разлюбили, и правы. Не хочу оправдываться; Андрей, ты помогъ мнѣ умиловитъ нашего общаго друга. Хорошо, что вы меня на-сквозь знаете и немного надобно словъ, чтобы согрѣть въ васъ опять тѣ же чувства, ту же любовь, которая отъ васъ, моихъ милыхъ, нѣжныхъ друзей, я испыталъ въ теченіи столькихъ лѣтъ, и какъ нѣжно и какъ безкорыстно!»

«Вѣрно сами догадаетесь, неоцѣненная Варвара Семеновна, что я пишу къ вамъ не въ обыкновенномъ положеніи души. Слезы градомъ льются....

«Неужели я для того рожденъ, чтобы всегда заслуживать справедливые упреки за холодность и мнимую притомъ, за невниманіе, эгоизмъ отъ тѣхъ, за которыхъ охотно бы жизнь отдалъ. Александръ нашъ (кн. Одоевскій) что долженъ обо мнѣ думать! И это кроткое, тихое созданіе, которое отдалось теперь на всю мою волю, безъ ропота раздѣляетъ мою ссылку и страдаетъ самою мучительною беременностію. Кто знаетъ: можетъ быть я и ее оставлю, сперва по необходимости, по такъ-называемымъ дѣламъ, на короткое время, но послѣ время продлится, обстоятельства завлекутъ, забудусь, не стану писать.... Что проку, что чувства во мнѣ неизмѣнны, когда видимыя поступки

тому противорѣчать. Кто повѣритъ! Александръ мнѣ въ эту минуту душу раздираетъ. Сейчасъ пишу къ Паскевичу; коли онъ и теперь ему не поможетъ, провались всё его отличіе, слава и громъ побѣдъ, все это не стоитъ избавленія отъ гибели одного несчастнаго, и кого же! Боже мой! Пути твои неизсгѣдны!»

«Сказать ли вамъ теперь о моемъ бытѣ? Не занимательно ни для кого, я только чрезвычайно занятъ. Наблюдаю, чтобы отсюда не произошла какая-нибудь предательская мерзость во время нашей схватки съ Турками. Внимаю контрибуцію довольно успѣшно. Друзей не имѣю никого и не хочу, должны прежде всего бояться Россіи и исполнять то, что велитъ Государь Николай Павловичъ, и я увѣряю васъ, что въ этомъ поступаю лучше, чѣмъ тѣ, которые затѣяли бы дѣйствовать мягко и втираться въ персидскую будущую дружбу. Всѣмъ я грозенъ кажусь и меня прозвали *saxtiur*, *soug dur*. Къ намъ перешло до 8,000 армянскихъ семействъ, и я теперь за оставшееся ихъ имущество не имѣю ни днемъ, ни ночью покоя, сохраняю ихъ достоинство и даже доходы; все кое-какъ дѣлается по моему слову. Наконецъ, послѣ тревожнаго дня, вечеромъ уединяюсь въ свой гаремъ; тамъ у меня и сестра, и жена, и дочь, все въ одномъ миломъ личикѣ; рассказываю, натверживаю ей о тѣхъ, кого она еще не знаетъ и должна со временемъ страстно полюбить; вы понимаете, что въ нашихъ разговорахъ имя ваше произносится часто. Полюбите мою Ниночку. Хотите ее знать? Въ *Malmaison*, въ эрмитажѣ, тотчасъ при входѣ, направо, есть мадонна въ видѣ пастушки *Murillo*, вотъ она. Прощайте, неоцѣненный другъ мой Варв. Семеновна! Не сердитесь, не разлюбите

вѣрнаю вамъ
А. Г.

Грибоѣдовъ оставилъ супругу свою въ Тавризѣ и самъ не надолго поѣхалъ въ Тегеранъ, ко двору шаха.

Туча не прошла мимо, а разразилась: 30-го января 1829 года его не стало...

Я не буду описывать подробностей его смерти ни по извѣстіямъ, помѣщеннымъ въ XLVIII томѣ «*Annales des voyages*» 1830 г., ни по другимъ даннымъ. Скажу одно: онъ не «сдѣлался жертвою своей ошибки», какъ выразился Д. В. Давыдовъ. Его ошибки никакой не было. Если была чья-нибудь ошибка, такъ, стало быть, правительства, назначившаго Грибоѣдова полномочнымъ министромъ въ Персію,—и кого-жъ скорѣй можно было назначить, какъ не человека, который такъ хорошо зналъ и страну, и народъ, и языкъ, жилъ тамъ и дѣло дѣлалъ?...

Подобное выраженіе не только не истинно, но даже не совсѣмъ уважительно въ отношеніи къ человѣку, погибшему мученической, истинно исполненной трагическаго ужаса смертью.

Намъ остается въ заключеніе этой статьи повторить слова, начертанныя надъ его могилой дружескою рукою его вдовы:

Умъ и дѣла твои бессмертны въ памяти русской.

Д. А. Смирновъ.

27 января 1865 года.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ
ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

НАРОДНАЯ ПѢСНЯ ВЪ ЛИЦАХЪ.

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный.	
Царица Анастасія Романовна.	
Царевичъ Ѳеодоръ.	
Никита Романовичъ, братъ Царицы.	
Князь Симеонъ Бекбулатовичъ Черкасскій.	} бояра.
Князь В. И. Шуйскій.	
Бѣльскій	
Борисъ.	
Малюта Скуратовъ.	} опричники.
Звѣнецъ.	
Потаня.	
Григорій, — любимый постельничій царскій.	
1-й посадскій.	
2-й посадскій.	
Купецъ.	
Тысяцкій.	} на свадьбѣ.
Дружки.	

Бояра, опричники, боярыни, жильцы, женихъ, невѣста, поѣзжане,
дѣвушки, пѣсенники, народъ.

Событіе разсказанное въ этой народной пѣснѣ не встрѣчается въ письменныхъ памятникахъ. Опричина является при царицѣ Анастасіи, что, какъ извѣстно исторически совершенно невѣрно. Имѣть главною задачею испытать насколько нашъ пѣсенный пошибъ рѣчи приложимъ къ исторической драмѣ, я не измѣнилъ сюжета; это и дало возможность сохранить цѣликомъ нѣкоторые мѣста пѣсни. Только изображая Грознаго, я позволилъ себѣ пользоваться, какъ увидитъ читатель и письменными памятниками

МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ.

I.

(Палата въ крещенскомъ дворцѣ. Вечеръ. Накрытые столы.)

Малюта Скуратовъ, Звънецъ, Потаня и толпа опричниковъ (*Входятъ*).

М а л ю т а.

Толкуютъ: «надо жить по Божьей правдѣ». Да гдѣ
Она хваленая? Гдѣ правда-то?
Подъ облаками. На міру, гляди,
Кто въ соболяхъ, въ парчѣ, въ атласѣ? Кривда.
Кто въ золотѣ, да серебрѣ? Она-жь:—
О правдѣ старики столѣтніе
Слыхали, намъ не въ память. Встарину
Она съ сумой ходила, побиралась
По подоконьями, — кормилася
Чужимъ кускомъ.

З в ѣ н е ц ѣ.

Замерзла. Къ мужику,
Въ Крещенье, ночевать просилася,
Тотъ не пустилъ, и сгибла.

М а л ю т а.

Совѣсть, баяли,
Инымъ спать не даетъ; хотъ поглядѣлъ бы я
Какая? Что за звѣрь?

1-й О п р и ч н и к ѣ.

Толкуютъ многіе о ней, да гдѣ-то
Она у нихъ пришита далеко,
Не-знать.

З в ѣ н е ц ѣ .

Ну, мы, опричина,
И воры и злодѣи; они чѣмъ лучше насъ
Поразобратъ?

1-я О п р и ч и н и к ѣ .

Они святыс; всѣ
Посты безъ масла тянуть зелено
Вино, да медъ съ утра до вечера.

М а л ю т а .

Вотъ дѣло въ чемъ:
Опричина, того гляди, въ опалу попадетъ;
Царяца, до бѣлой зари, вчера,
Съ сыночкомъ Ѳеодоромъ, съ митрополитомъ,
У государя на верху сидѣла. Царь расплакался,
И общалъ: «не будетъ, говорить,
Опричины, похерю». Сила вся
Въ царевичѣ Ѳеодорѣ. Ему
Напѣли въ уши: «благодущный ты
Нашъ, ангелъ во плоти»; онъ и давая
Отца умаливать, да ублажать:
«Утѣшь ты насъ и землю, батюшко,
«Пожалуй, распусти опричину.»
А Ѳеодоръ, знаете вы сами, сынъ
Любимый; въ немъ души не слышитъ батюшко.
Идетъ царевичъ къ утрени намедни,
Я поклонился; онъ ко мнѣ;
Взглянулъ таково грозно на меня, и говорить:
«Малюта: казни Алексѣя, помни,
«Я не спущу тебѣ; ты батюшкѣ
«Его обмолвилъ; воспылагъ, съ твоихъ
«Рѣчей коварныхъ, царь неправымъ гнѣвомъ.
«Ты, говорить, убійца. Берегись
«Богъ отомститъ тебѣ». Да громко таково
Сказалъ; стоялъ тутъ весь сингелить
Боярскій. Свѣта я не извидѣлъ;
Кровь вся метнулась въ голову; едва
Я не упалъ; такого срама въ жизнь
Свою не видывалъ. Да не объ этомъ рѣчь....
Спрошу: видали ль что худое
Вы отъ меня, опричина? Обижень кто
Изъ васъ, опричниковъ, Малютой?

Кто обдѣленъ? Царю за всякаго
Кто билъ челоу? Малюта. Подъ часъ идешь,
Дрожишь, а просишь; съ нимъ шутить не съ кѣмъ
Инымъ; вы знаете, вѣдь, близъ царя
Ивана, близъ чего?

З в ѣ м е ц ѣ .

Близъ смерти.

М а л ю т а .

Ну!

Я не робѣлъ, а шолъ. Ино, не въ часъ
Придешь: «вонъ; съ глазъ долой: ты мнѣ за нилъ,
За псовъ, заплатишься». Какъ зыкнетъ, потъ
Пройметъ, душа залѣзаетъ въ пятки.
Я не хвалюсь, а правду молвию вамъ:
Сыщите, попытайтесь,
Другаго голову такого, какъ Малюта.
Васъ изъ воды вѣдь я вытаскивалъ
Сухими; изъ огня, изъ полыми
Спасалъ. Хоть бы не вдавишь, быть тебѣ
Звѣнцу, да Бородавкѣ на колу,
Какъ на постельномъ пьяномъ избилъ
Двухъ сторожей. Кто выручилъ? Не я?

О п р и ч н и к и .

Что говорить? Охрана ты намъ всѣмъ
Опричникамъ. Ты сила; слово скажешь
Все шито, да покрыто. Сунься,
И впрямь, другой къ нему, обрубить съ одного
Конца, какъ разъ.

М а л ю т а .

Такъ вотъ,

И помни поговорочку: «грозицы
«Грозись, а мы другъ за друга держись».
Я не спущу царевичу. Сегодня на пиру
Я загану загадку. А спроситъ царь васъ: «правда ли?»
Глядите, не вилять; стой на одномъ,
Что правда. Знайте вы, меня казнить,
Вамъ всѣмъ легла одна дорога къ плахѣ. Ну.
Языкъ на привязъ, на веревку; праведни бо
Грядутъ.

(Царь Иванъ Васильевичъ, царевичъ Феодоръ, князь В. И. Шуйскій, Бѣльскій, Григорій, бояра.)

ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

А гдѣ Никита?

БѢЛЬСКІЙ.

Свадьба у него.

ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Какая свадьба?

БѢЛЬСКІЙ.

Женить кравчаго
Любимаго; самъ посаженымъ, слышь,
Отцомъ. Въ своихъ палатахъ и играетъ
Свадьбу. Полонъ домъ гостей; гульба;
Я мимо ѣхалъ, на дворѣ костры,
И бочки выкачены, для народа.
Не отчего и любить всѣ его.

ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Кто любить?

БѢЛЬСКІЙ.

Да народъ; души не слышитъ.
Ты погляди, онъ ѣдетъ городомъ,
Завидать, за конемъ толпа.... «Вотъ онъ,
«Нашъ батюшко, нашъ милостивецъ; солнце, богатырь
«Никита, свѣтъ Романовичъ.»
«Подумаешь, тебя завидѣли.

ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Да, что же въ томъ худаго?
Онъ не чужой вѣдь намъ. Своякъ, чать, шуринъ.

БѢЛЬСКІЙ.

Худаго нѣтъ.

Царь Иванъ Васильевичъ.

Садитесь-ко.

Эй! Кравчіе, заснули! Меду! Наливайте.
Ты что глядишь, Борисъ, что красна дѣвушка?
Берись за чарку. Пей. Али похмѣлье
Мутитъ новгородское? Клинь клиномъ выбивай.
Не пить, хозяина гнѣвить,
Слыхалъ, чай, старую пословицу?

Борисъ.

Слыхалъ, царю. За гордость покаралъ
Богъ Новгородъ. Что поминать о немъ?

Царь Иванъ Васильевичъ.

А для ча же не помянуть? Слыхалъ
Я, въ стары годы на пирахъ княжнихъ
Хвалились, хвастали, кто богатырствомъ,
Кто конемъ, кто золотой казной.
Такъ для ча же и намъ, по старинѣ,
Не похвалиться? А? Диви бы нечѣмъ.... Слава Богу,
Найдемъ, чай, что нибудь.
Есть что ли чѣмъ, аль нѣту? Какъ по вашему?

Бѣльскія.

Тебѣ да не чѣмъ. А Ливонія?
А Ляхъ? Ливонцы, чай, поднесъ дрожать.
Почесываютъ спины, головы
Ощупываютъ, «на плечахъ ли, де?»

Борисъ.

Одна-ль Ливонія? Одинъ ли Ляхъ?
Три царства сильныя покорены
Тобой. Въ одинъ вѣнецъ, царь богатырь,
Ты три вѣнца златые сплавилъ. Есть ли
Гдѣ въ мірѣ царство шире твоего?
Гляди, раскинулось отъ океана до Хвалынскаго,
Отъ странъ холодныхъ, сѣверныхъ
До тепла заморья.

Царь Иванъ Васильевичъ.

Не тѣсно, слава Богу. (молчаніе)
Да; что во сѣбѣ, я вижу, въ памяти,

Бои великіе, казанско взятъе,
Аль Юрьева Ливонскаго; а многихъ нѣтъ
Изъ вѣрныхъ слугъ; легли на полѣ битвы;
Имъ благо, память вѣчная;
Кончину христіанскую послалъ имъ Царь
Небесный. Подъ Казанью, помню, Курбскій
Летитъ стрѣлою, на конѣ;
«Ну что, молю?»—Помогаетъ Богъ;
Ужъ наши на стѣнахъ, царю,—«Спасибо, молю,
«Спасибо, князь; обрадовалъ». Подумаешь,
Вотъ не жилось у насъ; въ Литву
Отѣхалъ, продалъ и меня и отчину.
Въ холопы къ королю изъ царской службы;
Старинный русскій князь такого корени....
Меня коритъ онъ, ну а самъ что сдѣлалъ?
Въ чужомъ глазу видна
Соломенка, въ своемъ бревна не-знать.

Князь В. И. Шуйскій.

Онъ зачитался книгъ, князь Курбскій; умъ
За разумъ у него зашелъ.

Царь Иванъ Васильевичъ.

А ты читаешь ли? Небось не разогнешь?
Спасаютъ душу книги; съ книгою,
Что съ мудрецомъ бесѣдуешь; отъ книгъ
Душѣ бываетъ польза, а не вредъ.
Я помню, въ Кукеноисѣ, въ Ливонѣ,
Я съ люторскимъ попомъ двѣ ночи спорилъ;
Прочли безъ малаго всю библию. Не вѣдай я
Писанія, вѣдь онъ бы сбилъ
Меня, назвалъ бы невѣгласомъ. Что же
Всѣ смолкли? Я одинъ, на старости,
Расхвастался. Малюта, Бѣльскій. Что же вы?
Вѣдь вѣшать голову, хозяина кручинить.

Малюта.

Рѣчь наша не хитра;
Послѣ твоей разумной, брага послѣ романен,
Вода опослѣ меду крѣпкаго.

ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

Прямый любимецъ. А?
Какой красноглазый,
Гляди ты. А? Да, чѣмъ же, ты скажи,
Вода-то хуже меду? Съ меду, нѣтъ, нѣтъ
И всѣсишься.... Вѣдь, у кого,
Ты знаешь, сии очи? У бражника.
Кому глава болитъ? Шющому.
Такъ стало, здравая-то рѣчь твоя,
Моя хмѣльная. Такъ ли?

Бѣльскій.

На то похоже, осударь.

Князь В. И. Шуйскій.

Не то Малиута думалъ;
Вѣдь, медъ напитокъ избранный;
И гусь пьетъ воду; медъ для человѣка лишь
Приготовлень.

ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Умница. Ал Шуйскій! Молодъ, а
Умомъ свершенъ, что старецъ.

Князь В. И. Шуйскій.

Мнѣ думно, предстоя тебѣ, внимая
Высокой мудрости рѣчей твоихъ,
Всякъ поумнѣетъ, осударь.

ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Ну, нѣтъ.

Нѣтъ, глупому разумная
Бесѣда не поможетъ. Разума
Къ кафтану не пришьешь, кому Богъ не далъ.
Да хоть зятекъ-отъ мой... Чай помните?
Вѣдь королемъ бы былъ въ Ливоніи,
А прибылъ къ намъ, суконце, видѣли
На епанечкѣ, в куды не мудрое.
Озолотилъ его, племянницу

Родную выдать.... Живи, что въ маслѣ сырѣ
Катайся. Король Ливоніи богатой, — шутка.
Знай одного меня; такъ нѣтъ,
Съ тѣмъ, да съ другимъ ссылатся сталъ,
Нашелъ помощниковъ; и помогли;
Сидитъ, мнѣ пишутъ, въ Каркусѣ безъ хлѣба.
Приданое дошли ему...
Алтына не увидитъ отъ меня.
Не слушай, — и попутайся, что мизгирь въ тенетахъ.

Бѣльскій.

А поучилъ его ты въ Венденѣ.

Царь Иванъ Васильевичъ.

За дѣло; не дурн.

Царевичъ Ѳеодоръ.

Вѣдь это тамъ
Взорвали Нѣмцы погребъ съ порохомъ?

Бѣльскій.

Нешто, царевичъ; тамъ. И вотъ въ чемъ диво,
Кой поджигаль-то, ротмистръ что ли, уцѣлѣлъ.

Царь Иванъ Васильевичъ.

И не поранило.
А и моихъ похвалишь пушкарей;
Повѣситься на пушкахъ, а не сдаться.
Съ такими бы еще богатырями,
Да сильныхъ царствъ не брать. Такое мужство
Гдѣ слыхано? Орлы, какъ есть!

Бѣльскій.

Орлята.

Орелъ-отъ ты, великій осударь.
Пить чарку ту за здравье осударя!
(*Всѣ встаютъ*)

Голоса.

Дай Богъ тебѣ.

ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЬ.

Спасибо. И вамъ дай Богъ
Стоять за Русь, за вѣру, какъ отцы
Стояли, дѣды. Побережете Русь. *(молчаніе)*
Тогда Григорій, помню я, схвастнулъ,
Такъ ужь схвастнулъ; верстъ на сорокъ, коля
Не болѣ. Рано ли ты выѣхалъ
На сѣромъ, въ тѣ поры, изъ Юрьева?

ГРИГОРІЙ.

Не вѣрь. Въ заутрени, а ужиналъ
На Венденѣ, чай, съ вами.

БѢЛЬСКІЙ.

Утрени
На Юрьевѣ поютъ знать съ вечера.

ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЬ.

Вотъ это такъ. Нѣтъ, сѣрыя у него
Крылатый. Темные лѣса хвостомъ
Сметаешь, горы перелетаешь. Конь
На диво. Что-то смолкъ? Не про него, знать. А? *(смѣется)*

ГРИГОРІЙ.

Не вѣрьте. Силою не заставишь вѣрить.

ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЬ.

Да нѣтъ. Не дѣломъ всѣ вы хвалитесь:
Ужъ развѣ мнѣ похвастать: вывелъ я
Измѣну изъ Новгорода, Опскова,
Богъ дастъ, повыведу измѣнушку
Изъ каменной Москвы. *(Всѣ переглядываются боязливо.)*

МАЛЮТА.

Ну, либо панъ.
Либо пропалъ Малюта. Царь великій,
Не погнѣвись, дай правду вымолвить.

ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЬ.

За правду что за гнѣвъ? За правду милость. Говори,
Не бойсь. Святая правда краше всѣхъ

Каменьемъ въ вѣнцѣ царевомъ. Правдой мѣръ
Стоить. Измѣнить правдѣ сынъ
Родной, не пощажу. О правдѣ
Насъ и церковь ублажаетъ, Бога молить:
«Судъ Твой и правду, Господи,
Царевн даждь». Такъ что же? Что ты скажешь?

М а л ю т а.

Вотъ голова моя, надежа осударь!
Сними съ могучихъ плечъ, коли солгу я.
Молчанье хуже буети подчасъ.
Съ младыхъ ногтей тебѣ привыкъ радѣть
Малюта. Разумомъ не похваляюся,
А правду матку рѣжу напрямикъ.
Осмѣлюсь вымолвить, не погнѣвися:
Ты говоришь измѣну вывелъ ты;
Измѣна въ шапкѣ невидимкѣ ходить.
Гдѣ вывести се? Она съ тобой,
Здѣсь, за однимъ столомъ, ѣсть, пьетъ, пируетъ,
Да въ одноцвѣтномъ платьицѣ гуляеть.

Ц а р ь И в а н ъ В а с и л ь е в и ч ъ.

Пословица: «кто говоритъ, тотъ сѣть,
А тотъ кто слушасть сожнетъ». Подая
Мнѣ на очи измѣнника. Кто здѣсь
Измѣнникъ?

М а л ю т а.

Въ Новгородъ мы ѣздили.
По Волхову, мы, правой стороною,
Опричники, твоимъ велѣньемъ царскимъ шли,
А кто-то лѣвой шелъ съ дружиной земскою.
Глядимъ мы: что за притча?
Вотъ, словно вымеръ лѣвый бережокъ;
Бить некого, народу ни души.
Дознались; бирючей, да вѣстниковъ,
На лѣвой-то сторонкѣ, засылали:
«Кто помоложе, удалцы, бѣги
Въ лѣса дремучіе, да въ поле».

Ц а р ь И в а н ъ В а с и л ь е в и ч ъ.

Что?

По правой Федоръ ѣхалъ.... Ты ѣхалъ, въ тѣ поры?

ЦАРЕВИЧЬ ТЕОДОРЪ.

Я, батюшко.

ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЬ

И это правда?

ЦАРЕВИЧЬ ТЕОДОРЪ.

Правда.

ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЬ.

Не ждалъ я этого;
Поправься сынъ... Одумайся..
Ты молодъ; злые люди не подучили ли тебя?

ЦАРЕВИЧЬ ТЕОДОРЪ.

Пѣтъ, батюшка, не подучалъ
Никто меня; самъ посылалъ я: жаль
Мнѣ стало..

ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЬ

Что? Отцовскихъ-то враговъ,
Измѣнниковъ моихъ тебѣ жаль стало?
Ну, а меня тебѣ не жаль? Щадить
Злодѣевъ... А ты слышалъ, правда-то
Царю Ивану, вѣдь, всего дороже,
Святѣя любви отеческой.

ЦАРЕВИЧЬ ТЕОДОРЪ.

Виновентъ.

Она всего дороже, вѣрь, и мнѣ.

ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЬ.

Такъ какъ же, буде впрямь ее, ты,
Правду чтишь, велѣнья моего посмѣлъ
Ослушаться? Эй! Кто тутъ есть?
Берите моего измѣнника.
Да что-жь вы? Вотъ вѣдь онъ... Берите.

БОРИСЪ.

Царь,

Милосердуй.

ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Милосердіе?

Нѣтъ милосердія ослушникамъ.

Святая правда мнѣ, царю Ивану,

Дѣтей дороже. Руки назадъ ему.

Веди въ застѣнокъ.

(Царевича берутъ.)

ЦАРЕВИЧЪ ТЕОДОРЪ.

Батюшка, прости

Въ чемъ согрѣшилъ я,—Христа ради. *(кланяется въ ноги)*

ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Веди!

Казнить.

БѢЛСКІЙ.

Подумай, кто возьмется руку

Поднять на царски сѣмена,

Надежду нашу, зорю; да дерзни лишь кто

Коснуться до него,—мы на куски

Разнищемъ пса того, живьемъ схоронимъ.

ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Не похороните, покуда я

Дышу, не хвастайте... Чтобъ у меня

Слугъ вѣрныхъ не нашлося.. Эй! Малюта!

Казнить; на плаху.

МАЛЮТА. *(Уводитъ Царевича съ опричниками.)*

Слушаю.

(Изъ оконъ толпа Царскихъ: «спилуйся Государь.»)

Отрокъ. (*Входитъ.*)

Семья твоя, царица проситъ
Пожаловать, дозволить ей
Войти къ тебѣ.

Царь Иванъ Васильевичъ.

Скажи ей, шла бы къ дѣтямъ,
Да имъ внушала бы: «отца де надо слушаться.»
Дивять, что гнѣвъ я,
Что грозенъ. Сынъ родной и тотъ
Извѣнникъ, подлѣ груди, за пазухой злѣя.
Кругомъ обманъ. Коликъ досады, укоризны
Отъ васъ пріѣли мы?
Растлѣнъ я умомъ, собака Курбскій пишетъ.
Да я ли? Вы растлѣнны. Вы,
Вы изверги, меня съ дѣтьми
Хотѣли извести; Владиміра возвестъ
На царство. Божіа судьбы меня
Хранятъ! Не сломите. Я богатырь
За правду! Живъ Богъ, жива душа моя!

II.

(Палата у боярина Никиты Романовича. Свадебный паръ.
Вечеръ.)

Никита Романовичъ, Князь Симеонъ Бекбулатовичъ Черкасскій, женихъ, невеста, поѣзжане. (*Сидятъ за столомъ.*) Тысяцкій, дружка, дѣвушки, жильцы, народъ (*толпится у дверей*). Хороводъ.

Хоръ дѣвушекъ.

И я золото хорошу, хорошу,
Чисто серебро хорошу, хорошу,
Я у батюшки въ терему, въ терему
Я у матушки во узорчатомъ.

(*Дѣвушка, играющая въ хороводъ*)

Гадай, гадай дѣвица,
Отгадавай красная;
Гдѣ злато колечушко.
Куда укатилось!

Хоръ.

И я золото хорою, хорою,
Чисто серебро хорою, хорою,
Я у батюшки въ терену, въ терену,
Я у матушки во узорчатомъ.

(Дѣвушка въ хороводъ)

Я рада бы гадала,
Черезъ поле идучь,
Русу косу ялетучи,
Шелконъ пришиваючи.

Хоръ.

И я золото хорою, хорою,
Чисто серебро хорою, хорою,
Я у батюшки въ терену, въ терену,
Я у матушки во узорчатомъ.

(Дѣвушка въ хороводъ)

Отыскалось золото,
Сыскалось колечушко,
У сына боярскаго,
На правой на рученькѣ.

Хоръ.

И я золото хорою, хорою,
Чисто серебро хорою, хорою,
Я у батюшки въ терену, въ терену,
Я у матушки во узорчатомъ.

Никита Романовичъ.

Ая дѣвушки! Спасибо, вотъ утѣшили.
Такъ отыскалось жаръ колечушко?
А было не терять, не подхватилъ бы сынъ
Боярскій. Золото колечко потеряла,
А съ нимъ и волюшку, прохладушки, гульбы.

Тысяцкія.

Милости просимъ, людѣ честной, къ нашимъ молодымъ на сыръ караванъ.

Никита Романовичъ.

Князь молодой! А есть ли шелковая
Плетка за сафьяннымъ сапогомъ,
Чтобъ было чѣмъ прогнать дѣвичью нѣгу?

Ты сяцкiй.

А какъ же? Есть, бояринъ. Какъ безъ нее?
Я не шубу бью, молодую учу. Просятъ наши князь со княгиней вась чароч-
кой вина, бояре. Чарочку примите, молодыхъ надѣлите.

Никита Романовичъ (*беретъ чарку*).

Дан Богъ совѣтъ вамъ да любовь.
Изъ церкви вышли, хлопьями свѣтъ поवालъ;
Богато жить вамъ, есть примѣта. Горько;
Вѣдь, надо бѣ подсластить. Что покрасиѣла?

Ты сяцкiй.

И то, а мнѣ и невдомекъ.... Полянъ полянью.

(*Молодые цѣлуются.*)

Не золото, да съ золотомъ свивалось, не жемчужина съ жемчужиной ската-
лась, молодая то княгиня съ княземъ цѣловалась. А не похулишь молодого
нашего, бояринъ; вороний подъ нимъ во пятьсотъ рублей, а и самъ на конѣ
цѣны свѣты нѣтъ.

Никита Романовичъ.

Не по хорошу милъ, а по милу
Хорошъ, пословица. Помолодѣешь
Вѣдь съ молодыми то. Да. Молодость
Сокровище. Не сбережешь его,
Не спрячешь. Проглянуло серебро
Во кудряхъ русыхъ, силка. удай, глядишь.
И отлетѣли безвозвратно, и сяди
Да вспоминай, на юность глядя, прошлое.

Князь Симеонъ Бекулатовичъ.

Ты не старикъ, ты юноша дондесъ;
Ошибкой сѣдина тебя посеребрила.
А что, гляжу я на тебя, Никита,
И думаю: селъ, городовъ великихъ
Есть много у тебя, казны—ларцы;
А нѣту одного, хозяйки,
Подружья. Чтѣбъ тебѣ обзавестись
Опять домкомъ?

НИКИТА РОМАНОВИЧЪ.

Въ умѣ ли ты? Людей
Смѣнить на старости; а сыновья
Что скажутъ? Мачиха замѣнить ли
Имъ мать такую, какъ была моя
Покойница?

КНЯЗЬ СИМЕОНЪ БЕКУЛАТОВИЧЪ.

Послѣ нея, и впрямь,
Не сыщешь дѣтямъ мать, себѣ подружья,
Такія души, видно, Богу надобны,
Никита, свѣтъ, Романовичъ.

ТЫСЯЦКІЙ.

Гусь съ уткой идетъ. Тысяцкій чарочки несетъ. Выпейте, бояре, чтобы
курочки велись, да неслись, пирожки бы не расчинивались.

НИКИТА РОМАНОВИЧЪ.

Спасибо, тысяцкій. Да будь
Повеселѣе, князь. Вотъ выпьемъ-ка по чарочкѣ.
Сидѣть на свадьбѣ, такъ не хмуриться.

КНЯЗЬ СИМЕОНЪ БЕКУЛАТОВИЧЪ.

Нейдетъ на умъ веселье. Я вчера
По утру былъ у государя. Все
Перевернуть опять опричники;
Не вѣсть чего опять наговорили
Про насъ, про земщину. Дивлюся я
Ему; ума палата, грамотѣи;
Какъ полагаться на такія рѣчи?
Какъ, не развѣдавъ, вѣрять всякому?

НИКИТА РОМАНОВИЧЪ.

Этъ князь! Чужу бѣду я разведу руками,
Къ своей ума не приложу.
Коснись перстомъ до свѣжей раны — больно?
А у него, ты знаешь, и душа
И сердце наболѣли. Ты подумай:
Легко ль недужному, когда
Ему, безъ жалости и день и ночь,
Большее мѣсто дразнить, да беречь?

Въ немъ неуклончиво, я знаю, сердце;
Нѣтъ мѣры у него ни гнѣву,
Ни милости. Его беречь бы надо, а его
Терзають. Много худа въ немъ,
Да вѣдь и въ насъ то, вѣрь мнѣ, извѣститъ,
Добра то есть ли золотики?
Измѣню, говорятъ, онъ видитъ всюду. Отчего?
Да оттого, что измѣняли. Что
Посѣешь, сказано, то и пожнешь;
Вотъ, сѣятели-то и пожинають въ немъ
Что сѣли. Орудье Божьяго
Онъ гнѣва, бичъ, карающій насъ всѣхъ
За прегрѣшенія.

Князь Симеонъ Бекбулатовичъ.

«Жеаломъ желѣзнымъ
Упасу вы», не мимо сказано.

Н а р о д ъ.

Царица!

*(Царица Анастасія Романовна. Въ накиннутой наскоро
собольей шубѣ; безъ покрывала.)*

Ц а р и ц а А н а с т а с і я.

Разступись, раздвинься, народъ
Крещенный, православный!
Царицъ дай дорожку не широкую... Мнѣ пѣтъ
Дороги къ милости царевой.
Къ любви братией не найду ли? Браты! Сидишь,
Пируешь, прохлаждаешься, а надъ собой
Не часишь ты невзгоды О!
Погасло наше солнце красное! Звѣзда упала!
Потухла мѣстная свѣча!
Мой Ѳедоръ, чадо мое милое,
Казненъ.

Никита Романовичъ.

Казненъ? Царевичъ то казненъ?
Сестра. Въ умѣ ли ты? Да чья рука
Проклятая приподнялась?

ЦАРИЦА АНАСТАСІЯ.

Малюта....

НИКИТА РОМАНОВИЧЪ.

Какъ?

ЦАРИЦА АНАСТАСІЯ.

Гони скорѣе, братъ... Гони.
Въ застѣнкѣ константиновскомъ... Малюта
Повезъ его туда... спаси, спаси
Мнѣ сына... Отца спаси... О, гдѣ ты былъ?
Какъ оставлять тебѣ царя? Ты знаешь.
Ихъ.

НИКИТА РОМАНОВИЧЪ.

Коня живѣе.

ЦАРИЦА АНАСТАСІЯ.

Я было
Рвалась къ царю; не допустили. Я
Уговорила бы... Вѣдь сынъ родной
Ему..

ОТРОКЪ (входитъ).

Конь подведенъ.

НИКИТА РОМАНОВИЧЪ.

Прощай сестра;
Велите заложить рыдванъ царицѣ....
Нѣтъ, здѣсь ты подожди меня. Прости, моя
Вѣнчанная страдалица.

ЦАРИЦА (плачетъ).

Сынъ милый! Поѣзжай же... Поѣзжай. (Уходитъ за Никитой
Романовичемъ)

НАРОДЪ.

Казнить
Царевича? Да такъ ли полно, братья?

Князь Симеонъ Бекбулатовичъ.

Вотъ до чего мы дожили! Скоро Ты
На развращенный родъ
Подымеешь мечъ Твой Господи.
Познають, яко Ты Господь, да поздно.

(Образная во дворцѣ. Полночь.)

Царь Иванъ Васильевичъ (входитъ).

Григорій. Али спать?

Григорій (входитъ изъ соседней палаты).

До сна ли, осударь.

Царь Иванъ Васильевичъ.

Тебѣ-то что? Иное дѣло мнѣ
Не спится. Я сына въ эту ночь
Казню. Ты съ разумомъ,
Вотъ и пойми: судъ правый не лицепріятъ.
Сынъ царскій измѣнилъ,—повиненъ смерти. Сердце
У насъ владыкъ такое же
Какъ ваше, вѣрь. Мы тѣ же люди. Я
Отецъ. Онъ чадо мной любимое.
Ты думаешь, мнѣ не больно? Оторви
Отъ древа вѣтвь младую, сокъ потечеть.

Григорій.

Мы знаемъ, осударь.

Царь Иванъ Васильевичъ.

Гдѣ знать вамъ. Кабы знали... Я
Не вѣченъ, смертенъ есмь.
А помани слова мои,
Изъ рода въ родъ, отъ прадѣда
Внучатамъ, правнучатамъ слава о царѣ

Иванъ не минуется, покуда Русь
Стоитъ. «Быль грозенъ», скажутъ, «грозенъ былъ,
«А правдушку святую берегъ,
«Не покидалъ, любилъ». Что это, ровно бы
Народъ шумить у крылецъ?

Григорій.

Я

Не слышу, осударь.

Царь Иванъ Васильевичъ.

Ступай усни.

Али постой... А что, я не припомню, плѣнный,
Жилецъ изъ Юрьева, что назвалъ...
Кѣмъ назвалъ онъ меня?

Григорій.

Забудь, великій осударь, лихое слово.
Онъ...

Царь Иванъ Васильевичъ.

Какъ? Позабыть? Я сыну голову
Рублю за ослушанье, а слова
Злодѣйскія, лихія, стану забывать?
Забудь, слышь. Онъ казненъ,
Вѣдь, вѣпоры?

Григорій.

Нѣтъ, осударь.

Царь Иванъ Васильевичъ.

Казнить тотчасъ же Да поѣдешь, заѣзжай
Въ застѣнокъ, къ Федору, узнай, что тамъ
Творится... Былъ ли духовникъ, спроси.
Да поскорѣе пріѣзжай съ отвѣтомъ.

Григорій.

Я не замедлю, осударь.

ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЬ.

Постой. Я отмѣняю казни
Жильцу... Прощаю. Выпустить;
Да молви, подагь бы за упокой
За отрока, за раба Божіа
Ѳеодора. Ѳеодора, могь... Слышишь?
Самъ повидай его, смотри же.

ГРИГОРІЙ.

Слушаю (*Уходитъ*).

ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЬ.

Сонмъ ангеловъ, прими святую душу отрока.
Безгрѣшный, вѣдь, еще.
Какіе у него грѣхи-то? Отрокъ.
Днесъ правдѣ жертва чистая
Принесена. Кто укорить меня?
Кто скажетъ, онъ на лица зрить? А тяжко... Сынъ
Мечь кладенецъ, карающій
Неправды, какъ ты тяжелъ, о какъ тяжелъ
Порой. Слабѣю, тѣло бренное
Изнемогло и духъ болѣзнуетъ,
А нѣтъ врача, кой исцѣлилъ бы;
Нѣтъ сострадающа; коварствомъ, зломъ
Мнѣ ближніе платили за добро,
И на любовь отвѣтили измѣной.
А разыщу... Тутъ умыселъ, обманъ.
Ребенка душу совратили..... Онъ
Послушенъ былъ. Мнѣ Новгородъ заплатить дорого
За эту голову. Огнемъ
Да полымемъ поминки справлю я
По сынѣ въ Новѣгородѣ.
И между здѣшними змѣями есть,
Есть искусители. Малюта правъ,
Измѣна въ шапкѣ невидимкѣ ходить;
Кабы на хлѣбъ да не морозъ,
Онъ черезъ тынъ бы перевѣсился;
Въ гортань-то льву дай перстъ одинъ, съ рукой
Простись. Найду, найду измѣнниковъ.
Будь подъ землею они, отрою,
Въ бездонномъ морѣ отыщу. Моя
Рука длинна, достанетъ.

А что— открою подученъ врагами онъ?
Невиненъ? Нѣтъ. Десница Авраамова
На сына занесенная, Творецъ,
Отведена не по Твоей ли волѣ?
Я грѣшникъ; милости Твоей не стою,
Но вѣдь и псы питаются крохами
Богатой трапезы? Ты не допустишь, рекни:
«Единый власъ съ главы не отпадетъ
Безъ воли вышнія».
Приними съ высоты и призри,
На всякомъ мѣстѣ бо владычество Твое.

(Входитъ Григорій).

Ну что?

Григорій.

Свершилось. Отлетѣлъ нашъ голубокъ.

Царь Иванъ Васильевичъ.

Царство небесное (Молчитъ). За лиходевъ, за воровъ,
Злодевъ, есть заступники,
Помощники есть крѣпкіе. За насъ
Замолвить слова некому; не сыщется
Ходатая, радѣльщика. Святая правда:
«Чужое горе людямъ смѣхъ».
Вся сила тутъ не въ немъ, не въ силѣ; дознаюсь я,
Довѣдаюсь... Застѣнки настѣжь! Дыбы...
Скажи Малютѣ, розыскъ нонче жъ начинать.
Да буде сватовство, у нихъ,
Да кумовство опять начнется,
Скажи, я кожу съ нихъ, съ живыхъ слеру.
На Новгородъ послать двухъ стольниковъ
Зайди къ митрополиту; панихида, молю,
Соборнѣ, днесъ, въ Архангельскомъ. Бояръ
Оповѣстить.

(Григорій уходитъ).

За мѣсто брачныхъ пѣсенъ,
Красавцу пропоемъ мы память вѣчную...
Я мнилъ, упрямую скоро на главѣ
Его вѣнецъ вѣнчальный; нынѣ зрю
Терновый, мученическій (Уходитъ).

(Застѣнокъ.)

Потаня (*Проходитъ съ фонаремъ*).

Потаня.

Нѣтъ, знай

Да вѣдай, не пошелъ бы я въ опричники.
Богъ съ нимъ съ почетомъ. Страсть,
Посмотришь, что у нихъ тутъ дѣется.
Не по сердцу, не по душѣ мнѣ эта служба

(*Уходитъ.*)

Царевичъ Феодоръ (*Входитъ въ цѣпяхъ*).

О! Страшно человѣку ждать часа смертнаго.
Подумаешь, погаснетъ свѣтъ очей, душа
Жемчужиною выпадетъ
Черезъ золотое ожерелье,
И сердце перестанетъ биться; мать
Сыра земля за мѣсто ложа мягкаго.
И не отходить, что живой стоитъ
Передъ очами, ликъ вѣковой печальницы
Моей, родимой матушки.
Вотъ будетъ слезъ у ней... хоть бы она
Меня благословила... Все легче бы
Мнѣ умирать. Я знаю, тяжело я
Прогнѣвалъ, свѣта, батюшку. Ослушникъ я;
И тамъ, передъ свитымъ Престоломъ Судии
Всевышняго, отвѣчу страшно.
О помолися, помолись
Родная за меня! Слыхалъ я, много можетъ
Предъ Господомъ молитва матери

Малюта (*Входитъ съ топорома*).

Что запечалился царевичъ?
Знать, неохота разставаться съ бѣлымъ свѣтомъ? То то
Вы въ рай то проситесь, а умирать
Бойтесь. А по нашему,
Хоть во грѣхахъ, да на ногахъ. Не рои
Другому ямы. Не шути огнемъ,
Ожжетъ. А зналъ бы поговорку: «цвѣти
Цвѣтокъ, а и крапивѣ не мѣшай
Растя.»

ЦАРЕВИЧЬ ТЕОДОРЪ.

Богъ долго терпѣть, покаянья ждетъ;
Приспѣетъ время, покараетъ и тебя.

МАЛЮТА.

Посхишимся, успѣемъ
На старости. Молись.

*(Голосъ Никиты Романовича за дверьми: «Эй!
Отворите.»)*

МАЛЮТА.

Кто тамъ?

*(Голосъ Никиты Романовича: «Живѣе! Отворяй!
Ломайте двери. Ложь сюда!»)*

(Ломаютъ двери)

МАЛЮТА.

Разбой, измѣна!

Эй, молодцы!

НИКИТА РОМАНОВИЧЬ *(врывается и кидается
на Малюту).*

Не по себѣ кусокъ

Ты выбралъ песь; тѣмъ кусомъ и подавишься.

*(Дерутся съ Малютою на сабляхъ. Вбѣгаютъ жиль-
цы и потомъ опричники. Тѣ и другіе съ фонарями.)*

Звѣнецъ.

Измѣна. Бей ихъ!

Жильцы.

Братцы! За царевича!

НИКИТА РОМАНОВИЧЬ *(продолжая драться)*

Не троньте. *(Опричникамъ)* По домамъ. Поведаваю
Царевымъ именемъ.

МАЛЮТА.

Измѣнникъ ты.

Убить я... Раненъ, на смерть раненъ *(падаетъ).*

Никита Романовичъ.

Собака смерть собачья.

Малюта.

Ты злодѣи! Ведите
Къ царю меня. Я не умру. Прочь... Прочь!
Не бередите раны... Жжете...

Никита Романовичъ.

Люта смерть грѣшника. Возьмите
Его. *(Малюту уносятъ)* Голубчикъ Одея. Не чаю я
Застать въ живыхъ тебя.

Царевичъ Θεодоръ.

Родимый, дядя!

(Обнимаются. Потомъ снимаютъ цѣпи съ царевича).
Мнѣ думно: что мы скажемъ батюшкѣ?
Ты знаешь, онъ разгнѣвается, съ нимъ
Бѣда, что сыръ-боръ разгорится. Какъ быть?
Боюсь, тебѣ бы не досталось за меня.

Никита Романовичъ.

Что обо мнѣ? Моя глава
При старости. Мой вѣкъ и такъ не длиненъ.
Твою головку бы сберечь?
Твоя при младости. Постельника
Григорья царь присылалъ сюда. Я встрѣлъ
На площади его и воротиться
Велѣлъ, сказать царю: казненъ, молъ, сынъ.

Царевичъ Θεодоръ.

А матушка?

Никита Романовичъ.

Она упрежена;
Царица на мосѣ дворѣ. Поѣдемъ
Туда. Вотъ будетъ радости у ней...
Помолимся всѣ виѣстѣ. Богъ укажетъ
Что надо дѣлать. Утро, старики
Говаривали, мудренѣ поздняя вечера.

III.

(Зима. Выходит солнце. Площадка у соборовъ. Крыльцо дворцовое накрыто чернымъ сукномъ. Благовѣсть къ панихимѣ).

(Народъ толпится у крыльца).

1-й Посадскій.

Куда ты это разрядился въ шелкъ-отъ?
Аль не слыхалъ, что бирючи кричали?
Въ печальномъ платьѣ быть всѣмъ православнымъ
Къ соборамъ. Постъ наложенъ на три дня,
Поминки нонче у царя
По Ѳедорѣ царевичѣ

Купецъ.

Да развѣ онъ
Преставился? Мы изъ Ростова только что.

1-й Посадскій.

Казненъ

Купецъ.

Казненъ? Царевичъ? Господи!
Да расскажите... *(Исчезаетъ въ толпу).*

Потаня.

Православные!

Вы по одежѣ видите, кто я.
Опричникъ. Землю, душу я,
Почета ради, на кафтанъ на золотной
Смѣнилъ. Какъ поглядѣлъ, что дѣется...
Нѣтъ, думаю, душа дороже мнѣ
Кафтана. Уиду, казни меня надежа осударь.
Отцы и братья! Царь идетъ
Я слышалъ ко Архангелу въ соборъ,
На панихиду. Слушайте, падемъ
Всѣ на колѣни. «Осударь, пожалуй,
«Не повели казнить, дай слово молвить».

1-й Посадскій.

Да что ты молвишь-то?

Потаня.

Что молвлю?

Вотъ молвлю что: «великій осударь!

«Малюта воръ Скураговъ облиховалъ

«Царевича. Опричники.....»

1-й Опричникъ.

Гайда! (*Секститъ.*)

Измѣна. Эй! Вяжи его. (*Потаню вяжутъ*)

1-й Посадскій.

За что?

1-й Опричникъ.

Вяжи, знай. Разберуть за что

2-й Опричникъ.

Ты шуба,

У тебя языкъ длинненекъ; спрячь,

Не подрубили бы.

Потаня.

Вяжите. Вы

Измѣнники, клеветники.

Простите православные въ чемъ согрѣшили.

Иду я на мученье.

Звѣнецъ (*Сказавъ что то тихо оприщикамъ*)

Развязать. (*Потаню развязываютъ.*)

Потаня.

Пойду къ Архангелу; сначала помолюсь;

Изъ церкви царь пойдетъ, я грянусь въ ноги

И расскажу про нихъ, злодѣевъ,

Всю правду истину. (*Уходитъ.*)

1-й Посадскій.

Ну времена.

2-й Посадскій.

Не даромъ знаменья на небеси,
Звѣзда съ хвостомъ. Не вдавнѣ, сказывали, шумъ
Въ архангельскомъ стоялъ и стонъ.
Монахъ одинъ, благочестивый, слышалъ ночью;
Взглянулъ въ окно, прислушался, —
Поютъ, служеніе въ соборѣ, свѣчи....
Одѣлся, обошелъ святой отецъ
Вокругъ собора, — тихо, двери заперты,
И въ окнахъ свѣтъ исчезъ. Такія знаменья,
Вѣдь, даромъ не бываютъ.

Купецъ.

Да чего
Тебѣ еще? Гляди, что дѣется.

Царь Иванъ Васильевичъ (въ печальномъ платьѣ съ посохомъ), Князь Симеонъ Бекбулатовичъ, Бѣльскій, бояра (попарно, въ въ печальномъ платьѣ, показываются въ дверяхъ и медленно сходятъ съ крыльца. Народъ скимаетъ шапки).

Голоса въ народѣ.

Вотъ онъ, нашъ батюшко! Вотъ онъ! Гляди,
Какъ исхудалъ. Не красить безвременье никого.
Вишь, лиходѣи, какъ его
Измаяли. Такой ли былъ
Онъ, солнце наше красное?

Царь Иванъ Васильевичъ.

Нѣтъ, Симеонъ,
Усталъ я. Отъѣду въ слободу, али
Въ обитель дальнюю какую; постригусь.
Тебя царемъ поставлю, — государствуй.
Вѣкъ вѣченской борись съ измѣной гидрою,
Да съ ложью. Силь нѣтъ болѣ. Помышляю
И то порой: азъ окаянень есмь;

Какой я вождь слѣпымъ? Гдѣ быть мнѣ свѣтомъ,
Во тьмѣ ходящему? Другихъ учить
Мнѣ, неключиму сущу? Врачъ, исцѣлился
Самъ, Апостолъ-отъ насъ учить; себѣ
Внемли. Какъ погляжу я на себя,
Вѣдь хуже звѣря я убогій, безсловеснаго...
Какъ я предстану, какъ явлюсь
На судище Христова?
Исполнилася золь душа моя,
Животъ мой аду приближися.
Помыслишь временемъ и возскорбишь.
Печемся о мимотекущемъ, вѣчное
Забыто; устнами хвалимъ Господа,
Не сердцемъ. А какъ рекуть: «нѣсть ти спасенія
И въ Бозѣ?» Тогда то что? Куда поспѣемъ?

Князь Симеонъ Бекбулатовичъ.

Царь!

Урядъ земли не легкое есть дѣло.
Тебѣ ума не занимать бы стать,
А отрекаешься. Куда же намъ
Убогимъ, слабоумнымъ, браться
За тѣ орудья царскія? Когда
Тебѣ, богатырю, да не подъ силу бремя,
Гдѣ намъ, щедушнымъ, вынести?

Царь Иванъ Васильевичъ.

Попробуйте.

Вы блеску самоцвѣтовъ камней
На бармахъ царскихъ, да въ вѣнцѣ
Дивитесь. Узнайте, каково
Плечамъ, главѣ, подъ симъ вѣнцомъ,
Подъ сими бармами. Ты испыталъ ли, боленъ ты,
Недуженъ, духъ въ смятеньи, страшный мракъ
Могилы уже злѣеть; ты
Одной ногою въ гробъ; примиренья часъ
Съ самимъ собою, съ міромъ, часъ униженья,
Покаянія, прощенія
Врагамъ, — и въ этотъ часъ, съ предсмертнаго
Одра, ты зришь злодѣйскія замыслы
Известь семью твою,
Лишить дѣтей, Господней милостью
Имъ данной, власти; зришь, друзья тебѣ

Содѣлялись врагами,
И жребіи мечуть достоянью твоему?
А это былъ. На всѣхъ, на васъ, пошлюся; слово
Я тутъ прибавилъ ли? Былъ, Симеонъ.

(Опирается обѣими руками на посохъ).

А доводилось ли тебѣ, бояринъ,
Какъ мнѣ, вотъ о ночи, казнить
Роднаго сына? А? Доводилось ли?

Никита Романовичъ *(въ богатой широчайшей шубѣ). Жиль-*
цы. Царевичъ Феодоръ (закутанный, въ толпѣ жи-
цовъ. Благовѣствъ умолкаетъ):

Никита Романовичъ.

На многи лѣта здравствуи, царь великій. съ своей
Царицей Анастасіей, съ дѣтьми
Рождеными Феодоромъ, Иваномъ
Ивановичами!

Царь Иванъ Васильевичъ.

Никита. Знаешь ты
Пословицу: «языкъ и хлѣбомъ кормить,
Да и на плаху водить.»
Аль посмѣяться вздумалъ надъ царемъ?
Надъ скорбною душой не надѣвайся;
Не говори ей, скорбной, ты черна,
Ты пала, а сострадай.
Аль ты не знаешь... Еще дяди, а не вѣдаешь,
Что Феодора не стало. И одѣтъ,
Разубранъ, что на брачное веселье...
Такъ знай, днесь панихида у царя
По сынѣ Феодорѣ.

Никита Романовичъ.

Царю! По всей
Руси сіяетъ правды солнце, тобою, что
Зеница ока хранимось.
У насъ есть пѣсня: «народился царь
«Иванъ тогда, какъ восходило солнце красное,
«На небѣ выставка подвосточная
«Звѣзда.» Хвалу не стану повторять

Тебѣ единымъ земскимъ сердцемъ изреченную;
Другое дерзну я, нищій, вымолвить:
Ты смертный, какъ и мы. Подумай, кто
Дерзнетъ изречь, непогрѣшимъ, де, я,
Во вѣкъ не ошибался? Лучъ святой
Любови къ правдѣ, знаемъ мы, горитъ
Въ твоей душѣ царевой; молимъ Бога,
Да разгорается день ото дня,
Да озаряетъ онъ свѣтлѣе и
Свѣтлѣе землю. Правду твою
Мы видѣли, а гдѣ же милость? Милость
Гдѣ у тебя царю?

Царь Иванъ Васильевичъ.

Есть. Какъ не быть.
Да некого покуда, шуринъ,
Мнѣ миловать.

Никита Романовичъ.

А буде есть кого?

Царь Иванъ Васильевичъ.

Помилюю.

Никита Романовичъ (*Выводитъ царевича
Геодора*).

Помилуй же родного
Сына. Прости его

Царь Иванъ Васильевичъ (*Обнимаетъ царевича*)

Голубчикъ! Одея! Господи!
За что Ты жалюешь? За окаянство
Награда бичъ!

(*Царевичъ Ангелъ-сія, бояре; все разодѣтыя, показываються на крыльяхъ*).

Жена! гляди ко мѣ праздникомъ какимъ.
Меня, унылаго, твой братъ то едѣлалъ.
Поди же къ матери то Чай она...
Дай, обниму еще тебя. (*Обнимаются*).

(Царевичъ идетъ къ матери. Царю подають другую шубу; онъ наскоро переодѣвается. Съ крыльца убирають черное сукно; остается красное).

Никита!

Чѣмъ мнѣ тебя пожаловать? Казной ли
Золотой, аль городами, селами
Съ приселками?

НИКИТА РОМАНОВИЧЪ.

Есть у меня довольно

Салъ и городовъ, казны ларцы
Непочатые. Царь! пожалуй ты
Меня на матушкѣ Москвѣ широкой
Улицей; пусть и зовется, такъ,
Никитиной. Коня ли кто сведеть,
Аль въ чемъ другомъ не тяжко провинится,
Въ ту улицу мою зайдетъ,
Его вина отпустится,
Тобой, царемъ, простится.

ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Зналъ попросить чего. Будь ты
Земли заступникъ предъ царемъ; дарую.
Мнится мнѣ: не будетъ ли та улица
Твоя стезею мнѣ къ подножію
Престола Его, Источника любви
И милости?

НАРОДЪ.

Здравъ буди, царь
Иванъ Васильевичъ, съ рожевыми
Дѣтьми Иваномъ и Феодоромъ
Ивановичами!

НИКИТА РОМАНОВИЧЪ.

Здравъ буди, царь!

НАРОДЪ.

Здравъ буди!

НИКИТА РОМАНОВИЧЪ.

Пѣсенники, славу!

ХОРЪ ПѢСЕННИКОВЪ.

Слава Бѣгу на небѣ,
Слава!
На землѣ Государю Великому;
Слава!
А ему бѣ Государю не старѣться;
Слава!
Цвѣтну платью его не изнашивать;
Слава!
А и конямъ его не изъѣзживать;
Слава!
А и слугамъ его не измѣниваться;
Слава!
А бы правда пошла по всей русской землѣ;
Слава!

Н. Часть.

ДОБРЫЙ ТОВАРИЩЪ

Они подъ карнизомъ стояли вдвоемъ,
Работая дружно своимъ молоткомъ;
Внизу, подъ ногами ихъ, городъ лежалъ,
А сѣверный вѣтеръ вкругъ нихъ завывалъ.

Поденщики бѣдные были они,
Трудились безъ усталы цѣлые дни;
Ихъ щеки ввалились, печалень ихъ видъ,
Ихъ ветхое платье въ лохмотьяхъ виситъ

И строятъ они пышный барину домъ;
А вѣтеръ и воетъ, и свищетъ кругомъ,
Качаетъ подмостки, стропила трещать,
И съ каждой минутою рухнуть грозятъ.

Вдругъ новый порывъ, — и разрушилась связь.
И съ грохотомъ все полетѣло, крутятся;
Они прицѣпились къ доскѣ и висятъ
И въ страхѣ о помощи молятъ — кричатъ.

Держитесь, несчастные! помощь близка...
Но тонкая гнется подъ ними доска;
А бездна зияетъ... Одинъ лишь порывъ, —
И рухнуть они неизбежно въ обрывъ.

Тутъ молвилъ одинъ: «намъ пришлось умирать:
Не можетъ доска насъ обоихъ сдержать;
Но вѣрно бѣ одинъ удержался на ней,
Пока къ нему помощь придетъ отъ людей.»

— «Землякъ! — отвѣчаетъ другой, — у меня
Осталась въ деревнѣ большая семья!»
— «Ну, мой знать чередъ. Богъ тебя сохрани!
Прощай! будешь живъ, обо мнѣ вспомни.»

Сказалъ онъ — и кинулся внизъ на гранитъ;
Тамъ трупъ его, кровью облитый, лежитъ...
Какъ звали его, намъ никто не открылъ;
Но добрый и вѣрный товарищъ онъ былъ!

Ө. Миллеръ.

С Е М Е Л А.

Вольный переводъ драматической поэмы Шиллера.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Юнона.

Семела, дочь Фивскаго царя Кадма.

Зевесъ.

Меркурій.

Дѣйствіе происходитъ въ Фивахъ во дворцѣ Кадма.

С Ц Е Н А П Е Р В А Я.

Юнона (*сходитъ съ колесницы, окруженной облаками*).

Пернатые! летите съ колесницей
Къ заоблачнымъ вершинамъ Кнөөрона,
И ждите тамъ прихода моего!

(*колесница и облака исчезаютъ*)

Такъ вотъ тотъ домъ, гдѣ грозный мой Зевесъ
Нашелъ пріютъ для новыхъ беззакопій,
Гдѣ смертное, земное существо,
Рожденная изъ хладной персти дѣва
Отрвала отъ сердца моего
Властителя громовъ, и приковала
Къ своей груди! Несчастная Юнона!...
Оставлена, забыта громовержцемъ
Одна сидишь на тронѣ лучезарномъ,
Окружена величіемъ и блескомъ!
Отъ всей земли къ престолу твоему
Возносятся обильно енііамы,
И день и ночь твои отверсты храмы,
Но ты душой остыла ко всему:
Тебѣ не милъ твой блескъ, твоя порфира,
Ни гордый санъ влaстительницы міра,

Нѣ омѣианъ народныхъ алтарей
Съ тѣхъ поръ какъ Зевсъ твое оставилъ ложе —
Тебя забылъ, забылъ и для кого же?
Для брэннаго исчадія людей,
Рожденнаго для смерти, слезъ и тлѣнья,—
И твой удѣлъ позоръ и униженіе!
Къ тому ль меня назначила судьба?
Ужели я должна, съ смиреннымъ видомъ,
Безмолствовать передъ моимъ Кронидомъ,
Безмолствовать, какъ робкая раба.
Но кто же я? Ужель я не царица?
И не жена властителя громовъ?
Вотще ль на мнѣ сіяетъ багряница,
Вотще ли я владычица боговъ?
Я грознаго Сатурна порожденіе: —
Снесу ли я покорно свой позоръ?
Могу ль снести счастливый, гордый взоръ
Совмѣстницы? Нѣтъ мщеніе, мщеніе, мщеніе!
Безумное земное существо!
Ослѣплено тщеславною гордыней,
Ликуешь ты побѣды торжество
Надъ грозною униженной богиней.
Ты мнишь уже, что ей во всемъ равна
(О жалкая и суетная дѣва!),
Но въ пропастихъ бездоннаго Эрева
Постигнешь ты, кто ты и кто она.
Постигнешь ты, что въ бой пошла неравнѣй
Съ богиней. Самъ Зевсъ міродержавный
Теперь тебя отъ смерти не спасетъ: —
Уже во мнѣ, вздымаясь лавой бурной,
Проснулась кровь свирѣпаго Сатурна
И къ мщенію безжалостно зоветъ.

Она идетъ.... я слышу приближеніе
Ея шаговъ.... Пришла минута мщенія. ..
Иди—твоя судьба ужъ рѣшена—
Мой ядъ готовъ: моею рѣчью лѣстливой
Я окурю твой умъ славолубивый,
И, дерзкою мечтой ослѣплена,
Забывъ земныхъ существъ несовершенство,
Ты бросишься за призракомъ блаженства,
Доступнаго лишь божествамъ однимъ,
И велика ты будешь на мгновенье, —
И вдругъ падешь добычей разрушенія,
Раздавлена могуществомъ своимъ.

(уходитъ).

Семела (*входит*).

Ужъ къ западу склоняться стало солнце...
Сюда, сюда скорѣй младыя дѣвы!..
Усыпьте полъ душистыми цвѣтами
И миртами. Несите ароматы....
Онъ не идетъ.... Ужъ пастушаетъ вечеръ..

Юнона (*въ образъ старухи, корми-
лицы Семелы*).

Хвала богамъ безсмертнымъ, дочь моя!

Семела.

Бероя, ты?... Ужели на яву,
А не во снѣ тебя я снова вижу?!...

Юнона.

Какъ развѣ ты, Семела, позабыла
Кормилицу свою?

Семела.

Ахъ, нѣтъ, Бероя!...

О дай прижать тебя къ груди моеи!..
Какъ рада я, что ты еще жива!..
Зачѣмъ ты къ намъ пришла изъ Эпидавра?...
Довольна ли ты жребіемъ своимъ
На родинѣ и любишь ли меня
По прежнему—какъ дочь свою?

Юнона.

Да, прежде

Ты матерью своей меня звала.

Семела.

И буду звать всегда—покуда Лета
Не погрузитъ меня въ своихъ волнахъ

Юнона.

Бероя скоро въ Лету погрузится,
Но Кадма дочь, Семела, никогда.

Семела.

Ты говоришь загадками Бероя!..
Иль въ старости всё говорить такъ странно...
Ты, кажется, сказала, будто я
Не погружусь въ струяхъ рѣки забвенья?

Юнона.

Сказала, да! Но для чего, Семела,
Смѣешься ты надъ старостью моею?
Конечно я моими сѣдинами
Сердца боговъ Олимпа не прельщу,
Но ты своей косою золотистой
И божество прельстишь ...

Семела.

Прости, Бероя!

Не думала я, право, посмѣяться
Надъ старостью:—я тоже постарѣю....
Но что ты мнѣ сказала про боговъ?
Я не могла слышать...

Юнона.

Про боговъ?...

Да, кажется, сказала я, что боги
Нисходятъ къ намъ: ихъ могутъ видѣть люди...
И, можетъ быть, ты видишь ихъ, Семела.

Семела.

Ахъ, какъ ты зла!... Но Расскажи же мнѣ,
Зачѣмъ ты къ намъ пришла изъ Эпидавра?
Не потому ль, что вижу я боговъ?

Юнона.

Да, потому, клянусь тебѣ Зевесомъ!...
Но что же ты вся вспыхнула, Семела,
При имени Зевеса? Повторяю,
Пришла искать я помощи боговъ
У насъ чума: весь Эпидавръ въ волненьи;
Тамъ каждое дыханье смертоносно, —
И всё бѣгутъ со страхомъ другъ отъ друга;

Мать своего ребенка сожигаетъ,
Женихъ несетъ невѣсту на костеръ;
Отъ зарева пылающихъ костровъ
И по ночамъ у насъ свѣтло, какъ въ полдень;
Повсюду плачь и вопли раздаются....
Вотще жрецы колѣна преклоняють
Предъ алтаремъ Кроніона; вотще
Струится кровь отъ жертвоприношеній:
Неумолимъ разгнѣванный Зевесъ.
И вотъ народъ сказалъ: «пускай Бероя
Идетъ просить Семелу: вѣдь она
Кормилица Семелы, — и царевна
Все сдѣласть для ней, а для царевны
Все сдѣласть Зевесъ.» Такъ мнѣ сказали, —
И я пришла къ тебѣ, хоть и не знаю
Съ чего народъ у насъ воображаетъ,
Что для тебя все сдѣлаетъ Зевесъ.

Семела (*съ живостью*).

Чумы не будетъ завтра въ Эпидаврѣ!..
Нѣтъ, ниче же!... Меня Кроніонъ любитъ:
Чума пройдетъ мгновенно....

Юнона.

А! такъ правда

Все, что молва народная разноситъ
По Греціи отъ Гемоса до Иды:
Ты овладѣла сердцемъ громовержца!
Къ тебѣ во всемъ величьи онъ нисходитъ —
Въ сіяніи, съ перунами въ десницѣ,
Какъ зрять его лишь боги на Олимпѣ,
Какъ зрять его Юнона, дочь Сатурна!

Семела.

Онъ юношей является ко мнѣ....
Прекрасенъ онъ, какъ первый лучъ Авроры,
Какъ Гесперь, вѣющій благоуханьемъ травъ;
Величіемъ его блистають взоры--
Сознаніемъ его державныхъ правъ,
А рѣчь его звучитъ, какъ будто струны
Согласныхъ арфъ, какъ льющійся кристалъ....

Юнона.

Но были ли въ рукѣ его перуны —
Онъ съ молніей передъ тобой предсталъ?

Семела.

Нѣтъ, не было громовъ въ его десницѣ,
Безъ молніи предсталъ онъ предо мной;
Но кто бъ не могъ узнать въ немъ Олимпійца:
Онъ красотой блистаетъ неземной.

Юнона.

Ахъ, дочь моя! Любви очарованье
Намъ иногда обманываетъ зрѣнье,
И часто тотъ, кого мы страстно любимъ,
Намъ кажется созданьемъ неземнымъ.
Къ тому же мы встрѣчаемъ иногда
Здѣсь на землѣ людей богоподобныхъ
По красотѣ. Изъ нихъ вѣдь каждый можетъ
Намъ божествомъ Олимпа показаться,—
И насъ плѣнить Но лишь одинъ Зевесъ —
Лишь царь боговъ рукой своей могучей,
По прихоти державной, гонить тучи
И мечетъ громъ и молнію съ небесъ.
О если бъ онъ, во всей красотѣ державной
Представъ тебѣ, повергъ къ твоимъ ногамъ
Небесный громъ: — тогдабъ ты стала равной
Могуществомъ и славой богамъ!

Семела.

Съ нимъ не было громовъ я повторяю...
И что мнѣ въ нихъ? И безъ громовъ и молніи
Онъ для меня былъ выше всѣхъ существъ.
Вѣдь я не дочь Сатурна!...

Юнона.

А! Семела

Ужъ начала завидовать Юнонѣ.

Семела.

О нѣтъ, клянусь Зевесомъ!

Юнона.

Ты клянешься?

Семела.

Да я клянусь, клянусь моимъ Зевесомъ.

Юнона.

Клянешся ты, несчастная?...

Семела (*съ безмокойствомъ*)

За что же

Ты сержишься?

Юнона.

Ты повторяешь ния,

Которое на вѣкъ тебя сгубило....

То былъ не Зевсъ!

Семела.

Не Зевсъ!!... Ты лжешь!... О, ужась!...

Юнона.

Какой нибудь Аоннянинъ лукавый
Пришелъ къ тебѣ, назвавъ себя Зевесомъ,
И, обманувъ неопытность твою,
Лишилъ тебя всего: стыда и чести.

(Семела падаетъ)

Ты падаешь!... О не вставай во вѣки!...
Пусть вѣчный мракъ твой покроетъ очи,
Пусть вокругъ тебя могильное молчанье
Вѣкъ царствуетъ!... Лежи бездушной глыбой,
Не чувствуя позора своего!
О боги! какъ жестоки вы къ Бороѣ,
Шестнадцать лѣтъ, шестнадцать скорбныхъ лѣтъ
Въ разлукѣ я была съ моей Семелой.
И вотъ насталъ блаженный день свиданья...
И что жъ? Она лежитъ передо мной
Убитая позоромъ! Боги, боги!
Я шла сюда съ надеждой и весельемъ,
Съ отчаяньемъ отсюда я пойду...
Пускай чума пожретъ весь Эпидавръ,
Всю Грецію:—не защититъ Семела
Родныхъ племень отъ гнѣва Олимпійца
О, какъ мы всѣ обмануты жестоко—
Семела, я и съ нами вся Эллада.

Семела (*встаетъ блѣдная и дрожащая
и простираетъ руки къ Юнонѣ*)

Что дѣлать мнѣ Борою!?

Юнона.

Успокойся,

Дитя мое!... Приди въ себя... быть можетъ
То былъ Зевесъ, хотя оно и странно.
Вѣдь мы должны навѣрное узнать
Кто онъ такой. И если онъ Зевесъ,
То пусть тебѣ докажетъ это ясно,
А если онъ обманщикъ, то пускай
Его казнить народъ за преступленье.
Вотъ видишь, какъ я о тебѣ забочусь,
Дитя мое. Скажи же мнѣ, Семела,
Согласна ли ты испытать его?

Семела.

Нѣтъ, нѣтъ!

Юнона.

Ахъ! дочь моя, но развѣ лучше
Сомнѣніемъ томиться цѣлый вѣкъ?
Вѣдь можетъ быть, то вправду былъ Зевесъ.

Семела (*пряча голову на груди Юноны*)

О нѣтъ, то былъ не онъ!

Юнона.

Кто это знаетъ!...

Но испытать его уловкой хитрой,
Могла бы ты всю истину узнать.—
Ужели ты расквещешься, Семела,
Когда Зевесъ предстанетъ предъ тобой
Во всемъ своемъ величій державномъ,
Какъ будто бы передъ самой Юноной?

Семела (*съ живостью*)

Да, да, пускай откроется онъ мнѣ!..

Юнона

Такъ слушай же, Семела, ты должна
Держать себя съ нимъ холодно и строго,
Пока тебѣ онъ явно не докажетъ,
Что онъ Зевесъ.—Когда ты адешь его?

С е м е л а.

Онъ общалъ придти ко мнѣ сегодня,
До захожденья солнца...

Ю н о н а (*забывшись встлльчиво*).

Какъ?! Сегодня

Къ тебѣ опять придти онъ общалъ!

(*пришеда вь себя*)

Пускай придетъ! Когда жъ въ порывѣ страсти,
Онъ бросится къ тебѣ, горя желаньемъ
Тебя обнять,—ты отскочи въ испугѣ,
Какъ будто вдругъ ступила на змѣю;
Онъ предъ тобой отступитъ въ изумлени.
Когда жъ опять, блистая страстнымъ взоромъ,
Съ объятіями онъ кинется къ тебѣ,
Ты примешь видъ невозмутимо строгій,
И ледянымъ, сурово-мрачнымъ взглядомъ
Ты отразишь порывъ любви кипучей.
Чѣмъ холоднѣй, чѣмъ ты суровѣй будешь,
Тѣмъ будетъ въ немъ сильнѣе разгораться
Огонь любви. Ты помни, что любовь
Есть яростный потокъ неукротимый,
А красота холодная—плотина:
Чѣмъ болѣе поставишь ты преградъ
Потоку, тѣмъ свирѣпѣе и сильнѣй,
Тѣмъ яростнѣй стремиться будетъ онъ,
Чтобы сорвать съ пути твои преграды.
Такъ хладною суровостью своей
Ты подстрекая въ Зевесѣ пылъ любовный.
Потомъ должна ты новою уловкой
Еще сильнѣй въ немъ чувства взволновать.
Должна ты вдругъ придти въ негодованье,
Упреками въ немъ сердце уязвить,
И наконецъ заплакать передъ нимъ.
А твой Зевесъ—безстрашно и спокойно
Онъ полчища гигантовъ поборагъ,
Онъ могъ взирать съ улыбкой равнодушной
Какъ яростный Тисей, отецъ Горгоны,
Сей исполни стоголавый и сторукий —
Громады горъ бросалъ къ его престолу,
Но женскихъ слезъ, слезъ кроткой красоты
Не въ силахъ онъ снести,—и радъ все сдѣлать
Чтобъ не видать страданій и тоски

Прекраснаго и слабаго созданья.
И вотъ къ нему приступишь ты съ мольбой,
Чтобы тебѣ заранѣ онъ поклоняся
Исполнить все чего ты ни попросишь.
Наставляй и требуй непремѣнно
Чтобъ Стиксомъ онъ поклоняся—не иначе.
А ежели онъ Стиксомъ поклоняется, —
Не властенъ онъ назадъ свое взять слово.
И ты тогда потребуй отъ него,
Чтобъ предъ тобой предсталъ онъ въ томъ убранствѣ,
Въ какомъ его лишь видать на Олимпѣ,
Въ какомъ его Юнона созерцаетъ.
Скажи ему, что этимъ только можетъ
Онъ доказать свой санъ міродержавный,
А что пока ты ясно не увидишь,
Что онъ Зевесъ, — ему ты не позволишь
И край одеждъ твоихъ поцѣловать.
Ты не страшись, когда тебѣ онъ скажетъ,
Что не снесешь ты молній и громовъ,
Которые вокругъ него витаютъ.
Наставляй и требуй, и когда
Послушаетъ тебя онъ наконецъ, —
То и сама державная Юнона
Завидовать моею Семелѣ станетъ.

С е м е л а .

Я не люблю спѣсивую Юнону.
Противная — съ бычачьиими глазами!..
Мнѣ говорилъ Зевесъ, какъ онъ страдаетъ
Отъ ревности ея...

Ю н о н а (съ стороны съ тѣломъ)

О, червь презрѣнный!
Я раздавлю тебя!.. Ты смѣешь....

С е м е л а

Что?

Что шепчешь ты?

Ю н о н а (съ заальжательствомъ)

Вступаюсь за Юнону....
Вѣдь у нея глаза совсѣмъ не дурны

С е м е л а.

Противные, противные глаза!..
И цвѣтъ лица у ней зелено-желтый
Отъ ревности... Миѣ право жаль Зевеса.
Когда себѣ представлю, какъ Юнона
Всю ночь къ нему съ любовью пристаётъ
И ревностью терзаетъ цѣлый день,—
И мой Зевесъ, какъ будто Аксіонъ
На колесѣ...

Ю н о н а (*внѣ себя отъ гнѣва*)

Но замолчишь ли ты!

С е м е л а.

Ты сердишься, Бероя! Развѣ я
Сказала дождь или такую глупость,
Что привела тебя въ негодованье?

Ю н о н а.

Сказала ты неправду, дочь моя,
И не умно неправду ты сказала.
Не забывая надъ кѣмъ смѣешься ты —
Надъ дочерью Сатурна—надъ богиней:
У ней вѣдь есть и алтари и храмы;
Къ тому-жъ она, на землю нисходя,
Между людей является незримо:
Твои слова она услышать можетъ
И ты за нихъ потерпишь наказанье.

С е м е л а.

Чтожъ? Пусть она слова мои услышитъ!
Я не боюсь Юноны: мой Зевесъ
Сильнѣй ея—она ему подвластна,
И не дерзнетъ вредить его Семелѣ.
Но стоитъ ли о ней такъ долго спорить?..
Сегодня Зевсъ предстанетъ предо мной
Во всей своей божественной красѣ —
Въ сіяньи Олимпійскомъ, а Юнона
Пускай хоть въ адъ отправится....

Ю н о н а (*вз сторону*)

Другая

Скорѣй ея туда отыщеть путь.

(къ Семелѣ)

Да, дочь моя, она умреть со злости,
Когда тебя увидитъ на Олимпѣ
Среди боговъ, когда по всей Элладѣ
Промчится слухъ, что Фивская царица
Возведена Зевесомъ на Олимпъ...

Семела (улыбаясь)

Ты думаешь, что будто вся Эллада...

Юнона.

Отъ Атики до Тира и Сидона
Изъ рода въ родъ прославлена ты будешь!
И алтари воздвигнутся тебѣ,
И съ трепетомъ преклонятся предъ ними
Всѣ племена Эллады. Сами боги
Падутъ къ стопамъ избранницы Кронида,
Когда взойдешь ты на Олимпъ....

Семела (въ восторгѣ бросаясь къ ней
на грудь)

Беря!

Юнона.

О дочь моя, въ грядущихъ поколѣньяхъ
Ты будешь жить въ преданьяхъ—въ пѣснопѣньяхъ:
Въ народныхъ торжествахъ пѣвцы, подъ звуки лиръ,
Повѣдаютъ Элладѣ изумленной,
Какъ царь боговъ, земной красой плѣненный,
Забывъ свой тронъ и весь надзвѣздный міръ,
Олимпа покидалъ священные предѣлы,
Чтобъ пасть съ мольбой къ ногамъ моей Семелы.

Семела.

О, еслибъ онъ опять ко мнѣ пришелъ!..

Юнона

Въ годину бѣды народныхъ ты услышишь
Мольбы жрецовъ, народовъ и царей,
Взывающихъ къ избранницѣ Зевеса,
Да утишитъ она своей любовью
Гнѣвъ яростный его, и да удержитъ
Карающую руку...

Семела.

О клянусь,

Не будетъ онъ карать свои народы—
Я изгоню, повѣрь мнѣ, всякій гнѣвъ
Изъ сердца мнѣ покорнаго Зевеса:
Лишь на лицѣ открытомъ я замѣчу
Суровыхъ думъ иль гнѣва приближенъе,
Или хотъ тѣнь досады, недовольства,—
То ласками моими или смѣхонъ,
Иль шуткою, иль пѣсней и разсказонъ
Разглажу на челѣ его морщины
И возвращаю улыбку на уста.
А ежели ни ласки, ни лобзанья
Не утишать его сердечной бури,—
И занесетъ онъ грозную десницу,
Чтобъ ниспослать на землю скорбь иль смерть,—
Я брошусь на колѣни передъ нимъ
И орошу горячими слезами
Его стопы, — и вымолю прощенье
Я племени несчастному людскому.
О, никогда и въ блескѣ и величьи
Въ семьѣ боговъ, на высотахъ Олимпа
Я Матери-Земли не позабуду—
Я не забуду скорбной сей юдоли,
Гдѣ родилась, гдѣ воспиталась я,
Я не забуду племени людскаго,
Рожденнаго для горькихъ нуждъ и бѣдствій:—
Я умолю Зевеса, чтобы онъ
Согналъ съ лица земли страданье, горе,
Болѣзни и раздоры, и содѣлалъ
Весь родъ людской счастливымъ!

Юнона (из стороны)

Вотъ мечтанья

Ребенка добраго! Мнѣ жаль тебя,
Мнѣ жаль тебя, прекрасное дитя,
Но рѣшено, — и ты должна погибнуть,—
И подавить въ себѣ должна я жалость!

(къ Семелѣ)

Иди теперь отсюда — пусть Зевесъ
Здѣсь ждетъ тебя — пускай отъ ожиданья
Сильнѣе въ немъ жаръ страсти разгорится!

Сенсала.

О, еслибъ онъ пришелъ ко мнѣ скорѣя!
Бероя!... Я ужъ вижу предъ собою
Толпы людей, склонившихся съ мольбою....
Вотъ сонмъ жрецовъ!.... Вотъ сонмъ земныхъ царей,—
Всѣ пали ницъ... Я слышу пѣснопѣнье,
Я вижу ошмѣи... и жертвоприношенья
На мраморѣ и златѣ алтарей!

(быстро уходитъ)

Юнона.

Тщеславное и слабое созданье!...
Сама идешь ты къ гибели своей:
Тебя сожгутъ Кроніона лобзанья,
Ты не снесешь лица его сіянья,
Ты не снесешь огня его очей!
А я, когда настанетъ мигъ желанный —
Тотъ мигъ, когда трупъ дѣвы бездыханный
Падетъ къ ногамъ властителя міровъ,
И онъ въ тоскѣ душевной ярой муки,
Въ отчаяннѣ надъ нимъ опуститъ руки,—
Я съ торжествомъ воскликну съ облаковъ:
«О пылкій Зевсъ! Смирй свой пламень страстный,
Щади своихъ любимицъ молодыхъ!....
Ты погубилъ земной цвѣтокъ прекрасный —
Ты сжегъ его дыханьемъ устъ своихъ!»

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Зевесъ (*въ видѣ юноши*), **Меркурій** (*поодаль отъ него*).

Зевесъ.

Сынъ Маи!

Меркурій

Зевсъ!

Зевесъ.

Направь полетъ свой быстрый
На берега Скамандра: тамъ пастухъ

Надъ урною своей подруги плачетъ;
Никто не долженъ плакать въ тѣ мгновенья,
Когда любви блаженство я вкушаю, —
Такъ возврати его подругу къ жизни!

Меркурій.

Въ единый мигъ твою исполню волю,
Въ единый мигъ назадъ я возвращусь!

Зевесъ.

Постой!... Когда я несся надъ Аргосомъ,
То чувствовалъ куренье олимпіадовъ,
Возженныхъ мнѣ на алтаряхъ народныхъ —
Я тронуть былъ народною любовью....
Лети — скажи сестрѣ моей Церерѣ,
Чтобы она умножила въ Аргосѣ.
Въ сто тысячь разъ — отыни въ поляхъ —
Плоды земли.

Меркурій.

Я трепещу, Кроніонъ,
Когда лечу, чтобы повѣдать людямъ
Твой грозный гнѣвъ; но я лжкую сердцемъ.
Когда твои щедроты имъ несущу:
Творить добро — блаженство для боговъ;
Карать, казнить — ихъ власти злое бремя.
Но гдѣ, скажи, я предъ тобой повергну
Твоихъ щедротъ священные плоды —
Гдѣ принесу сердце благодаренье —
Здѣсь на землѣ людей въ жилищахъ бранныхъ,
Иль въ небесахъ въ обители боговъ?

Зевесъ.

Здѣсь на землѣ въ божественномъ жилищѣ —
Здѣсь на землѣ передъ моею Семелой!
Лети скорѣй!

(Меркурій удаляется).

Но гдѣ жъ моя Семела?
Что жъ не спѣшитъ она ко мнѣ на встрѣчу,
Чтобы прижать къ пылающей груди

Царя боговъ? Семела, гдѣ же ты?
Откликнись мнѣ!... Могильное молчанье
Въ ея дворцѣ!... Здѣсь раздавался прежде
Крикъ радости и страсти и восторга,
Лишь въ храмину вступалъ я.... А теперь
И шопоту не слышно — все затихло,
Все замерло.... и не идетъ Семела
Въ объятія къ Зевесу своему, —
И въ облакахъ на выси Кнеерона
Ревнивая Юнона торжествуетъ.

(Задумывается)

Все нѣтъ ея!... Но что же случилось съ нею?..
Ужъ сердце мнѣ предчувствіе тревожить....
Какая мысль!... Ужели дочь Сатурна
Успѣла здѣсь свои закинуть сѣти?..
Ужасное предчувствіе!.. Юнона!
Жестокая!... Ужель она дерзнула
Въ святилище любви моей проникнуть?..
Но что со мною?! Чего страшуся я!?
Кто повредить отважится Семелѣ?
Она моя, — и ни одна стихія
Ея главы коснуться не дерзнетъ.
Но нѣтъ ея!

Меня томить желанье
Здѣсь на груди Семелы успокоить
Мою главу — усталую главу —
Усталую отъ власти и величья —
Забыть, что я всевластный міродержецъ,
Отбросить скиптръ, вращающій мірами,
Забыть Олимпъ, и тронъ, и колесницу,
И въ облакахъ гремящіе перуны, —
И потопить всѣ чувства въ наслажденьи.
Нѣтъ, и богамъ нѣтъ счастья безъ любви!..
Что безъ любви амброзія и нектаръ,
Что безъ нея и блескъ, и власть, и слава,
Что безъ нея безсмертіе и вѣчность?
Простой пастухъ, когда любви блаженство
Вкушаетъ онъ въ объятіяхъ подруги,
Ее на власть мою не промѣняетъ.

Но вотъ она!... Она идетъ ко мнѣ....
О перлъ моихъ созданій!... Самъ художникъ
Предъ дѣломъ рукъ своихъ благоговѣть!
Благоговѣи Семела предъ Зевесомъ —

Достоинъ онъ, достоинъ поклоненья:
Онъ сотворилъ твой образъ совершенный
О, какъ теперь ничтожны и презрѣнны
Мнѣ кажутся міровъ моихъ громады,
Плывущія въ пространствѣ безпредѣльномъ!
О, какъ они всѣ холодны, мертвы,
Предъ существомъ, душою одареннымъ!

(Входитъ Семела)

Мой тронъ, мое величіе—все прахъ—
Все прахъ моя Семела!

*(Устремляется къ ней на встрѣчу; она бѣжитъ
отъ нея)*

Что съ тобой?
Ты отъ меня бѣжишь, бѣжишь, Семела,
Безмолвна и мрачна. Скажи хоть слово!

Семела.

Прочь отъ меня!...

Зевесъ.

Не сонъ ли вижу я?

Иль рушились законы міровые —
Не узнаю Семелы я моей:
Она меня встрѣчаетъ какъ врага,
И прочь бѣжитъ въ ту самую минуту,
Когда я къ ней объятья простираю....
Опять молчишь!... О, вымолви хоть слово!....
Нѣтъ, никогда такой могучей страстью
Въ моей груди не волновалось сердце,
Когда я ждалъ прихода нѣжной Леды,
Нѣтъ, никогда въ объятіяхъ Даная,
Иль дочери стыдливой Агенора
Не билось оно съ такою силой,
Какъ въ этотъ мигъ!

Семела.

Молчи, молчи, преступникъ!

Зевесъ *(съ нѣжностью)*.

Семела!

Семела.

Прочь! Иди, бѣги отсюда.

Зевесъ.

Но вспомни — я Зевесъ!

Семела.

Какъ? ты, Зевесъ?

И ты дерзнулъ назвать себя Зевесомъ!...
О трепещи! Жди праведнаго гнѣва
Царя боговъ: онъ голосомъ громовымъ
Потребуешь себѣ назадъ то имя,
Которое такъ нагло ты похитилъ....
Ты не Зевесъ!

Зевесъ.

Весь свѣтъ, все мірозданье: —
Весь сонмъ боговъ и звѣзды всѣ, и солнце
Меня зовутъ Зевесомъ міродержцемъ.

Семела.

Твои слова лишь небо оскорбляютъ.

Зевесъ.

Но расскажи, Семела, что съ тобой?
Кто отравилъ любовь твою сомнѣньемъ?

Семела.

Моя любовь принадлежитъ тому,
Чѣмъ именемъ себя ты возвеличилъ
Передо мной. Но развѣ я не знаю,
Что люди подъ личиною боговъ
Насъ бѣдныхъ дѣвъ такъ часто обольщали!
Ты не Зевесъ, — иди же отъ меня!

Зевесъ.

Ужели ты, Семела, усомнилась,
Что я Зевесъ?!

Семела.

О, еслибъ ты былъ онъ!...

Я никому изъ смертныхъ не позволю
Къ моимъ устамъ устами прикоснуться:
Любить могу я одного Зевеса.
О, отчего ты не Зевесъ!

Зевесъ.

Ты плачешь!

Ты слезы льешь, Семела, по Зевесу,
Когда онъ въ прахъ простерся предъ тобой.

Прекрасная! Скажи одно лишь слово,
И предъ тобой преклонится весь міръ.
Вели, — и весь уставъ и строй природы
Измѣнится, по слову твоему:
Отхлынуть вспять къ своимъ истокамъ воды,
И погрузится міръ въ бездѣйствіе и тьму,
И разцвѣтутъ нагихъ степей пустыни
Въ единый мигъ, лишь слово скажешь ты,
Вели, — и горъ кренистыя твердыни —
Кавказъ и Тавръ, порвавъ свои хребты,
Всколеблются, съ подножія сорвутся,
И съ гуломъ громовымъ въ долины понесутся,
И задрожитъ земля, и лютый ураганъ
Подниметъ до небесъ ревущій океанъ,
И въ яростной борьбѣ возстанутъ всѣ стихіи,
И дрогнетъ сводъ небесъ отъ грохота громовъ,
Расторгнутся всѣ связи міровыя,
Разрушится гармонія міровъ,
И вся вселенная въ предсмертномъ содроганьи
Смѣшается въ хаосъ, — и рухнетъ мірозданье....
Вели, — и оживетъ природа предъ тобой,
И вновь соизидется вселенной дивный строй!...
Скажи, — и въ мигъ одинъ разрушится все снова!...
Прекрасная! Скажи одно лишь слово!

Семела.

Когда бъ ты былъ всевластный царь Олимпа,
Ты предо мной колѣнь не преклонилъ бы:
Я женщина — созданіе Зевеса,
А можетъ ли художникъ преклониться
Предъ статуей, самымъ имъ изваянной?

Зевесъ.

Пигмаліонъ въ восторгѣ преклонился
Передъ своимъ созданьемъ; царь Олимпа,
Я предъ моею Семелой преклонюсь.

Семела.

Встань! Ты не царь Олимпа. Громовержецъ
Тамъ высоко: надъ нами онъ теперь
Среди боговъ на тронѣ возсѣдаетъ:
На насъ съ высотъ заоблачныхъ взирая,
Смѣется онъ надъ дѣвой легковѣрной —
Надъ червякомъ, ползущимъ по землѣ —
Надъ червякомъ, дерзнувшимъ возмечтать,
Что овладѣтъ онъ сердцемъ Олимпійца,
Властителя вселенной.

Зевесъ.

Но Зевесъ

У ногъ твоихъ!...

Семела.

Не вѣрю я, не вѣрю:
Ты обманулъ меня! Позоръ и стыдъ:
Ты смертный!

Зевесъ.

Я Зевесъ (*простираетъ руку, — съ комна-
ты ллется радуга*)

Теперь ты вѣришь?

Семела.

Сильна рука, поддержанная богомъ!
Ты человекъ, любимый громовержцемъ,
Но все же ты не богъ, а человекъ,
И не могу тебѣ отдать я сердце.

Зевесъ.

Тебя еще сомнѣніе тревожить:
Ты думаешь, что не своею силой

А властію, мнѣ данной Олимпійцемъ,
Я низвожу сіяніе небесъ
Къ твоимъ ногамъ. Но знай, моя Семела,
Что боги власть свою ввѣряютъ людямъ
Лишь на добро, но силы разрушенія
Имъ не даютъ: одни лишь боги властны
Чудесною стихіа небесныхъ силой
Карать, губить и ужасать людей.

(Простираетъ руку, — громъ, пламя, дымъ, землетрясеніе)

Семела.

Довольно, о, довольно! Сжался, сжался
Надъ бѣдными людьми!... Ты сынъ Кронида.

Зевесъ.

О, женщина упрямая! Ужели,
Чтобъ угодить всѣмъ прихотямъ твоимъ,
Уставъ природы долженъ я нарушить,
И въ первый разъ, съ начала мірозданья?
Свѣтло дня съ небесной тверди сдвинуть?!

(Простираетъ руку, — солнце и исчезаетъ — внезапная тьма)

Семела.

Всевластный духъ!... Когда бъ ты могъ любить!

(солнце опять показывается)

Зевесъ

Могу ли я любить? О, если хочешь,
Я отъ себя откину божество,
Чтобъ умереть, чтобъ быть тобой любимымъ.

Семела.

Но можетъ ли Зевесъ переродиться?

Зевесъ.

Ты хочешь? Я готовъ: я все исполню
По манію руки твоей!...

Семела.

Кронионъ!

Я слышала, что надо мной смѣются
Всѣ женщины въ несчастномъ Эпидаврѣ,
И говорятъ, что будто громовержецъ
Не слушаетъ ни въ чемъ своей Семелы....

Зевесъ.

Пусть будетъ стыдно женамъ Эпидавра
Такъ говорить. Скажи чего ты хочешь,
И я клянусь самымъ всемогущимъ Стиксомъ,
Симъ божествомъ, чьей волѣ безграничной
И божества подвластны—да, клянусь
Исполнить все, что мнѣ велитъ Семела,
И если я свое нарушу слово,
То съ пламенемъ и громомъ предъ тобой
Отторгнется навѣки божество
Отъ твоего Зевеса....

Семела.

О, теперь

Я наконецъ узнала громовержца!
Ты поклялся мнѣ Стиксомъ... О позволь
Обнять тебя, обнять, какъ дочь Сатурна
Царя боговъ привыкла обнимать...

Зевесъ (*вскрикиваетъ въ ужасъ*)

Несчастная!... Не подходи ко мнѣ!

Семела.

Но я хочу обнять тебя...

Зевесъ.

Молчи!

Семела.

Но ты искалъ моихъ объятій!...

Зевесъ (*блѣдный быстро отступаетъ отъ нея*).

Поздно!...
Все кончено — ужъ слово прозвучало!..
Ужасный Стиксъ!... Семела, ты погибла —
Сама себѣ ты выпросила смерть!

Семела.

Такъ вотъ любовь Зевеса!...

Зевесъ.

Землю, небо,
И все, и все я отдаю бы, Семела,
Чтобъ менѣ любить тебя!

Семела.

Зевесъ....

Зевесъ.

О торжествуй ревнивая Юнона: —
Пресыщена ты мщеньемъ! Эта роза
Такъ молода, свѣжа и такъ прекрасна,
И ужъ должна завянуть и изсохнуть!

Семела.

Я поняла тебя: ты не желаешь
Явиться мнѣ въ величьи Олимпійскомъ.

Зевесъ.

Проклятiе величью моему: —
Оно тебя сгубило неозвратно!
Проклятiе моимъ мечтамъ безумнымъ —
Я основать хотѣлъ мое блаженство
Въ земной пыли — въ юдоли разрушенья.

Семела.

Зачѣмъ пугать меня? Я не боюсь
Твоихъ угрозъ!....

Зевесъ.

Безумное дитя!
Поди — скажи послѣднее прости

Своимъ младымъ подругамъ — ты умрешь!
Ничто теперь спасти тебя не можетъ
Я твой Зевесъ — люблю тебя — ты знаешь,
Но даже я спасти тебя не въ силахъ

Семела.

О божество завистливое, Стнись!
Ты отъ меня не ускользнешь....

(Семела уходитъ.)

Зевесъ.

Нѣтъ, нѣтъ!
Не будешь ты торжествовать, Юнона!
Той властію, что небеса и землю
Содѣлала подножіемъ моимъ,
Низрину я тебя съ высотъ Олимпа,
И на цѣпи алмазной прикую
Къ нагой скалѣ среди пустыни дикой,
Куда къ тебѣ во вѣки не проникнетъ
Ни человѣкъ, ни звукъ живой.... Клянусь...

(Меркурій показывается въ отдаленіи.)

Къ чему ты такъ поспѣшно возвратился?

Меркурій.

Чтобъ принести тебѣ благодаренья
Отъ тѣхъ, кого щедротами своими
Заставилъ ты лить радостныя слезы...

Зевесъ.

Возьми назадъ у нихъ мои щедроты!

Меркурій *(въ изумленіи).*

Зевесъ...!

Зевесъ.

Никто не долженъ счастливъ быть:
Семела умираетъ....

Борисъ Алмазовъ.

Москва, 21 іюли 1867 г.

Толковый Словарь живаго Великорусскаго языка, В. И. Даля, 21 выпускъ.

Ровно годъ прошелъ съ той поры, какъ я—въ качествѣ секретаря Общества Любителей Россійской Словесности, излагая отчетъ о его годовой дѣятельности, коснулся въ немногихъ словахъ и трудовъ В. И. Даля по составленію Толковаго Словаря живаго Великорусскаго языка: «пройдетъ какой-нибудь годъ», говорилъ я тогда, «и русская наука, словесность, все общество—будутъ имѣть памятникъ, достойный величія русскаго народа, будутъ вполне обладать произведеніемъ, которое составитъ предметъ нашей народной гордости».... Время исполнилось, подвигъ на пользу русскаго просвѣщенія оконченъ—и въ ожиданіи близкихъ несомнѣнныхъ плодовъ великаго дѣла—совѣстно будетъ не встрѣтить его должнымъ общественнымъ привѣтомъ и признаніемъ въ день торжественнаго годоваго собранія Общества Любителей Россійской Словесности: трудъ В. И. Даля вдвойнѣ близокъ и дорогъ намъ и по своему предмету и по участию Общества во внѣшнихъ судьбахъ этого произведенія.

Привѣтствуя счастливое окончаніе общепользнаго предпріятія, я не возьму на себя непосильной обязанности судьи: критика требуетъ разсмотрѣнія частныхъ, и въ настоящемъ случаѣ она мнѣ кажется столь же неумѣстной, сколь неумѣстна будетъ и похвала достоинству труда, положеннаго В. И. Далемъ на совершеніе своего дѣла; достоинство это стоитъ выше признанія: оно несомнѣнно и убѣдительно для каждаго, кто взглянетъ и вдумается въ работу, требующую таланта и обширной опытности и желѣзнаго, исполнскаго терпѣнія; но я желалъ бы сказать короткое слово о внутреннемъ достоинствѣ произведенія, о томъ значеніи, какое оно можетъ и должно имѣть для русской науки и Россійской словесности.

Словарь имѣетъ практическое назначеніе: онъ служитъ справочной книгой при чтеніи, къ нему обращается тотъ, кто, не владѣя обширнымъ знаніемъ языка, встрѣчаетъ непонятныя слова—въ разговорѣ ли, въ книгахъ, или въ иныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ, вотъ, кажется, первая цѣль Словари вообще и въ особенности Словаря живаго, современнаго языка; но точно ли эта цѣль—первая и главная, точно ли Словарь роднаго языка долженъ быть прежде всего — *справочной книгой*? Да, онъ справочная книга, но не въ томъ узкомъ смыслѣ, о какомъ обыкновенно говорятъ; а въ высокомъ значеніи справочной книги исторіи народа, его характера и вообще всего, что мы называемъ дорогимъ именемъ своей народности. Тотъ никогда не пойметъ и не оцѣнитъ подвига В. И. Даля, кто къ его «Толковому Словарю»

станетъ прибѣгать лишь въ случаѣ обиходной нужды, по необходимости понимать то, что случается читать или слышать: такое бѣдное значеніе выпадаетъ на долю словарю роднаго языка лишь тогда, когда Общество не чувствуетъ другихъ потребностей, кромѣ практическихъ и другихъ интересовъ, кромѣ интересовъ будничнаго существованія: и помимо практической нужды Словарь роднаго языка не долженъ оставаться закрытою книгою: онъ можетъ дѣятельно участвовать въ судьбахъ народной образованности, литературы и науки.

Этой точкой зрѣнія можно опредѣлить и значеніе Толковаго Словаря г. Даля. Когда случится вамъ открыть эту книгу—отчего, несмотря на огромное большинство извѣстнаго, знакомаго—васъ увлекаетъ чтеніе ея и вы выносите и добрыя впечатлѣнія и новыя обильныя соображенія и знанія? Оттого, что въ этой работѣ вырастаетъ ваше самосознаніе: по праву наслѣдства люди пользуются готовымъ языкомъ, довольствуясь подручнымъ смысломъ словъ и рѣдко заботясь привести ихъ къ ясному сознанію; но только сознавъ самого себя, свои мысли, поступки и слова, свои отношенія къ другимъ, человѣкъ достигаетъ образованія гражданина, только ставъ въ уровень съ тѣми нравственными началами, какія выработаны вѣковыми трудами народа, его дѣятельность будетъ долговѣчна и плодотворна... въ этомъ самовоспитаніи заключена цѣль жизни каждаго человѣка-гражданина и никакая, кажется, иная книга не приводитъ его къ этой цѣли вѣрнѣе и ближе, какъ Словарь роднаго языка: Словарь — это зеркало и вмѣстѣ съ тѣмъ истолкователь явленій жизни народа, съ которымъ васъ роднятъ и кровныя узы и высшія духовныя стремленія, здѣсь собрана наша внутренняя исторія, неподкупная и неумѣстная правда нашей жизни, потому что *слово* есть тоже дѣло, только выраженное звуками. Такимъ образомъ, становя насъ лицомъ къ лицу съ народомъ и съ самимъ собою, Словарь роднаго языка исполняетъ великую образовательную задачу, онъ равно вліяетъ и на воспитаніе гражданина и на образованность одиночнаго человѣка. Въ послѣднемъ отношеніи я позволю себѣ одно частное указаніе. Были попытки опредѣлить количество словъ, составляющихъ обыкновенный Словарь образованнаго человѣка, оказалось, что свои мысли, желанія, потребности онъ выражаетъ средней величиной 400—500 словъ,—сравните же эту скудость съ огромнымъ богатствомъ словъ, собранныхъ въ Толковомъ Словарѣ В. И. Даля, сопоставьте 500 и даже болѣе съ двумястами двадцать тремя тысячами и убѣжденіе, что изъ Словаря каждый можетъ многому поучиться, многое и узнать и широко расширить свой, дотолѣ тѣсный, умственный кругъ, это убѣжденіе станетъ необходимою, безупречною и непререкаемою.

Какая доля участія выпадаетъ Словарю роднаго языка въ отношеніи отечественной словесности—понять не трудно. Безсознательное и безотчетное употребленіе языка — неминуемо влечетъ за собою порчу, искаженія. Это не новость и не напраслина, что большинство современныхъ писателей чуждаются роднаго языка и пишутъ на языкѣ иномъ, слабымъ и жалкомъ, похожемъ болѣе на переводъ съ чужаго, чѣмъ на мощную народную рѣчь;

отступленія отъ народнаго родника печально дѣйствуютъ и на внутреннїя красоты произведеній: исчезаетъ живописная образность, на мѣсто ея выходятъ вялые, высиженные эпитеты и сравненія, все приторно-скучно или мертвенно, если же писатель и рѣшается прибѣгнуть къ народному языку, то дурныя литературныя привычки заставляютъ его показывать родную рѣчь—какъ диковинку: онъ забавляетъ ею публику, самъ сохраняя всегда свое высокое положеніе, приличное званію образованнаго литератора, пишущаго изящнымъ слогомъ. Такому—позволю себѣ сказать—недугу можетъ помочь лишь изученіе народнаго языка: «изучать надо намъ народный языкъ», говорилъ когда-то авторъ, «Толковаго Словаря», «спознаться чрезъ него съ духомъ роднаго слова, и принимать или перенимать съ толкомъ, съ чувствомъ, съ разстановкой. Освоившись съ упрямымъ и самобытнымъ духомъ роднаго слова, мы облагородимъ, обусловимъ и перенесемъ на родную, но болѣе тучную и воздѣланную почву все то, что стоитъ пересадки, да приурочимъ цѣтокъ свой къ погодѣ и непогодѣ подъ открытымъ небомъ, а не къ теплицѣ».

Мысль, что пора возвратить русскому литературному языку его народное достоинство, не должна быть признана несбыточною: Пушкинъ и въ этомъ отношеніи служитъ намъ поучительнымъ урокомъ: народная красота его рѣчи не есть плодъ исключительно-геніальнаго его таланта, но и внимательнаго изученія; изящной словесности онъ только возвращалъ тѣ богатства, какія находилъ въ народной рѣчи, —и зная какія сокровища народнаго языка собраны въ Толковомъ Словарѣ В. И. Даля, кто не подумаетъ—пожелаетъ, чтобъ это произведеніе стало настольною книгою для чтенія русскихъ писателей, кто усомнится, что при этомъ поблекшая проза русскаго литературнаго языка обновится въ рѣчь, полную юной красоты и могущества народной силы.

Внутренняя исторія народа состоитъ изъ двухъ различныхъ между собою началъ: собственнаго, выработаннаго изъ своей жизни и приобрѣтеннаго путемъ заимствованія отъ другихъ народовъ. Различать эти два начала необходимо, безъ этого не будетъ понятенъ смыслъ народной исторіи, не можетъ быть правильно оцѣненъ подвигъ жизни извѣстнаго народа, его участіе въ общихъ судьбахъ человѣчества; но историческое знаніе, основанное на однихъ письменныхъ или другихъ памятникахъ — не въ состояніи положить такого различія, оно ускользаетъ отъ его вниманія и становится видимо лишь въ скромномъ трудѣ лексикографа. Вотъ историческое ученое значеніе Словаря. Трудъ В. И. Даля исполняетъ только часть этой задачи, но часть важнѣйшую: онъ обнимаетъ только современное состояніе языка, но отсюда, отъ этой точки долженъ выходить историкъ, чтобы создать свое художественное зданіе: степень значенія того, что прожили извѣстный народъ, яснѣе опредѣлится тогда, когда въ современности онъ находитъ тѣ или иные слѣды этого. Здѣсь Толковый Словарь живаго великорусскаго языка представляется какъ бы внутренней современной исторіей русскаго народа и исторіей правдивой, потому что никакая иная исторія не имѣетъ той чистоты, не бываетъ чужда тѣхъ прихотливыхъ искаженій, какъ сво-

бодное, покаряющееся лишь верховному закону историческаго развитія — человѣческое слово. Представляя итогъ нашей исторіи, выводъ, до котораго дошла многовѣковая жизнь нашего народа, трудъ В. И. Даля равно драгоценъ и необходимъ и для исторіи и для изслѣдователя народности—этнографіи. Заменяйте только словарное расположеніе предметнымъ — и въ его Словарѣ вы получите полное изображеніе современной жизни русскаго народа, живую картину его современнаго нравственнаго бытія и дѣятельности, его нуждъ и потребностей, его мыслей, наивныхъ вѣрованій, нравовъ, обычаевъ, вы живо почувствуете и то, что ожидаетъ въ грядущемъ этотъ народъ, создавшій такой звучный языкъ, такое богатство понятій и такую могучую державу.

Кажется не будетъ нужды говорить о великомъ значеніи подвига В. И. Даля. Это подвигъ историческій — въ отношеніи родной земли, великой, но требующей — какъ выразился одинъ изъ нашихъ почтенныхъ сочленовъ — работы великой, это подвигъ изумительный — относительно его исполнителя, почти непонятный въ наше мелкое время, эта книга, какъ говорилъ Карамзинъ, «для всякаго русскаго важная и необходимая.»

Когда для нынѣ живущихъ поколѣній настанетъ время историческаго суда, — не думаю я, чтобъ этотъ судъ былъ вполнѣ безотраденъ. Время, въ которое исполненъ такой трудъ, какъ «Толковый Словарь живаго Велико-русскаго языка», съ гордостью укажетъ на него и потребуетъ себѣ почетнаго мѣста въ исторіи.

А. Котляревскій.

Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова, соч. академика П. Пекарского, изданіе отд. рус. языка и слов. императорской Академіи Наукъ, 1867.

Жизнь П. И. Рычкова сама по себѣ не представляет особаго интереса, но она похожа на страницу, вырванную изъ интересной книги: эта книга — нашъ едва раскрывающійся передъ нами XVIII-й вѣкъ. Сынъ вологодскаго купца, П. И. Рычовъ (род. 1712 г.) былъ отданъ отцомъ своимъ для обученія бухгалтерской наукѣ и иностраннымъ языкамъ на извѣстную въ свое время полотняную фабрику Тамеса, получилъ потомъ мѣсто при управленіи ямбургскими стеклянными заводами и, 22 лѣтъ отроду, какъ расторопный паренъ и хорошій счетчикъ, былъ принятъ бухгалтеромъ въ экспедицію, отправлявшуюся въ 1734 году для устройства Оренбургскаго края.

Въ этомъ совершенно дикомъ тогда краѣ, въ которомъ едва лишь водворялась осядлость, Рычовъ нашелъ однакожъ возможность не только заняться науками и полюбить науку, но и приобрести тѣ познанія, которыя поставили его въ прямыя сношенія съ петербургскою Академіей Наукъ и съ представителями европейской науки въ Россіи. Но счастію для молодого купеческаго сына, начальниками его въ Оренбургскомъ краѣ были послѣдовательно люди образованные и цѣлнѣйшіе просвѣщеніе, а именно: сначала Кириловъ, составитель «*Цѣлнущаго состоянія Всероссийскаго Государства*» (очень любопытный сборникъ статистическихъ данныхъ), а потомъ умный, даровитый В. Н. Татищевъ. Набилъ руку въ «россійскомъ стилѣ» за бумагами Оренбургской канцеляріи, которая была ему поручена, Рычовъ принялся за переводы иностранныхъ сочиненій, и въ 1741 году, какъ видно изъ его біографіи, работалъ надъ переводомъ какого-то богословскаго сочиненія англійскаго ученаго Уильяма Даргама и принималъ участіе въ составленіи татарско-калмыцкаго лексикона. Не есть ли это характеристическая черта вѣка? Потребность государственная схватываетъ способнаго и дѣятельнаго купеческаго прикащика; его зачисляютъ въ службу; служа, онъ выучивается нѣсколькимъ восточнымъ нарѣчіямъ, для цѣлей служебныхъ предпринимаетъ филологическія работы, и — вступаетъ въ область науки! Умственная работа привлекаетъ молодого человѣка; этотъ купеческій сынъ, вмѣсто того чтобы, подобно отцу своему, сплавлять хлѣбъ къ архангельскому порту, вступаетъ въ сферу совершенно иныхъ интересовъ. Онъ начинаетъ посвящать свои досуги занятіямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ его служебными обязанностями, хватается свѣдѣнія какія только попадаютъ ему подъ руку, переводитъ англійскихъ теологовъ, читаетъ Геродота, Истолмея и византійскихъ историковъ, получаетъ наконецъ страсть къ ученымъ изысканіямъ, выписываетъ, не жалѣя денегъ, книги въ

свою глушь и отыскиваетъ въ невѣдомыхъ тайникахъ, всего чаще у раскольниковъ, списки какихъ то бѣлорусскихъ рукописей, сказаніи о Стенькѣ Разинѣ и т. п. Два открытія совершаются разомъ: подъ форменною одеждою мелкаго чиновника открывается любознательный изслѣдователь и въ глуши оренбургской открываются невѣдомые матеріалы для русской исторіи!

Татищевъ относится къ Рычкову не какъ къ мелкому чиновнику, но какъ къ любителю и даже знатоку русской исторіи. Оставивъ службу и принявшись за свои ученые труды, онъ, по мѣрѣ того, какъ работа его подвигается, посылаетъ Рычкову свою рукопись, главу за главой, и проситъ его замѣчаній. Не то чтобы Рычковъ сдѣлался серьезнымъ ученымъ и глубокимъ знаткомъ русской исторіи: она даже не составляла предмета исключительныхъ его занятій; но Татищевъ и самъ, нахватавшись свѣдѣній отовсюду и собравъ большое число данныхъ для исторіи, географіи, этнографіи и статистики Россіи, не могъ быть очень увѣренъ самъ въ себѣ, и искалъ совѣта и указанія вездѣ, гдѣ только надѣялся ихъ найти. Потребность знанія пробудилась въ Россіи; мучило желаніе все узнать, всѣмъ овладѣть, все сдѣлать; но громадность задачи подавляла! Слѣдующій отрывокъ изъ письма Рыčkова къ Татищеву живо рисуетъ и эту жажду знанія со стороны тогдашнихъ адептовъ науки и трудность, которую они встрѣчали для удовлетворенія этой потребности, и приводящее въ умпленіе торжество ихъ, когда имъ удавалось отыскать что нибудь для нихъ новое и невѣдомое.

«У меня нынѣ три лѣтописца, писалъ Рычковъ Татищеву: 1) тотъ, о которомъ я прежде вашему превосходительству доносилъ, содержащій въ себѣ сперва греческую исторію, въ кою отъ временъ царя Константина Брадатаго нѣкоторыя словенскія, а паче болгарскія дѣянія вношены, и продолженъ до 1531 году. О древности онаго болѣе не могу донести какъ сіе, что на послѣднемъ листу есть тутъ украинскаго письма разныя записки, въ которыхъ упоминаются годы 1629, 1634 и 1657. 2) Такого жъ письма получилъ я недавно, чрезъ великую просьбу, отъ одного здѣсь находящагося офицера. Онъ тотъ же, что и вышеписанной, токмо въ первомъ находится сокращеніе къ русской исторіи, кое я прежде къ вашему превосходительству послалъ, а въ семь нѣтъ, и сербская исторія въ немъ нѣсколько сокращена; токмо сей предпочитаю первому для того, яко онъ подписанъ на первомъ листу хорошимъ письмомъ тако: «Петръ Могила, архіепископъ метрополи кievской, рукою власною», и кажется нѣтъ сомнѣнія, что та рука сего въ literalной нашей исторіи толь знатнаго прелата. 3) Получилъ я отъ заводчика Осокина съ великимъ трудомъ, а онъ досталъ его изъ раскольниковъ рукъ; писанъ уставомъ на лощеной бумагѣ съ юсами. По штилю и по письму можно мнить, что онъ въ древности первымъ двумъ не уступаетъ, а кажется и старѣе. На первыхъ листахъ есть на немъ подпись русскимъ полууставнымъ, но плоховатымъ письмомъ тако: «архіепископъ Θεοδοσίη великаго Новгорода и Пскова». Онъ сначала сходенъ со обоими вышеписанными, но въ послѣднихъ мѣстахъ русскія исторія въ немъ гораздо обстоятельнѣе. Я какъ на второй и на сей, а къ тому и на сивописъ кievской печати (токмо изъ онаго послѣдніе листы у меня утрачены), на страстной недѣлѣ упрядившись отъ канцелярскихъ дѣлъ, сочинилъ реестры по наставленію вашего превосходительства, за которое нижайше благодарствую. Ваше превосходительство изъ оныхъ реестровъ изволите усмотрѣть достоинство тѣхъ книгъ, о чемъ увѣдомленія буду ожидать. Я еще обмате-

женъ получить лѣтописецъ Несторовъ, ежели не солгутъ мнѣ тѣ люди, которые меня присылкою онаго увѣрили. Къ тому жъ въ исецкую провинцію къ пріятелямъ писалъ, чтобъ ихъ (книгъ) у тамошнихъ раскольниковъ развѣдывая, доставать постарались.»

Въ первой, и даже во второй половинѣ XVIII-го вѣка, людей преданныхъ интересамъ науки было такъ мало въ Россіи, что они составляли какъ бы нѣкотораго рода братство и, — когда только не раздѣляла ихъ вражда (а она нерѣдко доходила до ожесточенія), — они не теряли другъ друга изъ виду, перекинулись между собою и старались одинъ другому помогать. Такъ Татищевъ поспѣшилъ довести о трудахъ Рычкова до свѣдѣнія академіи и даже ходатайствовалъ о принятіи его въ число ея членовъ (онъ получилъ званіе *корреспондента*).

Въ это время Миллеръ издавалъ отъ имени академіи *Ежемѣсячныя сочиненія*, въ которыхъ печатались статьи и академиковъ, и постороннихъ лицъ. Одна изъ статей Рычкова, — *Переписка между двумя пріятелями о коммерціи*, — была напечатана въ академическомъ сборникѣ (1758 г.) и подала Миллеру поводъ вступить въ переписку съ Рычковымъ, — переписку весьма любопытную и важную какъ для біографіи обонхъ корреспондентовъ, такъ и для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Въ настоящее время ученые и литераторы обмѣниваются между собою письмами лишь случайно и переписка ихъ не представляетъ особой занимательности; о вопросахъ научныхъ и литературныхъ они пишутъ не частными письмами, а журнальными или газетными статьями; вся читающая публика слѣдитъ за этими вопросами и интересуется ими. Но еще въ концѣ прошедшаго вѣка такой широкой гласности не существовало. Сомнѣнія, соображенія и догадки ученыхъ интересовали ихъ однихъ, а потому и не выходили изъ предѣловъ частной между ними переписки. Очевидно, подобнаго рода переписка должна составлять драгоценное приобрѣтеніе для исторіи литературы и наукъ. Такую переписку, изданную Московскимъ Обществомъ Любителей Россійской Словесности, вели между собою Карамзинъ и Малиновскій; подобная жъ переписка, доселѣ, къ сожалѣнію, не изданная, производилась между митрополитомъ Евгеніемъ и Анастасевичемъ. Переписка Рычкова сначала съ Татищевымъ, а потомъ съ Миллеромъ доставляла г. Пекарскому главный матеріалъ для изданной нынѣ имъ книги. Она чрезвычайно разнообразна по своему содержанию. Къ Татищеву онъ писалъ о русской исторіи, о византійскихъ лѣтописцахъ, объ этнографіи, статистикѣ и исторіи знакомыхъ ему инородцевъ; съ Миллеромъ онъ переписывался главнѣйше о тѣхъ же предметахъ, но кромѣ того сообщалъ ему, — а чрезъ него академіи, — различныя данныя, относящіяся къ области естественныхъ наукъ. При своихъ корреспонденціяхъ онъ посылалъ иногда болѣе или менѣе обширныя и отдѣльныя статьи, изъ коихъ нѣкоторыя остаются и донынѣ въ рукописи, другія напечатаны невполнѣ, нѣкоторыя наконецъ поступили какъ составныя части статей, напечатанныхъ подъ другими заглавіями. Такъ напримѣръ, Рычковъ доставилъ Миллеру свѣдѣнія объ экспедиціи въ Хиву князя Бековича, которые внесены въ статью подъ заглавіемъ: *Извѣстіе о*

песочномъ золотѣ въ Бухаріи, напечатанную въ *Сочиненіяхъ и переводахъ* 1762 года. Не менѣе разнообразны по своему содержанію и сочиненія Рычкова, напечатанныя подъ его пменемъ Его кабинетныя привычки, связи его съ Татищевымъ и Миллеромъ влекли его въ сферу наукъ политическихъ; но практическая его натура и положеніе землевладѣльца-помѣщика побуждали его не упускать изъ виду сельско-хозяйственныхъ и коммерческихъ интересовъ. «Коммерсіи» касалась первая изъ напечатанныхъ его статей; къ тому же предмету онъ и потомъ нѣсколько разъ возвращался въ статьяхъ адресованныхъ къ Миллеру; наконецъ, соображенія, касающіяся торговли и сельского хозяйства, составляютъ предметъ многихъ статей Рычкова, напечатанныхъ въ *Трудахъ Вольно-Экономическаго Общества*, котораго онъ былъ членомъ.

Мы не станемъ касаться всѣхъ этихъ слишкомъ специальныхъ сторонъ его дѣятельности, и обратимся къ тѣмъ, которыя представляютъ болѣе общаго интереса. Вотъ списокъ всѣхъ напечатанныхъ сочиненій Рычкова: а) *Переписка между двумя пріятелями о коммерсіи* (Ежем. соч. 1755). б) *Письмо объ упражненіи въ деревенской жизни* (Еж. соч. 1757). в) *Письмо о земледѣліи въ Казанской и Оренбургской губерніяхъ* (Соч. и перев. 1758). г) *Исторія Оренбургская по учрежденіи оренбургской губерніи*, доведенная до 1751 года (Соч. и перев. 1759 г.). д) *Оренбургская Топографія* (Соч. и перев. 1762 г., а также отдѣльною книгой, Спб. 1762. г.). е) *Опытъ Казанской Исторіи древнихъ и новыхъ временъ*. Спб. 1767. ж) *Введеніе къ Астраханской Топографіи*, М. 1774. з) *Лѣтопись осады Оренбурга* (въ приложеніяхъ къ *Исторіи Пугачевского бунта*, Пушкина). Изъ всѣхъ этихъ сочиненій Рычкова, серьезнаго вниманія заслуживаютъ лишь *Оренбургская Топографія* и *Лѣтопись осады Оренбурга*. Первая изъ нихъ обратила на себя вниманіе современниковъ: она вызвала рецензію со стороны Шлѣцера въ *Goettingische Anzeigen* 1766 г.; Бюшингъ напечаталъ нѣмецкій переводъ первой ея части въ V т. своего *Magazin*, а потомъ и все это сочиненіе было переведено на нѣмецкій же языкъ Роде и напечатано въ Ригѣ въ 1772 году. Что касается до *Лѣтописи*, извлеченной изъ неизвѣстности лишь Пушкинымъ, то находилась въ Оренбургѣ, когда мятежныя толпы подступили къ этому городу, Рычковъ сталъ записывать день-за-днемъ все что онъ видѣлъ и слышалъ. Князь П. М. Голицынъ, освободившій Оренбургъ изъ блокады, сообщилъ ему свой журналъ, веденный во время военныхъ дѣйствій; наконецъ, преемникъ Библикова, кн. Щербатовъ, прибывъ въ Оренбургъ черезъ нѣсколько времени по его освобожденіи, выразилъ желаніе, чтобы Рычковъ принялъ на себя описаніе мятежа, казавшагося тогда близкимъ къ концу, вслѣдствіе чего ему были сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія, добытыя слѣдственною комиссіей. Такова исторія *Лѣтописи* Рычкова, которая донныѣ составляетъ исходный пунктъ для изученія Пугачевщины.

Это былъ послѣдній литературный трудъ Рычкова. Онъ умеръ осенью 1777 года.

Литературный формуляръ его не длиненъ и заслуги его не ослабительны. Но могъ ли и сдѣлать болѣе человекъ, родившійся еще при Петрѣ Первомъ, выучившійся самоучкой, при помощи добрыхъ людей, и съ величайшимъ

трудомъ доставая необходимыя ему книги! Человѣкъ неизбѣжно подвергается сильному вліянію среды, въ которой онъ живетъ; она вліяетъ на его понятія, на весь его духовный строй, какъ атмосфера на его тѣло: въ средѣ, проникнутой цивилизаціей, человѣкъ и съ посредственными способностями, безъ особеннаго труда, безъ особыхъ попеченій о своемъ развитіи, поднимается до извѣстной высоты, а Рычкову все приходилось добывать упорнымъ трудомъ, съ большими пожертвованіями денегъ и времени, но рѣдко дѣйствуя наперекоръ окружавшей его средѣ и ссорясь съ людьми власти имѣвшими. Что могло побуждать его къ саморазвитію? Единственно, благородный его духъ, врожденная любознательность, жажда умственного труда. Среда его окружавшая тянула его долу, въ сферу житейскихъ интересовъ; но онъ не спускалъ глазъ съ тѣхъ немногихъ свѣтлыхъ точекъ, которыя среди общей тьмы мерцали на обширномъ пространствѣ Россіи, — съ Татищева, съ Миллера, съ академій; дружелюбный ихъ голосъ ободрялъ его, и онъ не потонулъ въ волнахъ житейской прозы.

Что касается до написанной академикомъ Пекарскимъ біографія Рычкова, то это трудъ, за который нельзя не быть ему признательнымъ, тѣмъ болѣе, что о литературныхъ трудахъ Рычкова имѣются ошибочныя свѣдѣнія; такъ на примѣръ *Летопись* объ осадѣ Оренбурга то приписывали сыну П. И. Рычкова, то утверждали, что она дополнена нѣкимъ Чернышевымъ, то, наконецъ, приписывали ему описаніе бѣгства Калмыковъ, которое, по изслѣдованію г. Пекарскаго, написано Н. Рычковымъ, сыномъ нашего знакома. Всѣ эти недоразумѣнія окончательно выяснилъ г. Пекарскій; трудъ его есть трудъ добросовѣстный, старательный и, прибавимъ, такой, за который только и могъ приняться человѣкъ, поставленный въ счастливую возможность трудиться не торопясь и не помышляя объ успѣхѣхъ своего сочиненія въ публнкѣ. *Жизнь Рычкова* будетъ пріобрѣтена специалистами, но, по самому содержанію своему, она не можетъ сдѣлаться предметомъ жаднаго любопытства со стороны массы читателей.

П. Щебальскій.

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

РЪЧИ И СТИХОТВОРЕНІЯ,

ЧИТАННЫЯ ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ ЗАСѢДАНІИ

ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

20-го Мая 1867 года

ВЪ ЧЕСТЬ ГОСТЕЙ-СЛАВЯНЪ.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.

Мм. Гг.

Назначивъ публичное засѣданіе въ честь прибывшихъ къ намъ гостей славянскаго міра, Общество Любителей Россійской Словесности имѣло при этомъ цѣлью рассмотреть и выяснить точнѣе и опредѣлительнѣе тѣ точки соприкосновенія, которыя дѣлаютъ изъ насъ Русскихъ одну общую семью съ нашими западными и южными соплеменниками, хотя и раздѣленными съ нами пространствомъ и историческими событіями, но тѣмъ не менѣе тѣсно съ нами связанными отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго.

Единство происхожденія, единство языка и единство туземнаго права—вотъ тѣ ясныя точки, тѣ путеводные маяки, которые при всѣхъ невзгодахъ, обуревавшихъ Славянскій міръ, освѣщая его *собственнымъ* свѣтомъ, составляли изъ отдѣльныхъ его отраслей одно неразрывное цѣлое и которые—отрадно быть въ этомъ всѣмъ намъ твердо увѣреннымъ—все шире, все ярче будутъ разливать этотъ собственный свѣтъ, пока наконецъ сольются въ то полное единеніе, которое дастъ Славянскимъ народамъ въ исторіи и правѣ самостоятельное значеніе въ уровень съ народами Романскаго и Германскаго племени.

Да, мм. гг., изслѣдованія глубокоученаго Шафарика доказали несомнѣнно, что на древность и единство происхожденія мы, Славяне, имѣемъ такія же права, какъ и названные мною народы; но что, принадлежа съ ними къ одной расѣ, мы издревле же отличались тѣми характеристическими особенностями, которыя и доселѣ остаются намъ присущими. Простирая въ эту доисторическую эпоху свои пытливыя розысканія, всѣ мы, Славяне, какъ состоящіе на степени государствъ, такъ и составляющіе небольшія еще несамостоятельныя общины—одинаково беремъ въ свои путеводители нашъ родной языкъ, наше родное слово, и, скажу кстати, нашу родную *славу*, которая и въ тѣ времена, какъ и теперь, провозглашалась на всемъ пространствѣ Славянскаго міра. Мы Русскіе позже нѣкоторыхъ другихъ нашихъ родичей выступили на историческое поприще; но тотчасъ же поспѣшили связать нашу духовную судьбу съ тѣми Славянами, которые на своемъ родномъ языкѣ славословили Бога въ своихъ храмахъ. Волей св. Владимира, принявъ чрезъ греческихъ, болгарскихъ и сербскихъ епископовъ и священниковъ христіанскую вѣру—мы долго пытались и по-

учались изъ священныхъ книгъ, которыя съ тщаніемъ выписывали изъ этихъ любезныхъ намъ странъ — Греціи, Болгаріи и Сербіи. Посѣтите наши книгохранилища и вы съ радостію и безъ сомнѣнія благодарностію за сохраненіе древностей увидите, что въ нихъ самое почетное мѣсто отведено Греческимъ и Славянскимъ книгамъ Священнаго Писанія; что послѣднія были у насъ долгое время въ подлинникахъ и спискахъ прототипами нашихъ книгъ богослужебныхъ; что греческіе, болгарскіе и сербскіе номоканоны составляли у насъ даже до XVII-го столѣтія тѣ скрижали, откуда почерпались нами основанія для суда духовнаго и свѣтскаго; что наконецъ въ чествованіи угодниковъ Божіихъ мы не раздѣляли Грековъ отъ Славянъ, Славянъ отъ Русскихъ и одинаково вносили въ наши книги ихъ житія на поученіе отдаленнѣйшимъ потомкамъ, нѣкоторыми же изъ житій русскихъ снятыхъ мы съ своей стороны обязаны нашимъ соплеменникамъ — наприкладъ Сербу Пахомію Логовету. И въ позднѣйшее время, когда Россія, благодаря генію Петра Великаго, заняла свое мѣсто въ системѣ европейскихъ государствъ, мы не оставили нашего живаго общенія съ Славянами по языку и богослуженію. Великій Преобразователь, вводя у насъ иностранные законы и обычаи, искалъ въ цесарскихъ земляхъ, для насажденія ихъ въ своемъ отечествѣ и приученія къ нимъ, преимущественно Славянъ. Съ другой стороны наши древнѣйшія старопечатныя книги свидѣтельствуютъ, что изъ славянскихъ земель къ намъ продолжали привозиться богослужебныя книги, изъ числа которыхъ мы съ гордостью можемъ назвать сохранившіеся у насъ рѣдкіе экземпляры изданій доктора Скорины и типографій Кракова и Праги.

Но въ этотъ періодъ занимается уже заря русскаго просвѣщенія, которая опять представляетъ намъ въ настоящемъ свѣтѣ неизчерпаемую сокровищницу славянскихъ богослужебныхъ книгъ.

Отецъ нашего нынѣшняго литературнаго языка, Ломоносовъ, воспиталъ свой геній и выработалъ свой слогъ чтеніемъ церковныхъ книгъ; отсюда же заимствовали многія выразительныя, прекрасныя слова и обороты Державинъ, Пушкинъ и другіе наши поэты въ своихъ лучшихъ стихотвореніяхъ. Въ началѣ же нынѣшняго столѣтія, когда серьезныя филологическія и историческія изслѣдованія стали существенною потребностію и въ Россіи, наши незабвенные Калайдовичъ и Востоковъ тѣсно связали насъ съ западною славянскою наукой. Роизысканія ихъ, обращенныя на изученіе съ одной стороны древнѣйшихъ памятниковъ нашей церковной письменности, а съ другой — коренныхъ основъ русскаго языка, показали намъ путь къ изученію славянскихъ нарѣчій, и съ ихъ легкой руки имена Добровскаго, Линде и другихъ сдѣлались намъ не только извѣстными, но и родными. Съ тѣхъ поръ изученіе славянскихъ нарѣчій и литературъ получило у насъ право гражданства и надлежащее значеніе въ кругу специальныхъ наукъ, преподаваемыхъ въ филологическихъ факультетахъ на-

шихъ университетовъ; цѣлая группа молодыхъ ученыхъ была отправлена министерствомъ народнаго просвѣщенія въ славянскія земли для замѣщенія ими по возвращеніи открытыхъ вновь каеедръ славянскихъ нарѣчій. Изъ нихъ въ настоящее время имена Прейса, Бодянского, Срезневскаго, Григоровича извѣстны и за границей, а для насъ вдвойнѣ почетны, ибо ихъ изслѣдованія показываютъ, что мы русскіе уже въ состояніи возвращать западнымъ и южнымъ Славянамъ тѣ дары, которыми послѣдніе такъ щедро и продолжительно насъ надѣляли. Отнынѣ въ изученіи славянскаго языка и его нарѣчій мы безъ сомнѣнія пойдемъ рука въ руку съ нашими западными и южными собратіями, и по крайней мѣрѣ на мирномъ поприщѣ науки твердо будемъ поддерживать другъ друга. Посѣщеніе Петербурга и Москвы достойнѣйшими представителями славинства служить тому залогомъ и при настоящихъ обстоятельствахъ составляетъ важное, многознаменательное событіе.

Но общеславянское право? Есть ли это мечта или дѣйствительность, хотя бы и не столь явная какъ единство происхожденія и единство языка?

Не мечта—скажу я, мм. гг., смѣло и громко. Не мечта то присущее всякому человѣку и всякому народу чувство правды, которое сильнѣе всего бьется въ его груди, которое, какія бы ни были отъ него отступленія, хотя и въ безпредѣльной дали, но какъ яркая звѣзда направляетъ волю всякой главы государства къ начертанію постоянныхъ правилъ дѣйствій для своего народа, къ изданію законовъ и руководствованію ими даже многомилліонныхъ массъ населенія. Не мечта тѣ слагающіяся въ глубинѣ народнаго духа убѣжденія и наглядно выражаемыя словами и поступками начала, которымъ должна подчиняться не только матеріальная, но и формальная сторона жизни этого народа. Не мечта наконецъ тѣ законодательные памятники, которые завѣщали намъ наши отдаленные предки Славяне, начиная съ Суда Любуши, съ Русской Правды и съ Законника царя Душана, узаконенія, связанныя, несмотря на всѣ ихъ различія, по тѣмъ обстоятельствамъ, при которыхъ они были изданы, единствомъ основныхъ юридическихъ положеній, тѣмъ единствомъ, которое еще въ IX-мъ вѣкѣ заставляло Чеховъ говорить:

Ne chvalno nam v Nemziech iskati pravdu,
U nas pravda po zakonu sviatu
Juze prinesechu otzy naszy.

Къ сожалѣнію, мм. гг., краткость времени, приходящагося на долю моей рѣчи, и предметы занятій Общества Любителей Россійской Словесности не позволяютъ мнѣ остановиться на разъясненіи тѣхъ основныхъ началъ славянскаго права, которыми оно отличалось въ ту или другую эпоху народной жизни отъ законодательствъ германскихъ и романскихъ; не могу впрочемъ не замѣтить, что по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ этихъ началъ уже признаны такими со стороны герман-

скихъ юристовъ, которыми виѣстъ съ тѣмъ высказана мысль о возможности дальнѣйшаго ихъ развитіа; то же что Нѣмцами высказано какъ возможность должно быть конечно для насъ Славянъ насущною потребностью и несомнѣнною обязанностию. Но при этомъ нѣтъ невольно представляются два вопроса, которые, кажется, совершенно умѣстно предложить и рассмотреть здѣсь съ полнымъ вниманіемъ. Вопросы эти вызываются съ одной стороны тѣми особенными обстоятельствами, въ которыхъ находится въ настоящее время Россія въ отношеніи къ судопроизводству, именно вопросъ о томъ, на сколько можетъ быть теперь примѣняемо у насъ на практикѣ изученіе славянскихъ законодательствъ, а съ другой—тѣмъ предметомъ, который не можетъ не быть особенно важнымъ для всѣхъ насъ Славянъ, стремящихся ко взаимному тѣснѣйшему сближенію — вопросъ о единствѣ литературнаго языка по крайней мѣрѣ между нашими западными и южными соплеменниками.

Лишь въ прошедшемъ году введенные у насъ въ дѣйствіе новыя судебныя уставы дали русскому судопроизводству въ одно время и устность и гласность. Оба эти начала, хотя и составлявшіе въ древней Руси наше исконное достояніе, вошли однако въ систему новаго судопроизводства подъ вліяніемъ западной теоріи права и законодательствъ преимущественно французскаго, италіянскаго и германскаго. Изъ нихъ же заимствованы и многія другія основанія какъ матеріальной, такъ и формальной стороны суда съ ихъ названіями: кассация, присяжные, мировые суды и прочее. Въ этомъ отношеніи намъ даже виѣняютъ въ заслугу, что нѣкоторые изъ началъ западной теоріи выработаны въ нашихъ судебныхъ уставахъ окончательнѣе и опредѣлительнѣе, нежели Французами и Нѣмцами, благодаря тому, что на чистомъ полѣ легче воздвигать новое строеніе, чѣмъ на обломкахъ стариннаго зданія. Такую похвалу можно было бы принять за насмѣшку, еслибы выраженная ею мысль могла у насъ осуществиться въ ея развитіи. Но въ самомъ ли дѣлѣ мы единственно способны видѣть въ западной теоріи идеалъ нашихъ стремленій и идти къ достиженію его объ руку съ западными законодателями, оставляя въ сторонѣ убѣжденія и потребности своего народа?

Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ. Нашъ Сводъ Законовъ, отражающій въ своей догмѣ постепенное образованіе и наслоеніе русскаго законодательства, остался въ этой части почти нетронутымъ. Если же мы на время отбросили въ судопроизводствѣ историческую основу, то это лишь для того, чтобы лучше усвоить себѣ и установить въ практикѣ тѣ общечеловѣческія начала, которыя одинаково присущи всѣмъ народамъ, а виѣстъ съ тѣмъ возвратитъ къ жизни и тѣ изъ нихъ, которыми нѣкогда мы сами руководствовались, но которыя, подъ вліяніемъ особенныхъ политическихъ обстоятельствъ и ложной западной теоріи, принятой нами въ другое время, утратили у насъ свое значеніе. Въ этомъ отношеніи я укажу опять на устность и публичность

суда и на мировыя учрежденія, которыя съ незапамятной древности играли у насъ важнѣйшую роль въ лицѣ третейскихъ и земскихъ выборныхъ или излюбленныхъ судей. Но уже и при составленіи судебныхныхъ уставовъ законодателью приходилось брать во вниманіе географическія особенности нашего отечества, степень образованія нашихъ простолюдиновъ и инныя мѣстныя условія. Съ другой стороны въ мировыхъ судахъ данъ широкій просторъ народнымъ обычаямъ, которые и западная теорія признаетъ основою для дальнѣйшаго развитія дѣйствующаго въ каждой странѣ законодательства. Благодаря этому ясному указанію въ нашихъ новыхъ судебныхъ уставахъ, собраніе и разработка нашихъ обычаевъ, хотя и слабо, у насъ уже начались, и какъ бы въ поученіе и подкрѣпленіе намъ наши соплеменники прислали сюда недавно свои цѣльные добросовѣстные труды по собраннымъ ими у себя юридическимъ обычаямъ. Случайное, но счастливое совпаденіе, и наши ученые сочтутъ безъ сомнѣнія своимъ долгомъ привести во взаимную связь эти труды русскихъ и славянскихъ юристовъ и археологовъ. Да будетъ это залогомъ того единства, къ которому должны стремиться законодатели во всѣхъ славянскихъ государствахъ, вырабатывая свои національныя учрежденія! Да уяснятся чрезъ то основныя начала, лежащія у Славянъ въ корнѣ ихъ права, въ особенности гражданскаго, которое, какъ извѣстно, не легко поддается произвольнымъ измѣненіямъ, и да разовьются чрезъ такое уясненіе утвердившіяся по мѣстностямъ родственныя юридическія убѣжденія славянскихъ народовъ въ одну стройную систему общеславянскаго права.

Не представляетъ ли однако достиженію этой цѣли неодолимую преграду различіе въ славянскихъ нарѣчіяхъ, чрезъ посредство которыхъ приходилось бы юристамъ знакомиться съ законодательствомъ и обычаями каждой отдѣльной отрасли славянской народности. Увы! это такая истина, противъ которой едва ли кто возьмется возражать. Въ моей памяти живо возстаетъ то время моей юности, когда увлеченный чтеніемъ съ одной стороны сочиненій Шафарика, Палацкаго, Мацѣевскаго, а съ другой русскихъ юридическихъ памятниковъ, я поставилъ было себѣ задачей изученіе славянскихъ законодательствъ. Убѣдившись вскорѣ, что для этого необходимо предварительное изученіе разныхъ славянскихъ нарѣчій, я сталъ готовиться къ поѣздкѣ въ славянскія земли, чтобы начать это изученіе въ старинной, священной Прагѣ. Грустныя семейныя событія, потомъ служба отвлекли меня отъ задуманной поѣздки и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ ея цѣли. Но я вынесъ отсюда—смѣю думать—поучительный урокъ для моихъ соотечичей и ихъ соплеменниковъ, которыхъ также затрудняетъ въ изученіи русскаго права незнаніе нашего языка. Хранивъ долго этотъ урокъ въ сердцѣ и приближаясь теперь къ закату дней, считаю себя обязаннымъ высказать мысль, которой исполненіе было бы одинаково полезно всѣмъ, кто, подобно мнѣ, чувствуетъ неотложную потребность въ изученіи славян-

скихъ законодательствъ и встрѣчаетъ къ тому препятствіе въ различіи нарѣчій. Братья родичи! Установимъ у себя одинъ общій литературный языкъ, на которомъ мы всѣ могли бы одинаково сноситься, читать труды каждаго изъ насъ въ отдѣльности и такимъ образомъ поучаться другъ у друга, а въ области права выработать общую терминологию, которая яснѣе и отчетливѣе выражала бы наши юридическія начала, чѣмъ чуждыя намъ иностранныя слова, такъ часто скрывающія наши народныя мысли и понятія. Тогда всѣ образованные Славяне понимали бы другъ друга, такъ точно какъ понимаютъ другъ друга Нѣмцы, Французы и Италіянцы, гордящіеся по справедливости этимъ своимъ преимуществомъ и за недостаткомъ его у насъ не понимающіе того значенія, на которое въ средѣ Европейскихъ народовъ имѣетъ полное право наше древнее, многолюдное и могущественное племя.

Н. Калачовъ.

СЛАВЯНАМЪ.

Сбылись завѣтными, горячія желанья,
Въ Москву стеклись, для братскаго свиданья,
Не чуждый людъ — свои, хвала роднымъ друзьямъ.
Славяне! вашъ приходъ отраденъ, дорогъ намъ!

Привѣтствуемъ васъ, сердцу дорогіе,
Пришедшіе на Русь съ далекихъ странъ,
Вы намъ свои, вы намъ родные,
Мы всѣ — одна семья Славянъ!

Пусть грани царствъ разъединяють насъ,
Но мысль, но духъ — преградъ не знаютъ,
И чувства и языкъ всѣхъ насъ соединяють, —
Любовью братскою привѣтствуемъ мы васъ!

На скромномъ праздникѣ науки
Господь привелъ сойтись намъ,
Такъ подадимъ другъ другу руки —
Какъ братья и друзья — съ мольбою къ небесамъ:
Да ниспошлетъ Господь миръ и любовь святую
Народамъ всѣмъ и всѣмъ царямъ,
Духъ единенія славянскимъ племенамъ,
И да хранитъ Онъ Русь — и намъ и вамъ родную!

Кн. Николай Церетелевъ.

БРАТЬЯМЪ - СЛАВЯНАМЪ.

Братъя — гости дорогіе!
Вамъ престольная Москва,
Сердце теплое Россіи,
Шлетъ въ привѣтъ свои живыя,
Задушевные слова.
Вѣрьте, къ вамъ мы пламенѣемъ
Чувствомъ нѣжнымъ и святымъ, —
Вашей скорбью мы болѣемъ,
Вашей славой дорожимъ,
И хранимъ одно желанье:
Чтобъ, дивясь, увидѣлъ свѣтъ,
Какъ свершится предвѣщанье,
Что повѣдалъ вашъ поэтъ:

„Поздно липа расцвѣтаетъ,
Но душистый цвѣтъ даетъ:
Онъ богатъ цѣлебной силой
И хранитъ янтарный медъ.
Такъ и намъ, Славяне братъя,
Поздній цвѣтъ на долю данъ;
Но за то онъ обѣщаетъ
Много благъ семьѣ Славянъ!“

О. Миллеръ.

О СЛАВЯНОВѢДѢНІИ ВЪ РОССІИ.

Мм. Гг.

Наше Общество, слѣдя неоступно, шагъ за шагомъ, за успѣхами науки роднаго языка и творческой мысли въ изящномъ словѣ, и само, какъ дѣятель, участвуя въ этихъ успѣхахъ, еще съ самаго обновленія своего постоянно выражало въ своихъ трудахъ и дѣйствіяхъ потребность историко-сравнительнаго способа изученія, господствующаго теперь во всей современной наукѣ. Уже неразъ обращалось оно съ сочувственнымъ призывомъ къ своимъ и къ заграничнымъ Славянистамъ; уже не разъ изъ среды его звучало восторженное слово къ братьямъ Славянамъ.... Но то, что мы усвоивали себѣ далекимъ разсудочнымъ познаваніемъ — единство Славянскаго представленія, оно-то казалось намъ лишь вождедѣльной мечтою, какъ скоро наши взоры обращались къ самой жизни. Но вдругъ, почти неожиданно, мечта наша осуществилась.... что прежде представлялось намъ какъ бы зеркаломъ въ гаданіи, теперь мы видимъ лицомъ къ лицу — и въ этой живой дѣйствительности, въ кругу представителей всего возрожденнаго Славянства, въ нашей теперешней общей бесѣдѣ, закрѣпляемъ изъ устъ въ уста, изъ сердца въ сердце связи нашего многообразнаго, многоименнаго и вмѣстѣ единороднаго и, какъ видимъ теперь, единодушнаго племени Славянскаго.

Богѣе, чѣмъ когда либо удобнымъ считаю я въ настоящую минуту окинуть бѣглымъ взглядомъ водвореніе въ нашемъ отечествѣ новаго образовательнаго начала, которое въ такое короткое время уже такъ глубоко пустило свои корни, что народъ нашъ самъ собою дошелъ до могучаго жизненнаго творчества, когда съ свободно-привѣтнымъ кликомъ и съ хлѣбомъ-солью, по своему стародавнему коренному обычаю, встрѣчаетъ онъ своихъ гостей и провожаетъ ихъ въ самое сердце своей родной земли.

Я хочу сказать нѣсколько словъ о водвореніи у насъ Славяновѣдѣнія.

Мы Русскіе — вѣтъ Славянскаго племени. Будучи частью общаго цѣлаго, мы носимъ въ себѣ лишь частное, видовое выраженіе общаго духа, который проявляется въ совокупности Славянскихъ народностей.

Частное выраженіе, существуя цѣлыя вѣка, должно было самостоятельно видоизмѣняться подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій: отсюда разнообразіе общаго, самородные наплывы на частяхъ, ослабленіе крупныхъ родовыхъ чертаній, утрата единства и мѣстами забвеніе его. Но то что утрачено у однихъ, могло сберечься у другихъ; то, что у однихъ сохранилось съ корнями и послѣдовательно, у другихъ осталось лишь отрывочно. Оттого для насъ, Русскихъ, изученіе общаго должно было послужить дополненіемъ и объясненіемъ нашего частнаго, туземнаго; а это ближайшее къ намъ общее — есть Славянство. Отъ изученія и познанія роднаго мы должны перейти къ изученію и познанію родственнаго. Славянство представляетъ еще ту особенность, что народы Славянскіе стоятъ на разныхъ ступеняхъ своеобразнаго развитія: что у однихъ уже отошло въ историческую давность, то у другихъ является еще свѣжею современностію. Изъ сравнительнаго изученія раскроются тѣ общія свойства духа и нравственнаго облика, которыя освѣтятъ и опредѣлятъ сущность отдѣльной народности. Несмотря на различіе судебъ, постигшихъ Славянское племя, разнообразіе мѣстностей, гдѣ оно живетъ, безчисленное множество ступеней, на которыхъ является Славянинъ въ Европейской жизни — до сихъ поръ въ Славянской семьѣ поразительно высказывается общеродовое единство; глубоко проникаетъ оно всю природу Славянъ. Вступая въ эту семью, мы невольно чувствуемъ себя въ родственной средѣ, и это чувство отрадно Славянину. Его утѣшаетъ мысль, что труды его значительно облегчатся, плоды удесятерятся; достовѣрность выводовъ подтвердится, какъ скоро онъ, покинувъ тѣсный домашній очагъ, выйдетъ на широкое раздолье Славянскаго міра; и куда бы ни направилъ онъ свои шаги — всюду придетъ къ своимъ соплеменникамъ, съ увѣренностію, что пришелъ не чужимъ гостемъ и не въ чужой домъ, а родичемъ къ радушному хозяину, неся сочувствіе и вызывая взаимное пониманіе.

Вотъ та начальная мысль, которая руководила при отправленіи за границу въ концѣ 30-хъ годовъ молодыхъ ученыхъ, предназначенныхъ для занятія вновь открываемыхъ въ Русскихъ университетахъ Славянскихъ кафедръ.

Теперь, когда весь Славянскій міръ, съ его чистыми и высокими помыслами и стремленіями, составляетъ предметъ нашего общественнаго сочувствія и входитъ уже въ существо нашего народа, — теперь учрежденіе славянскихъ кафедръ представляется событіемъ первостепенной важности. Оно замкнуло узелъ, связующій одну изъ основныхъ нитей нашей виѣшней, обще-европейской, жизни со всѣми главнѣйшими нитями внутренней жизни. Узнавши своихъ собратій Славянъ, нашъ народъ съ восторженнымъ единодушіемъ, съ полною горячности любовью долженъ былъ отозваться на призывъ Славянскаго знанія. Открыто и смѣло могла заговорить Россія въ сонмѣ державъ и вести впередъ новую и міровую идею — идею славянства, потому что

она знала, что сзади нея стоитъ весь семидесяти-милліонный Русскій народъ, готовый поддержать ея родное слово всѣми силами своего бытія, уже вмѣстившаго въ себя полноту славянскаго духа.

Задача Славянскихъ каеедръ состояла въ распространеніи славяновѣдѣнія, какъ новой образовательной стихіи въ народѣ.

Но какова была общественная подготовка къ тому времени? До открытія Славянскихъ каеедръ, славяновѣдѣніе проявлялось у насъ только отрывками и не имѣло своей самостоятельной разработки.

Уже Петръ Великій своею гениальною дальнорзкомкостью предвидѣлъ, что славянство нужно и необходимо для Россіи, какъ для самаго положенія ея въ Европѣ, такъ и для нравственнаго развитія. Начиная съ него, и до нынѣшняго времени, наше Правительство постоянно заявляло южнымъ Славянамъ о единоплеменности и единовѣрїи и оказывало имъ содѣйствіе нравственною и вещественною поддержкою. Въ Саксоніи Луличанинъ Бранцель подноситъ Петру свой переводъ Библіи и прилагаетъ записку, въ которой указываетъ на родство Славянъ съ Русскими и на потребность тѣснѣйшаго ихъ сближенія. Между вызванными изъ за границы опытными моряками переселяются въ Россію и моряки-Славяне. Наши гардемарины въ водахъ Адриатическаго моря знакомятся съ прибрежными Славянами, изъ которыхъ состояла большая часть экипажей Венеціанскаго флота. Петръ указываетъ на Чеховъ, какъ лучшихъ знатоковъ печатнаго дѣла. При немъ Теофанъ Прокоповичъ переводитъ книгу Мавро Орбини о Славянахъ. Савва Рагузинскій хлопочетъ о закрѣпленіи связей съ Славянами и взаимной поддержкѣ. Съ этого же времени въ Россіи все болѣе и болѣе показывается именъ Хорватовъ и Сербовъ; за ними совершаются цѣлыя переселенія Сербовъ, Болгаръ и Моравскихъ братьевъ. Для распространенія народнаго образованія Екатерина Великая входитъ въ сношеніе съ Императоромъ Іосифомъ о присылкѣ изъ Славянскихъ земель учителей въ народныя училища. Въ ученыхъ трудахъ самой Екатерины, именно въ сравнительномъ словарѣ, встречаемъ большую часть нарѣчій Славянскихъ: Чешское, Словацкое, Польское, Кашубское, Сербское, Лужицкое, даже Полабское. Наши войска въ Далмаціи, Сербіи, Болгаріи и Австрійскихъ владѣніяхъ, наши ратники въ предѣлахъ Россіи знакомятся и братаются съ Славянами. Въ 92-мъ году Добровскій посѣтилъ Петербургъ и Москву и много поработалъ въ бібліотекахъ Московскихъ.

Взятый въ плѣнъ казаками въ 12-мъ году и потомъ отпущенный на волю, небогатый помѣщикъ Холмскаго повѣта, Долуга Ходаковскій, „полюбопытствовалъ, какъ выражается онъ въ своемъ жизнеописаніи, узнать начало того государства, которое такъ сильно начинало дѣйствовать въ его глазахъ. Къ тому же онъ надѣялся, что Славянскіе народы отнынѣ могутъ болѣе и болѣе возвращаться въ первобытное свое единство. И съ этою надеждою онъ обходитъ Славянскія земли отъ Лабы до Камы, отъ поморья Балтійскаго до подножія Бал-

кановъ. Онъ составляетъ общую карту Славянскихъ городищъ и сравнительный словарь 7000 урочищъ. Его изслѣдованія печатаются въ лучшихъ повременныхъ изданіяхъ и своимъ обще-славянскимъ значеніемъ подтверждаютъ, что дѣйствительно мыслию его было славянское единство. Потомъ извѣстный своими изданіями старинныхъ памятниковъ — Калайдовичъ слѣдилъ за вновь выходящими за границею славянскими сочиненіями. По поводу изданнаго имъ Екзарха Волгарскаго ему присылаютъ свои отзывы Добровскій, Копитаръ, Бандтке; Вукъ Караджичъ гоститъ у него въ Москвѣ и на память оставляетъ ему три сербскія пѣсни. Другой ученый, Кенпенъ, ѣдетъ за границу въ югозападные Славянскія земли и привозитъ оттуда нѣсколько памятниковъ. Нашъ общій учитель Востоковъ, сравнивая польскія слова съ церковно-славянскими, открываетъ въ особыхъ начертаніяхъ кириллицы присутствіе носовыхъ звуковъ и опредѣляетъ природу полугласныхъ. Статья его, получившая такую извѣстность, послужила блестящимъ доказательствомъ въ пользу сравнительнаго изученія Славянскихъ языковъ. Она напечатана въ „Трудахъ“ нашего Общества за 1820 годъ. Шишковъ спѣшитъ познакомить Русскихъ съ только что изданною Крамледворскою рукописью и переводитъ ее не такъ, какъ всѣ прочіе переводчики; у него замѣнены только нѣкоторыя слова и окончанія болѣе удобнопонятными для Русскихъ. И я думаю, что въ этомъ случаѣ онъ, по своему обыкновенію, дѣйствовалъ на славянскій ладъ, потому что никакой переводъ не можетъ сравниться съ тысячелѣтнимъ подлинникомъ такого чуднаго народнаго творчества, каково въ рукописи Крамледворской; а Славяне и безъ переводчиковъ понимаютъ и поймутъ другъ друга. Шишковъ, авторъ статьи „о новомъ и старомъ слоgъ“, писавшій замѣчательные манифесты и воззванія въ отечественную войну, потомъ Президентъ Россійской Академіи, былъ славянистъ въ душѣ. Онъ переписывался съ Ганкою, и есть нѣкоторыя частныя свѣдѣнія о томъ, что подъ вліяніемъ Ганки онъ указывалъ правительству на значеніе для Россіи Славянъ и важность ближайшаго съ ними знакомства. Его мнѣніе высоко цѣнили Пушкинъ, и нѣтъ сомнѣнія, что воспріимчивая, пылкая душа поэта, открытая для всякаго честнаго убѣжденія, глубоко таяла слѣды вліянія Шишкова. Извѣстно съ какимъ стараніемъ добивался Пушкинъ славянскихъ пѣсень, какъ сильно увлекался онъ Славянскою народною поэзіею, и, судя по той вѣрности, съ какою онъ воспроизводилъ ее въ своихъ поэтическихъ отголоскахъ, — нельзя отказать ему въ глубокомъ пониманіи и сочувствіи къ славянству. Такимъ образомъ славянская стихія вошла и въ нашу поэзію. Но это былъ еще только первый шагъ. Прибавлю, что другъ и современникъ Пушкина, Грибоѣдовъ, считавшій себя также ученикомъ Шишкова, быть можетъ, еще болѣе, чѣмъ Пушкинъ, былъ проникнутъ славянскимъ чувствомъ и, какъ видно изъ его переписки, онъ создавалъ уже славянскій вопросъ.

Такъ мало по малу отдѣльными образованными личностями подготовлялась у насъ почва для Славяновѣдѣнія. Недоставало сѣятелей.

Сомнительно относившійся ко всему положительному и самодовольному, всегда искавшій и ожидавшій чего-то большаго и лучшаго, переходившій съ одной катедры на другую, что обнаруживало отчасти и обширность познаній и вмѣстѣ неудовлетворенность ими, Каченовскій, всегда добродушный и всегда угрюмо-сосредоточенный, первый не удовольствовался русскими предѣлами для русской науки. Не дѣлая еще славяновѣдѣнія предметомъ особаго преподаванія, онъ уже для самого себя знакомился съ плодами дѣятельности славянскихъ ученыхъ, и когда въ послѣдній день 35-го года вышелъ новый Университетскій Уставъ, тогда катедра исторіи и литературъ Славянскихъ сама собою должна была достаться ему. Еще въ 1816 году онъ писалъ въ „Вѣстникѣ Европы“: „У насъ до сихъ поръ еще мало думали о томъ, сколь близкое имѣютъ сходство съ нашимъ россійскимъ языкомъ многіе другіе, употребляемые какъ внутри отечества, такъ вѣдъ предѣловъ онаго, и сколь великую пользу приобрѣло бы отечественное наше слово, когда бы обратили вниманіе свое на составъ разныхъ славянскихъ нарѣчій, на образованіе ихъ и взаимныя отношенія между ними.“ Въ „Трудахъ“ же нашего Общества за 1817 годъ онъ помѣстилъ замѣчательную по своей тогдашней новизнѣ статью о грамматикахъ Славянскихъ нарѣчій, въ которой между прочимъ указалъ на великое значеніе Чеховъ въ Римской Имперіи при Карлѣ IV, а въ слѣдующемъ году, объявляя объ изданіи „Вѣстника Европы“ и направленіи его, онъ выставлялъ какъ главнѣйшій предметъ: старину отечественную, исторію россійскаго и родственныхъ ему языковъ, дѣянія и обычаи народовъ славянскихъ. Такія объявленія повторялись имъ во всеуслышаніе, и онъ постоянно твердилъ, что Славяне — наши соплеменники, что знаніе ихъ исторіи, литературы, языковъ, обычаевъ для насъ не только полезно, но и необходимо.

Въ то время, какъ ученая дѣятельность Каченовскаго уже приближалась къ концу, въ Москвѣ, еще полный свѣжихъ силъ, Хомяковъ обращалъ свои задушевные, поэтическія думы къ братьямъ-Славянамъ; ихъ возрожденный духъ, ихъ борьба, ихъ чаянія, ихъ грядущее одушевляли его вмѣстѣ съ ними, и что-то вѣщее, что-то ободряющее чулось въ его словѣ. Еще въ началѣ 30-хъ годовъ написано имъ было столь извѣстное стихотвореніе „Славянскіе Орлы“ ... И какъ бы возрадовался онъ вмѣстѣ съ нами, еслибы дожилъ до этой минуты!...

Мнѣ кажется, я не ошибусь, если Каченовскаго и Хомякова назову первыми сѣятелями у насъ славянской мысли. Они не похожи были другъ на друга; но самое несходство ихъ было полезно, потому что сѣмяна, ими брошенныя, падали по разнымъ направленіямъ. И надо сознаться, что, съ ихъ легкой руки, сѣмяна пали на благодатную почву.

30-е года замѣчательны тѣмъ, что въ это время окончательно совершилась у насъ подготовка въ дѣлѣ Славяновѣдѣнія. Народный духъ

раскрывался къ воспринятію въ себя славянской стихіи, которая уже давала себя предчувствовать и полнотою содержанія и новымъ запасомъ силъ. Мы уже имѣли порядочное количество свѣдѣній о Сербяхъ; Венелинъ и Априловъ, равно новые какъ для насъ, такъ и для Болгаръ, принесли къ намъ первыя вѣсти о Болгарахъ. Ковалевскій и Поповъ уже побывали въ Черногоріи и познакомили насъ подробно съ исторіею, пѣснями, нравами и самою мѣстностію, столь дорогою для Черногорцевъ. Предисловіе послѣдняго отличается глубокимъ и вѣрнымъ взглядомъ на славянство и его отношеніе къ Россіи. Западныхъ Славянъ мы уже умѣли различать по ихъ развѣтвленіямъ, и подъ искаженными нѣмецкими названіями уже безпрепятственно видѣли ихъ славянское происхожденіе. Уже переведена была граматика Добровскаго и начатъ переводъ „Славянскихъ древностей“ Шафарика. Магистерская диссертация Водянскаго „О народной повѣсти Славянъ“ дала живое содержаніе въ тѣ общія понятія, которыя рождались при имени той или другой славянской народности. Она въ свою пору произвела сильное впечатлѣніе новизною предмета. А за границей, въ то же время, молодые ученые, предназначенные для славянскихъ кафедръ, закрѣпляли свои связи съ представителями возрожденнаго славянства. Тамъ доступною стала для нихъ вся славянская литература; тамъ вели они бесѣды и съ учеными и съ поэтами; тамъ странствовали они изъ селенія въ селеніе, изъ города въ городъ, изучая старинныя памятники и присматриваясь къ народу, свыкаясь съ его говоромъ. Одновременно съ ними путешествовали и два профессора: Шевыревъ приобрѣталъ „поучительныя“, по его собственному признанію, знакомства съ Ганкою, Шафарикомъ, Челаковскимъ, Палацкимъ; Погодинъ попеременно бывалъ то въ кабинетъ ученаго, для важнѣйшихъ вопросовъ науки, то въ средѣ народа, для непосредственнаго изученія жизни, и со свойственными ему прямизною взгляда и зрѣlostію наблюденія выкалъ въ смыслъ славянскаго движенія, въ его положеніе къ инородному племени, его стремленія, его политическое значеніе, его слабыя и сильныя стороны, его отношеніе къ Россіи и связь съ ея будущимъ назначеніемъ. Многія его замѣчанія оправдались; многое, что онъ предсказывалъ, уже сбылось или сбывается.

Наконецъ наступили 40-е года. Славянисты возвратились изъ за границы, воодушевленные любовью къ своему предмету, воодушевляя ею и другихъ — и это потому, что они прямо соприкасались славянству на самомъ мѣстѣ его возрожденія, — тамъ, гдѣ вскорѣ пробудился славянскій духъ, гдѣ онъ вѣлалъ живою силою во всемъ: и въ словѣ и въ дѣлѣ; тамъ вдругъ нихъ ужъ все кипѣло обновленною жизнію, все быстро двигалось впередъ... Съ кафедръ славянскихъ раздались славянскіе звуки... Десятки, потомъ сотни учащихся изъ разныхъ сословій узнали, что въ Европѣ живетъ цѣлая семья родственныхъ намъ народностей, которыя имѣютъ свою исторію, свою литературу, свои преданія. Наука указала имъ тѣ широкіе предѣлы, въ которыхъ

разселилось нѣкогда славянское племя; она возстановила настоящее значеніе Славянъ въ судьбахъ средневѣковой и новой Европы; она напомнила давно забытыя славныя имена и указала пути, по которымъ шествовалъ славянскій духъ, то проявляя себя во всемъ блескѣ и могуществѣ, то изнемогая подъ тяжкими невзгодами — и, какъ небывалая новость, раскрылся передъ нами весь славянскій міръ въ полнотѣ его народностей, съ его дѣяніями, пѣснями, литературой и говоромъ, съ его священными преданіями, съ его дорогими воспоминаніями, съ его заветными помыслами и желаніями.

Въ 1845 году, на публичномъ чтеніи о Славянахъ, профессоръ Срезневскій выразился такъ: „Давно ли ученые труженики, въ своихъ скромныхъ углахъ, стали работать надъ изысканіями о Славянахъ, скрываясь какъ отшельники, не думая ни о вниманіи къ себѣ, ни о славѣ? Давно ли въ Европѣ заговорили о Славянахъ, какъ будто о какой ногайской Ордѣ? Тридцать лѣтъ тому — о Славянахъ никто почти не думалъ; двадцать лѣтъ — мало кто о нихъ писалъ; десять — мало кто хотѣлъ разсуждать о нихъ. А теперь! чуть не въ девяти городахъ Европы растворились аудиторіи для слушанія чтеній о Славянахъ. Время пришло. Оно само даетъ знать о себѣ; само обращаетъ дѣятельность къ тому, что ему нужно. Не каждый разгадаетъ къ чему оно ведетъ, но каждый идетъ за нимъ“... И точно, прибавлю я, неудержимое теченіе духа времени обуяло все мыслящее, все говорящее, все читающее общество: волей-неволей каждый спѣшитъ стать въ передовую линію славянскихъ дѣятелей. Стало стыдомъ не знать о Славянахъ, или отставать отъ знающихъ. Уже слушатели историко-филологическихъ факультетовъ ежегодно, одни за другими, оставляя университетскія аудиторіи, вносили въ народное образованіе и въ общественную жизнь зрѣлыя понятія о славянствѣ, а нѣкоторые изъ нихъ, уже какъ второе поколѣніе, вступили на славянскія кафедръ и успѣли лично познакомиться съ Славянами въ ихъ собственныхъ жилищахъ; другіе, на другихъ служебныхъ поприщахъ, не оставляютъ славяновѣдѣнія, какъ спеціальнаго предмета своихъ занятій; а третьи въ кругу представителей Европы достойно поддерживаютъ славяно-русское воззрѣніе на ходъ событій. Я не стану называть поименно нашихъ славянистовъ: они извѣстны и слишкомъ близки намъ. Равно не стану утомлять ваше вниманіе исчисленіемъ всего того, что сдѣлано по части славяновѣдѣнія со времени его водворенія у насъ: все это также болѣе или менѣе извѣстно. Упомяну только о ближайшихъ къ наукѣ проявленіяхъ самостоятельной мысли и изящнаго слова. Здѣсь, въ области чистаго мышленія, встрѣчаемъ мы имя Кирѣвскаго, котораго справедливо можно назвать исповѣдникомъ славянской мысли въ ея собственномъ развитіи: такъ глубока, такъ ясно выработана имъ мысль; такъ сильно прочувствовано имъ сознаніе при осязательномъ пониманіи Славянства. Здѣсь, въ области художественнаго слова, мы съ гордостію можемъ сказать, что мы богаты, хотя сравнительно и немногими, однако пре-

красными переводами славянской музыки и превосходными стихотворениями — истинным украшением нашей поэзии, каковы стихотворения Хомякова, Тютчева, Вяземского, Аксаковых, Берга, гр. Толстого и других. В журналистикѣ нашей 40-х годовъ пока еще одинъ только „Москвитининъ“ съ честью поддерживалъ право славянства на первое мѣсто въ нашихъ отечественныхъ интересахъ. Къ нему присоединялись порою и нѣкоторые издаваемые въ Москвѣ сборники. За то другія повременныя изданія, имѣющія чисто ученую и образовательную цѣль, уже отводили видное мѣсто для изысканій славянскихъ. Въ 50-хъ годахъ къ нимъ присоединились еще нѣкоторые; а въ журналистикѣ начало, положенное „Москвитининомъ“, широкимъ образомъ повела „Русская Бесѣда.“

Въ заключеніе замѣчу, что каждый занимается тѣмъ предметомъ, который любитъ. Любятъ исторію, любятъ даже математику и химію: но тотъ, кто знакомъ у насъ съ ходомъ славяновѣдѣнія, не обинуясь скажетъ, что наши славянисты, и не только исключительно къ тому призванные, но и всѣ поборники славянства одушевлены не такою любовью, какою даже историкъ любитъ избранный имъ народъ во всеобщей исторіи. Та любовь объективная, а любовь Славяниста — любовь живая, теплая, усердная. — И это понятно, потому что куда бы ни палъ мысленный взоръ Русскаго Славяниста — онъ всюду видитъ родное; до какой бы струны жизни ни коснулась его рука — она вызываетъ знакомый отзвукъ. Быть можетъ, самая нераздѣльность предмета изученія и преподаванія способствуетъ этой любви; каждый Славянистъ изучаетъ Славянство всецѣльно, не разсѣвая по частямъ состава его бытія. И оттого передъ нимъ возстаетъ полный образъ Славянина, какъ живое историческое лицо.... Много свѣтлыхъ дней пережилъ историческій Славянинъ; а еще болѣе того перенесъ тяжелыхъ испытаній, горькихъ разочарований. Его древніе уставы исполнены правды и челоуѣчности. Онъ уже готовилъ освобожденіе Византіи отъ пришлыхъ Турокъ; онъ двигалъ основами Священной Римской Имперіи и завѣщалъ Европѣ вмѣстѣ съ пепломъ Гусса начатокъ духовной свободы. Ему ли послѣ жестокихъ погромовъ не вкусить было плодовъ своей первоначальной нивы? И снова воскресшій духъ воздвигъ его высоко передъ изумленною Европой, и взоръ его, исполненный любви и упованія, обратился къ Востоку... Такъ неужели, передъ этимъ живымъ существомъ, самъ не оживетъ каждый Русскій Славянинъ, почувъ въ себѣ родное съ нимъ, и не отзовется тревожною думою на его горе и радость, на его дивную судьбу?... Вотъ почему такъ легко и быстро принялась у насъ славянская наука; вотъ почему она такъ плодотворно развивается. Передъ нею смолкаютъ всѣ наши домашнія распри; и если литература отражаетъ въ себѣ умственное движеніе народа, то нельзя не признать, что глубокий смыслъ таится въ томъ, что теперь всѣ безъ исключенія изданія наши наперерывъ стараются помѣщать на своихъ страницахъ, и на почетномъ мѣстѣ, славянскія статьи, даже щеголять ими. Сла-

вянство, какъ видно, предназначено внести къ намъ примиреніе и единодушіе.

Наше общественное слово, теперь посвятившее себя преимущественно практическому рѣшенію насущныхъ потребностей жизни, рядомъ съ этими задачами съ особенною любовію говорить о славянствѣ. Не есть ли это признакъ того, что отвлеченное сознаніе и творческая мысль подали уже руку житейской мудрости, и дѣятельная воля вступила въ обладаніе идеей? Всѣ силы духа сосредоточились на разрѣшеніи жизненныхъ вопросовъ, и въ нихъ участвуетъ теперь вся Россія, обновленная по слову Царя-Освободителя. Державное слово дало и ей свободу разумнаго слова — и она громко, во всеуслышаніе заявляетъ о своемъ сочувствіи къ братьямъ-Славянамъ! Здѣсь видимо дѣйствуетъ народное творчество, творчество разумно-сознательное, которое, какъ скоро завладѣетъ идеею, не покинетъ ея доколѣ не доведетъ до конечнаго оправданія въ своихъ судьбахъ. Передъ такимъ творчествомъ падаютъ предѣлы пространства и глубь вѣковъ становится говорящею, потому что идея уже въ рукахъ цѣлаго народа. Не здѣсь ли и лучшая награда Славянисту, который убѣждается, что слово его не прозвучало напрасно?

Но намъ ли однимъ современникамъ величаться своими успѣхами? Мы ли первые вспахали славянскую ниву?

Такъ почтимъ же здѣсь всѣмъ нашимъ братскимъ соборомъ, съ душою, исполненною благоговѣйной признательности, священную память тѣхъ первыхъ народолюбцевъ, тѣхъ тружениковъ науки, которые первые положили краеугольный камень возрожденному Славянству, его же и „врата адова не одолѣютъ!“ Почтимъ же, братья, память Обрядовича, Добровскаго, Ганки, Караджича, Шафарика, Юнгмана, Коллара, Челаковскаго!... Они первые провидѣли и указали намъ путеводную звѣзду на Славянскомъ небѣ. Ихъ духъ, сбросившій земныя путы, уже не знаетъ земныхъ раздѣловъ и рубежей. Онъ любовно взираетъ безъ различія на все Славянское потомство, которое они, сходя въ могилу, благословили на доброе дѣло. Ихъ наслѣдіе—наше общее наслѣдіе. И вотъ, какъ бы исполняя завѣтъ всей ихъ жизни, сюда стеклись со всѣхъ концовъ Славянскаго міра ихъ доблестные сподвижники, ихъ друзья и ученики, чтобы вкупѣ съ нами здѣсь, на свободной Русской землѣ, отпраздновать свободное единеніе Славянскаго духа. Славя нашимъ гостямъ!

А. Майковъ.

Съ залогомъ славы, но не брэнной,
О Племя Славы, ты стоишь,
И на племенъ потокъ смятенный
Съ надеждой ясною глядишь.

Когда кипя страстями звѣря,
Народы растерзали Римъ, —
И въ духъ, и въ жизнь, и въ братство вѣря,
Ты ненавистно стало имъ,

И ихъ озлобленная сила
Тебя мѣтою избрала,
Тебя терзала и губила,
Свершая страшныя дѣла, —

О Племя Славы, племя мира!
Въ бѣдѣ и злѣ со всѣхъ сторонъ,
Ты не хотѣло чтить кумира
Сихъ кровожадныхъ племенъ;

Цѣною нравственнаго блага
Ты не купило торжества,
Хотя бы сила и отвага
Могли сберечь твои права.

Но въ звѣря ты не обратилось,
Но то что благъ земныхъ святѣй —
Сокровище въ тебѣ таилось
Духовной жизни съ давнихъ дней!...

Опаснѣй чужеземной власти
Для испытанныхъ Славянъ,
Какъ тати вкравшіяся страсти
Джепросвѣщенныхъ чуждыхъ странъ.

Не страхомъ входить къ нимъ измѣна,
Соблазнъ грозить ихъ обольстить
И вѣшній гнетъ и горечь плѣна
Духовнымъ рабствомъ замѣнить!...

Всегда ль къ Европѣ суесловной
Прикованъ будетъ родъ Славянъ?
Всего тяжелѣ плѣнъ духовный,
Больше нѣтъ душевныхъ ранъ!

Не всѣ Славянскіе народы
Узнали гнетъ чужой руки:
На тѣхъ поляхъ, гдѣ льются воды
Дняпра и Волги и Оки,

Живетъ народъ не побѣжденный,
Смирившій множество враговъ,
Всегда предъ Господомъ смиренный,
Хранящій вѣру праотцовъ.

Но и къ нему, какъ испытанье,
Соблазны Запада вошли,
И подвигъ духа и сознанья
Ему готовится вдали.

О братья, плѣнъ тяжелый духа,
Постыдный плѣнъ мы разорвемъ,
Всею силой нравственного слуха
Призывъ нашъ внутренній поймемъ!

Духъ братства кроткій, величавый,
Духъ мира снова воскресимъ
И скажемъ свѣту слово славы,
Еще неслыханное имъ.

К. Аксаковъ.

О СЛАВЯНСКОМЪ НАРОДНОМЪ ПѢСНОТВОРЧЕСТВѢ.

Мм. Гг.!

Тысячелѣтняя славянская исторія, красная не только словомъ лѣтописей, но и пролитою кровью безчисленныхъ жертвъ и стыдомъ понесеннаго униженія, представляетъ вездѣ одни и тѣ же выводы, слово въ слово, какъ будто Славяне сговорились, съ малыми измѣненіями, перепечатать другъ у друга одинъ историческій учебникъ. Одно и то же, другъ за другомъ, паденіе первобытныхъ *государствъ*, и почти отъ однихъ и тѣхъ же причинъ; одна и та же роковая судьба, обошедшая югъ и западъ славянскій до самаго сѣвера, до Вислы, гдѣ покончила дѣло свое уже въ концѣ прошлаго вѣка; тѣмъ же самымъ путемъ обошла эта судьба и сѣверо-востокъ славянской Европы, обошла и — миновала его, отлилась какъ волна отъ груди исполинскаго утеса, того утеса, безъ котораго самое имя Славянства рано или поздно было бы сдано въ азіатскіе департаменты или нѣмецкіе архивы.

По распаденіи политической самостоятельности цѣлыхъ государствъ и даже тамъ, гдѣ она уцѣлѣла, опять вездѣ одни и тѣ же ряды *лицъ*, записанныхъ поименно въ исторію: одни служатъ инородцамъ и предаются своимъ, другіе падаютъ на междѣ родныхъ окраинъ геройскою жертвой, третьи гибнутъ въ хайдукахъ, драгъаряхъ, страждующихъ музыкантахъ и эмигрантахъ, наконецъ, просто гложутъ въ своихъ кабинетахъ за словарями и грамматиками. И опять роковое разложеніе остановилось, ударившись о послѣдній, несокрушимый, внутренній оплотъ, о *простой народъ*, простой, какъ стихія, на разложеніе коихъ не успѣлъ подѣйствовать благотворный химическій анализъ Италіянцевъ и Нѣмцевъ, ни льстивый языкъ хатти-гамаюновъ и хатти-шерифовъ, ни спѣсивый говоръ мадьярскихъ сеймовъ. Подъ татарской и турецкой пятой Ислама, подъ сандаліей роскошныхъ Римлянъ и Венеціанцевъ, подъ гусарской шпорою Мадыара и подъ пантофлемъ кабинетнаго Нѣмца одинаково сгибли различія въ старыхъ сословіяхъ народа, нивелирована плоскость и остался одинъ — *ровный народъ* Славянскій. Исключенія не было нигдѣ: когда исторія поступательно дошла къ этой развязкѣ до Вислы, Буга и Нѣмана, простой народъ попечительной рукою родства поднятъ изъ-подъ шляхетскаго каблучка; когда пришла она къ Двинѣ и Днѣпру, Окѣ, Дону и Волгѣ, народъ призванъ къ новой жизни и къ участию во всѣхъ благахъ славянской исторіи.

Народъ — вотъ чѣмъ кончилась истекшая славянская исторія, полная горькихъ утратъ; вотъ чѣмъ началась новая, полная свѣтлыхъ надеждъ.

Народъ въ его *славянскомъ* и *пра-славянскомъ* значеніи — вотъ первое побѣдоносное знамя славянскаго единства. Чтѣмъ говорю я и зачѣмъ доказывать! Посмотрите вокругъ себя: чтѣмъ собралось здѣсь славянскихъ гостей и чтѣмъ собралось насъ вокругъ нихъ? Политическіе ли расчеты, конференціи ли дипломатическихъ кабинетовъ, цивилизація ли разныхъ націй, или научныя убѣжденія, раздѣляющія людей, какъ раздѣляютъ горы, даже интересы ли чисто общественные, хотя бы и образованности, торговли, народнаго хозяйства, художествъ, искусственные и преднамѣренные? Нѣтъ, все это скорѣе было противъ, или доселѣ смотреть враждебно, или относится по крайности равнодушно; нѣтъ, собралъ *простой народъ*, собрала этнографія, та, которая обратилась къ племеннымъ типамъ, къ быту, одеждѣ, утварц, жилищамъ простаго народа. И едва лишь коснулись мы сего народнаго очага, сего огня, какъ искрою пробѣжало по всѣмъ намъ сознаніе славянскаго единства, — и мы вмѣстѣ, и мы заодно!

Грустно было бы думать, что Московская выставка есть дѣло законченное, какъ Вавилонскій памятникъ славянскому единству, какъ вѣжа Бабель, послѣ которой разошлись еще хуже, еще болѣе разнѣ. Нѣтъ, это только начало, а въ немъ сѣмена будущаго. Естественнымъ образомъ, но какъ будто нарочно, наша этнографія начала съ самаго вышняго, съ почвъ, черепа и остова, физиологическаго типа, съ чертъ лица, съ фигуры жилища и одежды. Есѣ мы знаемъ, что это для этнографіи только самая низшая ступень, самый первый шагъ; второй шагъ тамъ, гдѣ масса манекеновъ оживляется живымъ словомъ, гдѣ раздается голосъ, творится языкъ, а въ языкѣ творитъ и творится народная пѣснь.

Народное пѣснотворчество — вотъ вторая ступень, и вы, мм. гг., не могли не замѣтить, что нынѣ оно только затронуто одной и единственной чертою. Тотъ, кто рѣшился, какъ могъ и какъ умѣлъ, прибавить къ выставкѣ рядъ памятниковъ общеславянскаго народнаго пѣснотворчества ¹⁾, тотъ въ Обществѣ Словесности можетъ исключительно обратиться къ сей великой области.

Если *народъ* — первое условіе нашего единства, то *пѣснотворчество народа* — дальнѣйшая и высшая ступень сего единства. Дальнѣйшая и высшая: ибо здѣсь не только народъ, но и его *самосознаніе*, не только самосознаніе, но и творчество, то-есть, самообладаніе, распорядительная власть надъ собственнымъ сознаніемъ.

Подлинно, еслибы Славянамъ недоставало народнаго творчества, тогда, для спасенія въ единствѣ и для единства въ спасеніи, нужно было бы это творчество намѣренно изобрѣсти; но оно есть, со всею

¹⁾ Эти памятники, собранные Н. А. Безсоповымъ, занимали на выставкѣ особое мѣсто. *Ред.*

музыкальностью славянской природы, съ тысячами нпѣвовъ подъ тысячу видовъ, на тысячу лѣтъ къ прошлому и на тысячи лѣтъ къ будущему, такъ, какъ послѣ Грековъ никогда и нигдѣ не было у другихъ народовъ. Если же это есть, то какой же великій трудъ потребенъ былъ неславянской Европѣ, чтобы заподозрить единство между Славянами, чтобы заставить его забыть, чтобы дать намъ случай снова его открыть, чтобъ отвратить нашъ слухъ отъ милліона голосовъ. ежедневно и ежечасно несущихся пѣснію по всему славянскому міру, отъ Вѣлаго — Мраморнаго моря до Синяго — Адриатическаго ¹⁾, отъ Синяго — Каспійскаго до Вѣлаго — Сѣвернаго, отъ Чернаго — Русскаго и Всеславянскаго — по Всеславянскому Дунаю, отъ Савы и Дравы до Урала, да и дальше, за Европу, уже и до Китая, и до Ташкента, куда только проникъ славянской геній или гдѣ Русскій водрузилъ свое славянское знамя.

Какъ ни драгоценна наша культура, но не въ ней наша *славянская* слава, не ею должны мы гордиться другъ передъ другомъ. Культуру всегда добудетъ себѣ народъ, если онъ живъ и здравствуетъ, да имѣетъ въ себѣ творческіе задатки; а безъ народа, безъ простаго народа, можетъ-быть, и есть культура, только не *славянская*, и есть *нація*, только *нація западная*, та, что съ легкой руки Рима живетъ благополучно насчетъ своей черни и пролетариата. Не такова *наша* культура, не такова *наша* нація, и горе той, которая довела бы свой народъ до оставленія земли и земства. „Кою овцу свое руно смете, онде нема ни руна, ни овце“ ²⁾. Тамъ была бы не культура, а книга, изъ книгъ — бібліотека; а бібліотеку сожжетъ всегда первый Омаръ, пришедшій съ Востока. Это то же, что сказалъ нѣкогда нашъ Владиміръ: „Сребромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато“.

Наша *истинная* слава въ нашемъ *народномъ пѣснотворчествѣ*. Кромѣ нѣсколькихъ заброшенныхъ уголковъ, какъ напримѣръ, Бретани, Албаніи, Басковъ, народъ европейскій — не нашего племени — смолкъ: онъ, какъ дитя, за доброе поведеніе, получаетъ книжные подарки *сверху*, арію Верди, пѣсню Беранже, циническую погудку прусскаго солдата. Нашъ народъ не *дитя*; онъ творитъ *самъ по себѣ и отъ себя*, только его самобытный голосъ и слышенъ громко въ Европѣ. Оттого-то нашъ народъ — явный знакъ — есть наследникъ всего будущаго старой Европы, оттого-то въ немъ нерасторжимое единство силъ, устремленныхъ къ грядущему. Вотъ гдѣ наша слава: ибо здѣсь же *начала нашей культуры*, здѣсь языкъ, наше вѣщное сокровище, здѣсь всѣ наши вѣрованія и воззрѣнія, взглядъ на семью и общину, на право и на государство, какъ понимаетъ его Славянинъ. Не буду перечислять всѣхъ красоть: вы ихъ знаете сами, въ нихъ столько восторгающаго,

¹⁾ Такими названія морей, по цвѣту, у Славянъ.

²⁾ Коей овцѣ помышало свое руно, тамъ нѣтъ ни руна, ни овцы.

почти охмѣляющаго, что скажу съ нашей пѣснiю: „намъ не дорого теперь пиво пьяное, дорогá смиренная бесѣда“ — и ее-то я продолжаю.

Когда всѣ мы, Славяне, въ теченiе долгой нашей исторiи, боролись, то страдали, то снова поднимались — на страданiе, и не много знали минутъ отдыха или торжества, — кто двигалъ толпами и одушевлялъ ихъ къ терпѣнiю или побѣдѣ, кто блюлъ минувшiя дѣяния въ словѣ, кто ихъ облачалъ въ вѣчные образы лапидарные, длинные барельефы, несокрушимыя изваянiя? Народъ нашъ, въ своемъ словѣ и своимъ пѣснотворчествомъ: это Люмиръ,

Ký slovy i pĕniem bezĕ pohýbal
Wysehrad i vae' vlasti ¹⁾;

это Боянъ, который, „не десять соколовъ на стадо лебедей пушаше, нѣ своя вѣщiа прѣсты на живая струны вѣскадаше, они же сами княземъ славу рокотаху“, и въ слѣдъ за нимъ вторили намъ ту же славу „Нѣмци и Венедици, Греци и Морави“ ²⁾.

А отъ Люмира и Бояна, чрезъ всю исторiю, какой длинный рядъ пѣвцовъ у всего славянства, этихъ гусяровъ, тамбурашей, бандуристовъ, лирниковъ, до послѣдняго „кляста и слиепа“ ³⁾, до этихъ изувѣченныхъ и слѣпыхъ, нищихъ и увичиженныхъ, но пѣвцовъ нашей славы, нашихъ еще живыхъ Гомеровъ!

Настаетъ ли трудная година народу, когда все, кажется, гибнетъ: и тутъ они на стражѣ нашей жизни. Не могу не привести одной знаменательной пѣсни сербской. Турки добиваютъ остатки сербскихъ героевъ, Турки дѣлятъ земли; живъ еще главный герой, Марко Королевичъ: живъ, но утомленъ уже борьбою и службою другимъ, не своимъ царямъ, и зрѣлищемъ ежечасныхъ народныхъ утратъ; онъ, какъ весь народъ, клонится ко сну, онъ преклонился на облучье, онъ спитъ. Что же? Спитъ онъ, а не спитъ пѣснотворчество; не спитъ его товарищъ, Милошъ, герой и вмѣстѣ пѣвецъ:

Марко слава, Милош пописива.

Что поетъ онъ?

А красну с песну заночео:
Од сви наши боли и старни,
Како ѿ кон др'о красенину
По честитој по Македонии ⁴⁾.

¹⁾ «Который словами (былизи) и пѣснiю колебалъ, бывало, Вишеградъ и всѣ области». Рукоп. Краледворск.

²⁾ Слово о Полку Игоревъ.

³⁾ Кляста и слиепа — техническое сербское названiе для пѣвцовъ сего рода.

⁴⁾ Марко спитъ, Милош пописиваетъ. А славную пѣсню онъ началъ: отъ всѣхъ нашихъ лучшихъ и старшихъ, кто и какъ держалъ державу свою по честной по Македонии.

Прошло нѣсколько времени, Марко умираетъ, или, вѣрнѣе, засыпаетъ до новаго возрожденія Славянъ; онъ уже заколотъ и разсѣкъ коня своего любимаго Шарца, онъ „бритку“ саблю перебилъ на четверо, онъ боевое копье сломилъ на семеро, онъ бросилъ булаву свою въ море, но—онъ завѣщаетъ третью часть имущества кому же? „вѣсту и снѣпу“

Нек слыши по свѣту ходе,
Нек пѣваю те спомнию Марка ¹⁾.

Говоримъ о событіяхъ великихъ: но пѣсня провожаетъ у насъ всякую черту жизни, отражаетъ каждую слезу и улыбку частнаго быта.

Что мудренаго, если пѣснотворчество всего вѣрнѣе опредѣлило наши отношенія къ другимъ окрестнымъ народамъ, увы! — не къ друзьямъ и пріятелямъ, а какъ доказала исторія, къ вѣчнымъ нашимъ врагамъ и завистникамъ. Пѣснотворческая, художественная Греція была вѣчною мѣтою вражды облежавшихъ народовъ: судьбу Греціи наслѣдовалъ другой пѣснотворческій народъ—Славянской. Музыкальность, художественность, увлекательность мягкой и даровитѣйшей природы славянской, быть-можетъ, всего болѣе служили причиной зависти и вражды, по крайности не менѣе, какъ и основы нашего славянскаго права, какъ наша самобытная наука и наше просвѣщеніе, какъ наша вся жизнь и исторія. Оглянемся же съ этой точки зрѣнія. Вѣчные враги наши—восточные народы и азіатскіе выходцы: каждая почти строка болгарской и сербской пѣсни носитъ въ себѣ мѣткій образъ этого врага. Образы слишкомъ извѣстны, чтобы повторять ихъ. Они съ юга повторились черезъ тысячи верстъ, на нашемъ Русскомъ сѣверѣ, гдѣ давно рѣшило наше пѣснотворчество, что врагамъ симъ не владствовать надъ нами, что отъ нихъ

„Отъ духу отъ татарскаго
Не можно крещенимъ намъ живымъ быть“.

Вошли ли Славяне въ близкія сношенія съ Итальянцами, вообще съ Романскими народами,—и мы слышимъ вѣковѣчное слово творчества:

„Латини су старе варалице“ ²⁾.

Говорить ли о Нѣмцахъ? скажемъ только словами, которые мы сейчасъ уже слышали ³⁾:

Nechvalno nám w Niemczech (—во всѣхъ!—) iskati pravdu... ⁴⁾

¹⁾ Пусть слыши по свѣту ходятъ, пусть поютъ и вспоминаютъ Марка.

²⁾ Латинцы—старые обманщики.

³⁾ Въ рѣчи председателя общества, Н. В. Калачова.

⁴⁾ Любушину Судъ.

Но какъ вѣрно опредѣленіе враговъ, такъ же точно жива и всего сильнѣе въ пѣснотворчествѣ вѣра въ живучесть славянскаго народа, въ его единство и славу до вѣка. На Косовѣ пропало Сербское царство, погибъ тамъ князь Лазарь, погибли лучшіе герои,

Све, што є свого и честито било
И шиломе Богу приступачно ¹⁾.

Погибло потомъ и болѣе, а славу поетъ творчество—

Док є сунца и док є мѣсца! ²⁾

Торжествуютъ ли Чехи? Ихъ слава идетъ по всей землѣ, и мы слышимъ чутко въ народномъ творчествѣ, что идетъ на вѣки:

Roznosi se radost po vsěj Praze,
Roznosi se radost kolkol Prahy,
Rozletnu se radost po vsěj zemi,
Po vsěj zemi ot radostnéj Prahy ³⁾.

Еще яснѣе это самосознаніе въ нашеть Русскомъ народномъ творчествѣ. У насъ лучшимъ героямъ былили, Пль Муроуцу, представителю земской дружины, и чистому представителю земщины Микулъ Селянновичу „смерть на бою не писана“; ихъ „сила отъ матушки отъ сырой земли“, а эта земля, „Свято-русь земля“, стоитъ „пока міръ стоитъ“, и слава ей поется какъ слава вѣчная, „слава до вѣку.. „Въ вѣкъ тому слава не минуется“, таково обыкновенное заключеніе нашихъ пѣсень.

Вотъ почему *возрожденіе* Славянъ тѣсно связано съ народнымъ пѣснотворчествомъ. Исторія сего творчества, собраніе его памятниковъ и изданіе, есть вмѣстѣ возрожденіе Славянства и на оборотъ: оба явленія не только параллельны, но и связаны внутренне. Конечно, и общее вниманіе европейской исторіи къ судьбѣ южныхъ Славянъ, и появленіе ихъ на исторической современной сценѣ, и близкое упоминаніе общей ихъ цѣлости, все это на значительнѣйшую долю зависѣло отъ того, что *В. Ст. Караджичъ*, дорогое имя, исходилъ Сербію, началъ собирать, собралъ и издалъ памятники ся пѣснотворчества. Еще *Добровскому*, съ конца прошлаго вѣка, не мечталось того, къ чему, однако, привелъ онъ своими изслѣдованіями; еще пѣсни, изданныя нашимъ *Новиковымъ*, въ 1780—81 годахъ, офиціально были признаны, со стороны лучшихъ, умнѣйшихъ тогдашнихъ людей, за книгу вред-

¹⁾ Все, что святаго и честнаго было, что было шиломъ Богу приступно.

²⁾ Покуда есть солнце и мѣсяцъ.

³⁾ „Разносится радость по всей Прагѣ, разносится радость около Праги, разлетѣлась радость во всю землю, во всю землю отъ радостной Праги“. Кракедворская рукопись.

ную для распространения; а кто, вскоре послѣ того, забудетъ 1800 годъ, когда издано *Слово о Полку Игоревѣ*? кто забудетъ тотъ годъ, когда безсмертный *Ганка* открылъ безсмертную *Краледворскую рукопись*? Въ 1818 году, нашъ неутомимѣйшій *Калайдовичъ* издаетъ „Древнія Россійскія Стихотворенія“, сборникъ народныхъ былинъ; въ 1820 году нашъ маститый *А. С. Шишковъ* уже переводитъ и издаетъ у насъ *Рукопись Краледворскую*; съ 1817 по 1823 годъ идетъ Ганкино изданіе: „*Starobylá skládanie*“, собраніе стихотворныхъ произведеній, уцѣлѣвшихъ по рукописямъ; съ 1823 по 1827 годъ великій *Шафарикъ* съ Яномъ *Благославомъ* издаетъ пѣсни Словаковъ; за нимъ выступаетъ съ такимъ же изданіемъ приснопамятный *Колларъ*; съ 1822 по 1827 годъ любвеобильный *Челаковский* соединяетъ всѣ пѣсни и вмѣстѣ всѣ народы славянскіе; и кто же не знаетъ, что время то было одинаково возрожденіемъ и *Славянъ* и *Грецинъ*, и что то же самое, одновременно, повторяется нынѣ, на глазахъ нашихъ?

Каждый шагъ, приближающій къ полному славянскому возрожденію, идетъ рядомъ съ новымъ періодомъ для народныхъ памятниковъ. Проникаютъ ли наши Русскіе къ Балканамъ, въ 1829 году, за ними по пятамъ идетъ собиратель пѣсень и возродитель самихъ Болгаръ-Гуцулъ по роду, но присный нашъ *Венелинъ*; „поютъ ли стяги наши на Дунаѣ“, — и въ 1855 году является первое полное собраніе Болгарскихъ пѣсень ¹⁾.

Да и кто изъ возродителей современнаго Славянства, кто изъ ученыхъ его, хотя бы стяжавшихъ славу на иномъ поприщѣ, не былъ въ то же время и собирателемъ, или издателемъ памятниковъ славянскаго пѣснотворчества? Послѣ имени Ганки, Челаковского, Шафарика, Коллара, Караджича, Калайдовича и Венелина, забудемъ ли эти дороги, милыя намъ, славныя намъ имена многихъ, подвизавшихся на томъ же поприщѣ, многихъ, еще живыхъ передъ нами, соединенныхъ въ семь собраній ²⁾: *Эрбенъ*, *Сушилъ*, *Смоляръ* ³⁾; *Гундуличъ*, *Чубро Чойковичъ*, *Качичъ*, *Милутиновичъ*, *Станковичъ*, *Иличъ*, *Валявецъ*, *Маряновичъ* ⁴⁾; *Верковичъ*, *Миладиновы*, *Раковский* ⁵⁾; *Станко Вразъ*, *Малръ*, *Явечичъ* ⁶⁾; *Конопка*, *Войцицкій*, *Жегота Паули*, *Вацлавъ изъ Олеска*, *Липинскій*, *Цейнова*, *Рогеръ*, *Кольбергъ*, *Клоновскій*, *Зейшнеръ*, *Шембера* ⁷⁾; *Лозинскій*, *Туровскій*, *Головацкій* ⁸⁾; *Князь Цертелесъ*, *Максимовичъ*, *Бодянский*, *Метлинскій*, *Зенкевичъ*, *Марко Вовчокъ* ⁹⁾; наконецъ,

¹⁾ Изданіе П. А. Безсонова, 2 части, 5 отдѣленій. Ред.

²⁾ Курсивомъ означены имена присутствовавшихъ въ собраніи, вызвавшія взривъ рукописнаго Ред.

³⁾ Чехъ, Мораванъ, Луничанинъ.

⁴⁾ Сербинъ.

⁵⁾ Болгаре.

⁶⁾ Словенцы и собиратели Словенскіе.

⁷⁾ Собиратели и издатели Польской вѣтви.

⁸⁾ Галичане.

⁹⁾ Малоруссы и Бѣлоруссы.

Трутовскій, Новиковъ, Дмитріевъ, Карамзинъ, Сахаровъ, Терещенко, *Адамасьевъ*.... ¹⁾ и болѣе всѣхъ собравшій дорогой П. В. Кирѣевскій, и лучшее открывшій Рыбниковъ, и глубже всѣхъ понявшій народную славянскую музыку князь В. О. Одоевскій, и подобно Челаковскому, всѣхъ сочетавшій въ своихъ творческихъ переводахъ Н. В. Бергъ, и много еще, много другихъ.

Скажемъ священными словами: „толикъ имуще облекаѣ насъ облакъ свидѣтелей, гордость всяку отложше, съ терпѣніемъ да течемъ на подлежащій намъ подвигъ“. И плодъ подвиговъ сего рода, плодъ скромный, но зрѣлый, Общество Словесности, оживленное наслѣдіемъ П. В. Кирѣевского, можетъ представить гостямъ своимъ: это его собственныя и ему посвященныя изданія русскихъ народныхъ пѣсень и духовныхъ стиховъ ²⁾.

А ты, великій и единый народъ Славянскій! Пой и веди твою пѣсню на долгіе вѣка, ибо пѣснь твоя не одно звучащее слово, но и громкое дѣло. Къ тебѣ, въ заключеніе, обратимся съ тѣми же словами, съ какими обращается сама славянская пѣсня, съ двухъ концовъ славянскаго міра, отъ Болгаръ и отъ Чеховъ:

„Попѣй ми ³⁾, Славке-де, попѣй ми
Отъ едно гърло два гласа,
Изъ едни уста двѣ думи,
Отъ езикъ сладки!“

Зане —

„Pevce dobra milujú bozi.
Pej, tobie ot nich дано
V srdce, protiv vrahóm ⁴⁾“.

П. Безсоновъ.

¹⁾ Рѣчь была прервана общими кликами: «Безсоновъ, Безсоновъ!» *Ред.*

²⁾ Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ, 6 выпускъ; Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ, 2 тома; «Каленъ Перехоміе», сборникъ стиховъ и изслѣдованіе П. Безсонова, 6 выпускъ.

³⁾ Покой мнѣ.

⁴⁾ Пѣвица добраго милуютъ боги: пой, тебѣ дано отъ нихъ изъ сердце, противъ враговъ.
Краледворская рукопись.

НАШИМЪ ЗАГРАНИЧНЫМЪ БРАТЬЯМЪ.

Привѣтъ вамъ, гости дорогие!
Москва вамъ низко бьетъ челомъ, —
Она васъ чествуетъ впервые,
И всеславянскимъ торжествомъ
Она впервые освящаетъ
Союзъ нашъ кровный, вѣковой,
Да крѣпнетъ онъ, и возрастаетъ
Въ любви взаимной и живой.
Гостепріимства полной чашей
Москва привѣтствуетъ гостей....
Друзья, вы плоть отъ плоти нашей
И кость отъ нашихъ вы костей!
Разлучены судьбою грозной,
Давно, давно живемъ мы разномъ,
Но въ насъ течетъ все та же кровь,
И злой судьбы тупая сила,
Ни въ насъ, ни въ васъ, не погасила
Святую братскую любовь.
Хвала вамъ, братья! Въ дни плѣненья,
Ни мечъ свирѣпаго гоненья,
Ни бури внутреннихъ невгодъ
Вашъ духъ могучій не сломили:
Вы и въ плѣну не посрамили
Славянъ свободный, честный родъ.
Васъ согрѣвало, васъ живило
Преданье свѣтлой старины;
Въ васъ кровь, въ васъ сердце говорило:
„Мы не рабами рождены!“
Черезъ всѣ лишенья, козни, муки,
Какъ стягъ народности своей,
Вы пронесли святые звуки
Родныхъ напѣвовъ и рѣчей.
Улада вашей скорбной доли,
Въ васъ не заглохъ во дни неволи
Святой поэзіи родникъ
И все течетъ свѣтлѣй и шире
И все свѣтлѣй на зашей лирѣ
Гремитъ свободы честный кликъ.

Хвала же вамъ, друзья и братья,
Что вы на зовъ нашъ притекли!
Привѣтъ вамъ, жаркія объята,
Поклонъ вамъ низкій — до земли.
Узнайте насъ, побудьте съ нами,
И полюбуйтесь Москвой
И преклонитесь предъ гробами
Мужей, избранныхъ небесами,
И чтимыхъ Русскою землей.
И возвратясь въ края родные —
Въ Загребъ, и Прагу, и Бѣлградъ,
Въ поля Червоныя Россіи,
Къ стопамъ Балкана и Карпатъ,
Скажите новымъ поколѣньямъ.
Что вашимъ чуднымъ возрожденьемъ
Мы здѣсь гордимся, какъ своимъ,
Что ваши славныя преданья,
И ваши слезы и страданья,
Поятны, святы намъ однимъ.
Да не введутъ ихъ въ искушенье
Навѣты, ласки и прельщенья
Народовъ Запада: — они
Вамъ не друзья: ихъ злыя козни
Вселяли духъ вражды и розни
Въ семью Славянской искони.
И медъ ихъ лести ядовитой,
И блескъ лукавыхъ ихъ даровъ,
Опаснѣй вамъ вражды открытой
Свирѣпыхъ Азіи сыновъ.
Ихъ оку больно, ненавистно,
Встрѣчать зари Славянской свѣтъ;
Лишь мы васъ любимъ безкорыстно,
Лишь въ нашемъ словѣ лести нѣтъ.
Отъ васъ, быть можетъ, недалеко
Тѣхъ испытаній тяжкихъ днѣ,
Когда грознѣй сыновъ Востока
Предъ вами явятся они:
Воспрянетъ ихъ вражда слѣпая,
Личины дружбы съ нихъ спадутъ,
И только Богъ да Русь святая
Опоры руку вамъ дадутъ.

Ворисъ Алмазовъ.

**СПИСОКЪ СЛАВЯНЪ,
ИЗБРАННЫХЪ ВЪ ЧЛЕНЫ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ**

ВЪ ЗАСѢДАНІИ 22 ДЕКАБРЯ 1867 Г.

Почетные:

К. Я Эрбенъ.

Дѣйствительные:

І. Субботичъ.

Я. Шафарикъ.

Ф Рачки.

М. Маяръ.

І. Коларъ.

О Т Ч Е Т Ъ

ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

за 1867 годъ.)

Им. Гг.

Въ концѣ минувшаго года Общество наше обнаружило стремленіе къ обновленію и передѣлало свой уставъ, написанный еще въ 1811 году. Это не осталось безъ вліянія на характеръ дѣятельности Общества, которое вмѣстѣ съ тѣмъ испытало значительныя измѣненія и въ личномъ своемъ составѣ.

Общество приняло въ число своихъ членовъ слѣдующихъ литераторовъ и ученыхъ: кн. Г. В. Кугушева, П. И. Мельникова, профессора, члена Археологической Коммисіи П. И. Саввантова, И. С. Некрасова, Г. П. Данилевскаго, профессора А. Д. Галахова, бывшаго до сего времени въ званіи сотрудника, В. П. Ключникова, бывшаго профессора Львовскаго Университета Я. О. Головацкаго, Сербскаго поэта и драматурга Субботича, южно-славянскихъ ученыхъ: Шафарика, Рачки и Маяра и Чешскаго поэта, много занимавшагося русской литературой, Колара. Списокъ нашихъ почетныхъ членовъ украсился именами В. И. Даля и Чешскаго поэта и археолога Эрбена. Съ другой стороны, Общество лишилось многихъ изъ своихъ членовъ: П. М. Строевъ и С. А. Соболевскій оставили Общество; скончались дд. чл. Н. И. Гречъ, И. В. Бѣляевъ и Н. А. Мельгуновъ и нашъ высокопочтительный почетный членъ и славный Архипастырь Московскій Митрополитъ Филаретъ.

Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій нынѣшняго года прочтены были статьи дд. чл. Безсонова и Лонгинова, посвященныя памяти умершихъ сочленовъ

) Читанъ, по утвержденіи Общества, секретаремъ оного, въ годичномъ торжественномъ засѣданіи Общества 31 декабря 1867 г.

нашихъ Бѣляева и Греча, этого полезнѣйшаго труженика въ области русской филологіи и замѣчательнаго въ свое время публициста, а въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій нашихъ д. ч. Н. В. Сушковъ изобразилъ начало славнаго поприща, пройденнаго покойнымъ высокопреосвященнымъ, почетнымъ сочленомъ нашимъ.

30-го марта наступающаго года совершилось бы 50 лѣтъ вступленію принопамятнаго Архипастыря въ наше Общество въ званіи его почетнаго члена. Мы надѣялись ознаменовать этотъ день особымъ торжественнымъ засѣданіемъ и въ цѣломъ рядѣ статей и изслѣдованій изобразить заслуги великаго святителя на поприщѣ отечественнаго слова. Можетъ быть совокупными усиліями вашими, Мм. Гг., эта весьма не легкая задача была бы достигнута; я же дозволю себѣ здѣсь лишь поименовать наиважнѣйшіе труды на поприщѣ словесности нашего усопшаго почетнаго сочлена. Въ разное время напечатаны, и притомъ съ именемъ автора, слѣдующія его сочиненія: 1) *Записки, руководствующія къ основательному уразумѣнію книги Бытія*. Это сочиненіе, состоящее изъ 3 томовъ, напечатано въ 1815 году и посвящено Императору Александру I. Оно заключаетъ въ себѣ переводъ книги Бытія и объясненіе оной, стихъ за стихомъ. 2) *Начертаніе церковной библейской исторіи* — одинъ большой томъ, напечатанный въ 1816 году; оба помянутыя сочиненія изданы во время бытности автора архимандритомъ и ректоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи. 3) Третій печатный и подписанный пмъ трудъ состоитъ въ трехъ огромныхъ томахъ *Словъ и Рѣчей* (первые два тома изданы въ 1848 году, а послѣдній въ 1861). Здѣсь заключается досто-славная проповѣдническая дѣятельность знаменитаго Московскаго Архипастыря, кромѣ поученій произнесенныхъ въ послѣдніе годы его жизни, равно какъ и нѣкоторыхъ словъ, принадлежащихъ къ ранней его молодости: ибо проповѣдническая дѣятельность нашего іерарха началась еще въ бытность его учителемъ семинаріи при Троицко-Сергіевой Лаврѣ. Вышеупомянутыя три сочиненія составляютъ капитальнѣйшія произведенія покойнаго сочлена нашего, но они далеко не исчерпываютъ всей его дѣятельности, которая касалась самыхъ многоразличныхъ сторонъ мысли и знанія и призываема была принимать участіе въ разрѣшеніи многихъ вопросовъ государственныхъ.

Отдавъ эту слишкомъ слабую дань памяти и трудамъ покойныхъ нашихъ сочленовъ, возвращаюсь къ дѣламъ Общества.

Къ 1 января 1867 года Общество состояло изъ

16-ти Почетныхъ Членовъ

97-ти Дѣйствительныхъ и

1 сотрудника.

Въ теченіи 1867 года избрано вновь:

Въ Почетные члены..... 2.

Въ Дѣйствительные..... 13.

Исключено изъ списковъ:

Почетный членъ.....	1.
Дѣйствительныхъ.....	6 и
Сотрудникъ.....	1.

Затѣмъ къ 1 января 1868 года состоятъ:

Почетныхъ членовъ.	17.
Дѣйствительныхъ.....	104.

Къ 1 января 1867 года въ библіотекѣ Общества было:

Названій книгъ.....	265.
Томовъ.....	367.
Газетъ.....	12.
Рукописей.....	8.

Въ теченіи 1867 года поступило вновь:

Названій книгъ.....	39.
Томовъ.....	42.
Газетъ.....	1.
Рукописей.....	2, изъ коихъ одна за-

ключается въ себѣ большую связку извлеченій изъ дѣлъ, хранящихся въ цензурныхъ архивахъ, а другая—первоначальный текстъ сочиненія барона М. А. Корфа: *Восшествіе на престолъ Императора Николая*.

Затѣмъ къ 1 января 1868 года въ библіотекѣ Общества состоятъ:

Названій книгъ.....	304.
Томовъ.....	409.
Газетъ.....	3.
Рукописей.	10.

Библіотека наша, обьединъшая вслѣдствіе отдѣленія въ 1866 году значительной доли книгъ въ пользу Симбирской Карамзинской библіотеки, мало по малу пополняется новыми приношеніями. Но я не могу не замѣтить здѣсь, что это пополненіе обогащаетъ ее не столько, сколько можно было бы желать. Желательно было бы, чтобы на ея полкахъ находились всѣ сочиненія нашихъ сочленовъ, чтобы каждый новый членъ считалъ обязанностью дѣлать въ нее вкладъ полнымъ экземпляромъ своихъ сочиненій и присоединилъ къ нимъ все что вновь имъ издается.

Что касается до матеріальныхъ средствъ Общества, то они состояли къ 1 января 1867 года въ 1864 руб. 23¼ к.

Въ теченіи 1867 года поступило:

Отъ продажи изданій Общества.	393 руб. 50 коп.
Членскихъ взносовъ и за дипломы.	240 " — "
Всего же, съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ мелкихъ статей прихода, поступило.....	634 " 60 "

Израсходовано:

На изданія Общества.....	781 руб. 27 коп.
На различные расходы Общества: засѣданія, пересылку книгъ и пр.....	465 „ 86 „
Всего же въ расходѣ... ..	1247 „ 13 „
Затѣмъ къ 1 января 1868 года въ кассѣ Об- щества состоитъ на лицо.....	1251 „ 70¼ „

Кромѣ того мы имѣемъ въ виду 3000 рублей, которые уважасмый сочленъ нашъ А. И. Кошелевъ пожертвовалъ для содѣйствованія цѣлямъ Общества. Эта сумма уже доставила возможность В. И. Далю предпринять изданіе его *Словаря* и нынѣ, будучи выручена продажою Словаря, снова имѣетъ возвратиться въ нашу кассу для того, чтобы дать средства Обществу приступить къ новымъ серіознымъ трудамъ. Цѣль жертвователя состоитъ въ томъ, чтобы внесенная имъ сумма была употребляема исключительно на изданія особенной важности.

Въ 7 публичныхъ и нѣкоторыхъ изъ числа 6 обыкновенныхъ и 4 чрезвычайныхъ засѣданій, бывшихъ въ истекающемъ году, вы прослушали новыя произведенія: Миллера, Лонгинова, Безсонова, Плещеева, Алмазова, Кн. Одоевскаго, А. А. и А. Н. Майковыхъ, Кн. Цертелева, Аксакова, Ознобишина, Калачова, Чаева, Тургенева, Сушкова, гр. Л. Н. Толстаго, Тихонравова и Ключникова, а также литераторовъ уже умершихъ: кн. И. М. Долгорукаго, Смирнова и К. С. Аксакова.

Публичное прочтеніе прозаическихъ и стихотворныхъ произведеній было въ свое время однимъ изъ главныхъ способовъ дѣйствованія нашего Общества и поддерживало преданія хорошей дикціи, значительно утратившіяся. Мы стараемся поддерживать этотъ добрый обычай стараго времени и посѣщеніе нашихъ публичныхъ засѣданій довольно значительной публикой доказываетъ, какъ кажется, что нѣтъ причины отъ него уклоняться. Но мы оставались бы далеко ниже своей задачи, еслибъ ограничили одними публичными засѣданіями. Намъ предстояло оправдать домогательства объ измѣненіи нашего устава усиленіемъ дѣятельности, о недостаткѣ которой свидѣлствуютъ нѣкоторые изъ предшествующимъ отчетовъ. Дѣйствительно, въ послѣдніе годы двѣ изъ важнѣйшихъ работъ нашихъ либо приостановились, либо ускользнули изъ нашихъ рукъ: я говорю о *Пѣсняхъ*, собранныхъ *Кирильскими* и о *Толковомъ словарѣ живаго Великорусскаго языка*. Капитальный трудъ В. И. Даля оконченъ на сумму Всемилоствѣйше отпущенную изъ государственнаго казначейства; но онъ начать, какъ я сказалъ уже, на сумму внесенную въ Общество А. И. Кошелевымъ и въ 1861 году первые выпуски *Словаря* были представлены на соисканіе Демидовской преміи отъ имени Общества. Такимъ образомъ мы имѣемъ кажется право торжественно засвидѣтельствовать о духовной связи между Обществомъ и уважаемымъ составителемъ *Словаря* присвоеніемъ ему званія Почетнаго члена.

Другое важное изданіе наше, *Письма* собранныя Кирѣевскимъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ приостановившееся, нынѣ снова пущено въ ходъ. Главный двигатель этого изданія П. А. Безсоновъ, возвратясь въ Москву изъ отлучки, продолжавшейся нѣсколько лѣтъ, приготовляетъ къ печати 7-й выпускъ и, за истощеніемъ 1-го выпуска, приступилъ ко второму изданію онаго въ двойномъ числѣ экземпляровъ противъ прежняго.

Подлинникъ этихъ Писемъ — рукопись покойнаго Кирѣевского, со времени передачи ся В. А. Елагинимъ въ распоряженіе Общества, хранилась въ частныхъ рукахъ; въ нынѣшнемъ году Общество, признавая слишкомъ драгоценнымъ автографомъ этотъ памятникъ трудовъ цѣлой жизни покойнаго собирателя и желая сохранить его для будущихъ временъ, помѣстило его въ Московскій Общественный Музей, гдѣ еще не такъ давно славянскіе гости Москвы разсматривали его съ участіемъ и уваженіемъ, котораго онъ такъ справедливо заслуживаетъ.

Далѣе я долженъ упомянуть о второмъ дополненномъ изданіи прекраснаго изслѣдованія о Фонъ-Визинѣ нашего Почетнаго сочлена кн. П. А. Вяземскаго. Всѣ мѣры приняты, чтобы приступить немедленно къ этому изданію, какъ только авторъ доставитъ Обществу обѣщанныя дополненія.

Наконецъ въ нынѣшнемъ году напечатаны подъ редакцію М. П. Полу-денскаго два тома стихотвореній Мерзлякова. Изданіе это предпринято было еще въ 1863 году. Это дань уваженія къ почтенному Московскому профессору, долго бывшему Дѣйствительнымъ, а потомъ Почетнымъ членомъ Общества, во время перваго періода его существованія.

Я поименовалъ сдѣланныя Обществомъ изданія отдѣльныхъ сочиненій; нѣтъ сомнѣнія, что общій характеръ этихъ изданій вполне соответствуетъ цѣли и обязанностямъ Общества. Но такія изданія не привлекаютъ къ себѣ всѣхъ нашихъ силъ; это труды нѣсколькихъ единичныхъ членовъ, а вы, Мм. Гг., заявили въ прошломъ году желаніе предпринять такое изданіе, въ которое могли бы поступать выкладки многихъ, если не всѣхъ нашихъ со-членовъ, которое и связывало бы ихъ единствомъ общаго труда. Необходимость такого изданія была признана еще въ первый годъ возобновленнаго существованія Общества, въ 1859 году, но предложеніе объ изданіи отъ имени Общества совокупныхъ трудовъ его членовъ не состоялось въ то время и осуществилось лишь въ нынѣшнемъ году первымъ выпускомъ *Бесѣдъ*.

Первый, и нѣкоторымъ образомъ, пробный выпускъ этого изданія, заключаетъ въ себѣ, кромѣ нѣсколькихъ небольшихъ стихотвореній, статьи гг. Викторова, Ундольскаго, Некрасова, графа Соллогуба, Путята, Котляревскаго, князя Вяземскаго, князя Одоевскаго, Калачова и Лопгинова. Во второмъ, уже близкомъ къ выходу, вы увидите произведенія гг. Чаева, Алмазова, Дашкова, Смирнова (извѣстнаго біографа Грибоѣдова), отрывокъ изъ біографіи покойнаго Митрополита Филарета, изготовляемой Н. В. Сушковымъ, и нѣк. др.

Этотъ характеръ совокупности въ занятіяхъ Общества обнаруживается и въ часто ставшихъ повторяться съ конца прошлаго года засѣданіяхъ, спе-

ціально посвященнихъ памяти славныхъ дѣателей на поприщѣ отечественной словесности. Чествуя труды князя Вяземскаго, Глинки, Карамзина, Митрополита Евгенія, Общество не только вызвало нѣсколько замѣчательныхъ изслѣдованій, касающихся литературной или ученой дѣятельности номинуемыхъ лицъ, но и успѣло до нѣкоторой степени связать членовъ своихъ единствомъ работы. Въ близкомъ будущемъ намъ предстоитъ почитать подобнымъ же образомъ память одного изъ популярнѣйшихъ русскихъ писателей, украшающаго старыи членскій списокъ нашего Общества—Крылова.

Въ заключеніе обзора дѣятельности нашего Общества въ минувшемъ году, не могу не указать на участіе его въ приѣзѣ славянскихъ депутатовъ. Вы помните, Мм. Гг., что еще прежде чѣмъ рѣшено было сдѣлать въ ихъ честь соединенное засѣданіе всѣхъ ученыхъ и литературныхъ Московскихъ Обществъ, Вы пожелали привѣтствовать ихъ особымъ засѣданіемъ. Всероссійскіе гости были еще на границѣ и цѣль ихъ посѣщенія многими смутно еще понималась, когда Вы уполномочили меня сказать имъ: «Каждое изъ нашихъ нарѣчій да развивается своеобразно и независимо, но да привнесутъ они всѣ свои мѣстныя отличія и свой особый геній въ общую сокровищницу всеславянскаго слова, да распространится надъ всѣми этими нарѣчіями одинъ литературный языкъ, общій каждому образованному славянину и каждое славянское племя, къ какому бы вѣроисповѣданію оно ни принадлежало и какова бы ни была форма его правленія, да сдѣлаетъ этотъ языкъ органомъ взаимнаго общенія».

Произнося эти слова въ соединенномъ засѣданіи 18 мая, я внимательно наблюдалъ, какое впечатлѣніе они произведутъ на тѣхъ, къ кому обращались я,—вы помните,—слова эти были приняты съ живымъ сочувствіемъ. Мысль Ваша была вѣрна: цѣль перваго всеславянскаго съѣзда была ясно опредѣлена нашими Обществомъ.

Затѣмъ послѣдовало достопамятное засѣданіе 20 мая. Какими дружными сердечными привѣтствіями встрѣтила этихъ Чеховъ, Славонцовъ, Галичанъ, Сербовъ, Хорватовъ несмѣтная публика, тѣснившаяся въ большой актовомъ залѣ Университета! Какъ утѣшительно намъ было увидѣть нѣкоторыхъ изъ нихъ среди себя, за нашимъ членскимъ столомъ! Какъ вторили наши сердца сочувственнымъ словамъ, произнесеннымъ въ этотъ вечеръ Н. В. Калачовымъ, кн. Цертелевымъ, Миллеромъ, Майковымъ, Аксаковымъ, Безсоновымъ и Алмазовымъ!....

Развивая мысль, выраженную въ соединенномъ засѣданіи Обществъ, призывающихъ къ Университету, наше Общество принесло въ даръ собиравшимся въ обратный путь Славянамъ свои изданія; оно отправило въ 17 ученыхъ и литературныхъ славянскихъ учреждений по экземпляру своихъ изданій, приглашая вмѣстѣ съ тѣмъ членовъ этихъ учреждений принять участіе въ своихъ трудахъ; оно привѣтствовало открытіе Южно-Славянской Академіи телеграммою, въ которой выражало желаніе, чтобъ она послужила новымъ звеномъ въ дѣлѣ литературнаго соединенія всѣхъ славянскихъ племенъ; наконецъ оно приняло въ число своихъ Почетныхъ и Дѣйствительныхъ Членовъ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе извѣстныхъ заграничныхъ сла-

вянскихъ литераторовъ и ученыхъ. Съ своей стороны нашъ почетный членъ И. И. Смоляръ заявилъ Обществу о готовности своей содѣйствовать всѣмъ зависящимъ отъ него средствами распространенію русскихъ сочиненій въ славянскихъ земляхъ, заявленіе, которое было оглашено Обществомъ во всеобщее свѣдѣніе.

Будущее покажетъ, къ чему приведетъ свиданіе представителей умственнаго движенія всего славянскаго міра, но отъ Общества Любителей Россійской Словесности не отнимется та честь, что оно вѣрно уразумѣло и публично выразило, каковы должны быть для общаго блага и для усиленія цивилизаціи взаимныя отношенія между различными славянскими нарѣчіями. Оно ясно опредѣлило настоящій характеръ панславизма, его литературный характеръ и сдѣлало, снѣю надѣяться, не безплодный шагъ на этомъ пути, который нѣкогда указывали Хомяковъ и Погодинъ.
